

Каз 2

Ш 17

138835

САФУАН ШАЙМЕРДЕНОВ

и н е ш

САФУАН ШАЙМЕРДЕНОВ

Инеш

Роман

Авторизованный перевод
с казахского *СЕРГЕЯ НИКИТИНА*

**ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЖАЗУШЫ»
АЛМА-АТА — 1969**

Роман известного казахского писателя Сафуана Шаймерденова «Инеш» посвящен становлению и формированию молодых людей в послевоенный период. Действие его происходит в Казахском государственном университете. Широким планом в нем изображена жизнь студенчества, показана борьба многочисленных течений в биологии тех лет. Зримо выписаны фигуры ученых, стоящих на полярно противоположных позициях в науке.

Роман — один из немногих, посвященных студенчеству и ученым Казахстана, и представит несомненный интерес для русского читателя.

7-3-3
305-3

АБОНЕМЕНТ

Северо-Казахстанская областная
БИБЛИОТЕКА
город ПЕТРОПАВЛОВСК

1

Рельсы пересекали степь и вонзались в небосклон. Ровная, видная насквозь, она выгибала спину холмами и сопками. Изредка высвечивалась на блеклом ковыльном ковре рожь, серые пары, покосы с темными душистыми валками. Солнце висело белое, струились и плавились стеклянные дали, точками стояли в небе над ржавыми плешинами жаворонки.

Маулен, высунувшись из открытого окна вагона, хватал ртом пахучий горьковатый воздух, крутил головой, сжимал зубы и что-то кричал гортанно и зазывно, смеялся трудно, захлебисто.

Поезд, казалось, тащился медленно, еле поспевая за бредущими куда-то темными столбами, отсчитывающими неумолимое время.

Маулен узнал родную степь. И степь узнала его, прихлынула к сердцу сладостно-вязкая истома, тело напряжилось, будто перед прыжком вперед.

Степь-колыбель, степь-кормилица! Четыре года не видел ее Маулен. И теперь вот, возвращаясь домой после демобилизации, не нарадуется краям родным.

Кому не знакомо сладостное чувство родины?! Слова немые, чтобы выразить его сполна. Не пересказать любовь, не передать звуками тишину.

Солнце уже село на макушки пологих бугров, а Маулен все не отходил от окна, глубокими вздохами ловил полынную горечь, дым пастушьих костров, казалось, слышал призывное ржание стремительных айгыров¹, жалобное блеяние овец.

В овраги и долины пал мягкий сумрак, поползли по гигантским ухабам плотные тени. По-вечернему красно катилось по земле солнце, взорвались и замерли на небе мали-

¹ Айгыр — жеребец.

новые облака, над рекой в оранжевых берегах мелькали ласточки. И на мгновение остановилось время, пали ничком бугры и косогоры — они уже не дрожали в мареве и лежали до горизонтов недвижно, незыблемо.

Радость встречи с родиной трудно хранить в себе: Маулен кидался то к одному, то к другому соседу по купе, заглядывал в глаза, призывая пассажиров в свидетели своего счастья. Большие, черные, чуть-чуть навывкате глаза его сверкали. То и дело откидывая жесткие непокорные, отливающие вороненой синью волосы, он победоносно оглядывал соседей, нацеливая свой горбатый нос туда и сюда.

Маулен надоел пассажирам своей взвинченностью и неугомонностью, но никто не ворчал, не сетовал: знали и понимали люди чувство возвращения после долгой разлуки домой. Выжить, остаться невредимым, красивым и молодым, с орденами и медалями на груди в этой, только что отгремевшей войне с фашизмом, было не просто, не легко. Многие не вернулись вовсе, и радовались уцелевшие за всех сразу, быть может...

И было в молодом, высоком и крепком, бурном и ухватистом парне что-то такое близкое всем, сокровенное, красивое, что от него не отводили глаз. Крупные зубы, полные, четко очерченные губы — ладен, породист был парень, на выпуклом лбу залегли еле заметные морщинки — не от старости — от дум.

Ему прощали и хвастовство: в разговоре то и дело подчеркивал, что он — сын казахской земли, что ему сызмальства знакома здесь каждая тропка и былинка...

Когда утром рано-рано поезд остановился на какой-то станции, Маулен, казалось, не отходивший от окна всю ночь напролет, растормошил спящих соседей, заорал во весь голос:

— Арысь! Ведь это же Арысь! Смотрите, мы приехали в Арысь!

Никто из пассажиров не возмутился: радость молодого казаха была так непосредственна и чиста!.. Все выглянули в окна и ослепли от чистоты и глубины первозданной сочности красок. Свежо и молодо раскинулась за сгорбленными домами Арыси разноцветная земля.

Удивительно хороша степь, освеженная дождями. Всюду царствует зелень — и на равнинах и на взгорьях, цепочкой уходящих за горизонт и похожих на длинный растянувшийся караван. В ложбинках косматятся на солнце вспучившиеся речушки. В вечернем полумраке сквозь поре-

девший тальник вспыхивают белокрылыми чайками мазанки. Прямыми стрелками вонзаются в небо дымки аулов. Увлекая за собой облако пыли, мчится на ток машина с зерном. Иногда, сквозь грохот колес, обостренный слух улавливает дорогой сердцу напев, который тут же, словно свист пролетевшей пули, отстает от поезда.

Маулен вглядывается вперед, ожидая встречи с величавым Алатау. По нему он тосковал все эти годы разлуки. Образ Алатау для Маулена всегда связывался с образом будущего. И когда вдали, повыше мутно-багровой полосы на горизонте замаячили снежные вершины, Маулен почувствовал такое волнение, что задрожал от пят до головы. Вот оно, начало новой поры жизни, начало будущего!

Не бывает предела человеческим мечтам и желаниям. Еще вчера под свист пуль и грохот снарядов думал Маулен: «Нет большего счастья, чем умереть, услышав слово «Победа!» Но он выжил, и сейчас у него другие мечты, другие желания. Его звал, манил к себе большой красивый город у подножия гор. Порой он ощущал его так явственно, что ему казалось: вот он идет по асфальтированным улицам в тени акаций и тополей, сидит в аудитории университета на занятиях. На кафедру поднимается аксакал. Оглаживая длинную белую бороду, поблескивая очками, он начинает говорить.

«Профессор», — почтительно думает Маулен и внимательно слушает напевную, звучную речь ученого...

Объятый воспоминаниями, Маулен долго бы бродил мысленно по желанному зеленому городу мечты, но неожиданно ход его мыслей прервал изменившийся ритм движения поезда — он стал постепенно замедляться. Вначале появились приземистые белые домики в зелени садов, затем постройки стали чаще и чаще, показалась станция.

На перроне слышен был гомон людской толпы. Кто-то кого-то встречал, кто-то кого-то провожал. Сновали туда и сюда люди с чемоданами, узлами, чайниками.

Маулена одолевала жажда, и он решил сходить в буфет выпить пару пиал зеленого чая. Но не успел он сойти со ступеньки, как заметил две стройные девичьи фигурки, отделившиеся от толпы. У девушки, что повыше ростом, — маленький чемоданчик, она держала под руку свою спутницу. На ней была шелковая кофта, шаровары почти закрывали ее красивые туфли. Черные косы аккуратно уложены на макушке.

Подруга ее явно чем-то расстроена, очень грустна. Тон-

кие брови на шоколадном от загара лице сурово сдвинуты к переносице.

До чего же привлекательна у нее походка! Ступает плавно, нежно, словно боясь потревожить землю. Широкая ее шляпа, трепещущая от ветра, похожа на белую птицу, летящую навстречу Маулену. Широкий, свободно сидящий макинтош при каждом шаге обрисовывал тонкую гибкую фигуру девушки. Она явно кого-то высматривала.

Девушки прошли вдоль состава и повернули обратно. Что-то до боли знакомое показалось Маулену в грустной девушке. «Где же я ее встречал? Не Инеш ли это? Но как Инеш может оказаться здесь, на этой станции? Отроду болезненная, она сейчас отдыхает где-нибудь в санатории под Алма-Атой. И все-таки эта девушка поразительно похожа на Инеш».

— Инеш! — воскликнул невольно Маулен.

Девушка в макинтоше обернулась и уставилась на парня в военной форме, стоявшего на подножке вагона. В следующий миг она бросилась к Маулену, который одним прыжком очутился рядом с ней.

— Откуда ты, Маулен? Мауленчик, как ты попал сюда?

Не в силах совладать с внезапно нахлынувшим волнением, Маулен молча жал руку Инеш. Он едва выговорил свое имя девушке с чемоданчиком, которая ни с того, ни с сего вдруг мягко рассмеялась. «Что с ней?» — мельком подумал Маулен и вопросительно посмотрел на Инеш. Та ответила ему взглядом, полным радостной хитрецы. На ее загорелом худом лице мелькнул и тут же исчез румянец.

— А мы тут на практике... Познакомься, это моя подруга Гульшат Аманова.

Гульшат извинилась, объясняя причину внезапного смеха:

— Инеш насильно притащила меня сюда в надежде встретить кого-либо из знакомых... Видите, как удачно получилось. Как будто нарочно назначили свидание...

— Пришли слишком поздно... — печально вставила Инеш. — Билеты проданы, не уехать.

— Не может быть! — весело сказал Маулен и, попросив у девушек разрешения, бросился к начальнику поезда. Он поспешно объяснил ему, что возвращается с фронта, что встретил сестру погибшего фронтового друга и что ему нужно два билета. Начальник поезда не проронил ни слова, молча написал записку в воинскую кассу. Когда Маулен с билетами в руках возвратился к девушкам, зазвонил коло-

кол, извещая об отправлении поезда. Маулен по-солдатски звонко скомандовал:

— Девушки, быстро на посадку! Билеты есть!

Он подхватил их под руки и устремился к вагону, по дороге успев отобрать у Гульшат чемоданчик. Вспрыгнув на подножку, Маулен сильным движением поставил Инеш на площадку вагона. Очутившись в тамбуре, девушка подивилась ловкости парня. Но Гульшат отстранилась, отвела сильные руки.

— Спасибо за внимание! — засмеялась она. — Но я остаюсь здесь. Счастливого пути, Инеш! Привет возвратившимся студентам!

— Обязательно передам!

— Но у меня же два билета! — весело, без сожаления прокричал Маулен. — Едемте с нами. Ну же, решайте.

Поезд дернулся и двинулся вперед. Гульшат на секунду тушевалась, посчитав себя виновной в том, что сразу не объяснила суть, не предупредила парня. Она зашагала рядом с подножкой, не решаясь вскочить. Вообще-то почему бы и не поехать, раз есть билет...

— Гуля, не болей! Счастливо закончить практику! — прервала замешательство Инеш.

— Счастливого пути! — ответила со вздохом Гульшат.

Тревожно улыбаясь, Гульшат шагала рядом с вагоном, пока он не набрал скорость. Оставшись одна, она почему-то вспомнила пропавший билет, парня в гимнастерке, его весело блестящие глаза на оживленном лице: «Едемте с нами!»

Не так ли вот отстают от своего счастья... Гульшат укоризненно улыбнулась самой себе.

2

Широкая, без конца и без края песчаная солончаковая степь. И словно только ей одной отдает солнце свой жар. Воздух от зноя кажется рыжим. Посмотришь на горизонт — там за смутной завесой марева текут-бредут лиловые горы. Над кудрявыми барханами песков бушует сухое и жесткое пламя. А ведь совсем недавно, весной, здесь сочно зеленели травы, пестрели полевые цветы, от которых к осени остались лишь сухие иглы. Стоит ступить ногой, как они с треском рассыпаются.

По безлюдной песчаной степи извиваясь ползет крохотная речушка Бадам.

Однажды на ее берегу появилась одинокая палатка. Рослый светлолицый парень прикрепил к ней картонную табличку: «Казахский университет. Экспедиция студентов V курса биологического факультета»...

Гульшат шутливо похвалила парня:

— Правильно сделал, Манап. Не то среди такого множества палаток мы не смогли бы найти свою...

Манап повернул к ней длинное и бледное лицо. Под широким лбом, словно две полоски, проведенные острым лезвием, чернели узкие прорезы глаз. Он серьезно ответил:

— Если заблудишься, знай, что я найду тебя в любом месте степи. Глаз не сомкну, а найду. Так и знай...

— А если заблудятся другие?

— Это уж не мое дело... Что же останется делать главе экспедиции? Других пусть ищет сам Карим Бозжанов...

В это время к палатке подошел не молодой уже, тучный человек в широкополой войлочной шляпе. Вытирая шею платком, он шутливо-покровительственно проговорил:

— А, это ты, Балгабаев. Ты-то мне и нужен. Слышу, уже распределяешь поручения.

И без того узкие глаза Манапа от улыбки, казалось, плотно зажмурились.

— Нет, Карим-ага, это просто шутка...

Карим натужно рассмеялся:

— А мне не до шуток. Как руководитель экспедиции тебе и поручаю розыск студентов. На случай, если кто-то заблудится.

— Песок, солнце палит... Смогу ли я выполнить эту почетную и ответственную обязанность?— вполне серьезно ответил Манап, впадая в официальность.— Тут нужен следопыт, шустрый и глазастый. А я...

В университете знали ленивый нрав Балгабаева, его разговор с Каримом Бозжановым тотчас стал известен всем студентам. Они от души потешались над своим однокурсником.

Манап вначале огрызался, но вскоре утешился. Никто не терялся в степи, и Манап с наслаждением валялся в тени палатки, не отходя от лагеря ни на шаг, тогда как другие бродили в раскаленных песках, увязали в барханах. Караулил «заблудившихся». А между тем, задание у всех было одинаковое: изучать способы питания растений на песчаных почвах, собирать незнакомые травы.

Как-то вечером, сгрудившись возле костра, студенты подвесили на треножнике чайник с водой, ведро с похлеб-

кой. В ожидании ужина остряки пытались растормошить флегматичного Балгабаева.

— Или героизм не находит хозяина или хозяин не ищет его? Почему ты, Манап, не выполняешь поручения главы экспедиции?

Инеш, которую слегка знобило, вмешалась в разговор:

— Бросьте, какой героизм может быть в этих песках? Лишь бы целыми-невредимыми вернуться домой. А не то еще змея укусит...

— Героизм не выбирает обстоятельств,— вставила Гульшат.

Узкое лицо Манапа расплылось в улыбке:

— Правильно говорит Гульшат. Цель, достигнутая без препятствий, слишком дешева. Так сказал великий Павлов.— Поднявшись незаметно, Балгабаев тотчас испуганно вскрикнул:

— Инеш, у тебя на шее змея!..

Девушка пронзительно закричала, ей показалось, что по шее действительно ползет что-то холодное, гадкое. Ее окружили подруги, начали успокаивать. Манап же, заложив руки в брюки, презрительно скривился и отошел в сторону;

— Вот люди — шороха травы боятся...

Кое-кто засмеялся, другие неодобрительно молчали.

— И в шутке должны быть границы,— строго сказала Гульшат, поглаживая плечо вздрагивающей, побледневшей подруги.

— Ничего, теперь увидит настоящую змею,— не испугается,— равнодушно буркнул Манап.— Пусть привыкает. Я едва лишь травинкой задел ее шею. Ничего, успокоится.

Инеш и в самом деле перепугалась и долго не могла унять дрожь, согреться.

Практика нелегко дается Инеш: пески, солнце. Это не для нее. Прежде было лучше. Ее курс проходил практику на севере. Летом там благодать. А здесь, в полупустыне... Нет, Инеш не выдержит зноя. Поскорее бы кончалась практика. Иначе...

Вчера от солнечного перегрева у нее из носа пошла кровь. А нелепая шутка со змеей окончательно выбила девушку из колеи. Всю ночь Инеш не могла заснуть, вздрагивала от каждого шороха. Только задремлет, как перед глазами встают картины одна ужаснее другой.

Утром, как и обычно, почти все студенты ушли в пески,

но несколько человек, среди которых, конечно, Гульшат и Зада Касымова, остались в лагере — побоялись бросить большую подругу одну.

К полудню настоялась такая душная жара, что стало невозможно.

Инеш почувствовала себя совсем плохо — спазмы перехватывали дыхание. Она попыталась выйти, но сразу же у выхода медленно осела на песок. К ней подбежала Гульшат.

— Тебе плохо? — участливо спросила она. — Что болит? Чем помочь?

Инеш не ответила. Устремив взгляд куда-то в сторону, она обеими руками закрыла лицо, протяжно вздохнула, но тут же снова открыла глаза, ладонью заслонив их от солнца. Что это? На нее неподвижно, завораживающе устремились чьи-то маленькие бесстрастные глазки. Инеш хотела закричать, но не смогла и молча, с открытым ртом повалилась набок...

На помощь Гульшат прибежала Зада Касымова.

— Воды... Холодной воды... Беги, Зада! — закричала испуганно Гульшат.

Увязая в песке, Зада бросилась в палатку.

Гульшат приподняла голову подруги и в это мгновение услышала неприятный шипящий звук. Огляделась — никого вроде нет. Забыла Гульшат, что в зное увязают все звуки. Она приложила ладонь к груди Инеш: «Ничего, опять на солнце перегрелась. Пройдет. Вот уже и дыхание улучшается».

Снова послышалось шипение. Гульшат не на шутку встревожилась, быстро посмотрела по сторонам и заметила маленькие, напряженно-неподвижные глаза, устремленные на нее. Гульшат не из робких. Она быстро опомнилась и вскочила на ноги, выхватила пинцет, постоянно хранящийся в кармане, и смело шагнула к змее. Та вжалась, голова ее, похожая на совок, раздулась. Змея с опаской попятилась, угрожая шипя.

Схватка была короткой — неуловимо быстрым и точным движением Гульшат защемила пинцетом голову гадюки, пытавшейся скрыться в горячих камнях. Даже зажатая пинцетом, змея долго еще дергалась из стороны в сторону, высовывая из пасти раздвоенный язычок.

Инеш пришла в себя, и хотя обрадовалась при виде укрощенной гадюки, опасливо отодвинулась подальше. Подруги уложили ее на раскладушку под навесом.

К вечеру у Инеш поднялась температура, из носа пошла кровь. У нее кружилась голова, тело была непроизвольная дрожь.

Так прошло несколько дней. Самое невыносимое было в том, что когда девушке порой приходилось оставаться в одиночестве, перед ее глазами неизменно вставала гадюка с ее холодным замораживающим взглядом. В паническом страхе девушка всматривалась в песчаные кочки. Корявые низкорослые кусты саксаула в воспаленном воображении превращались то в змеиные гнезда, то в гадких ящериц.

С тоской смотрела Инеш на своих более храбрых однокурсников, без страха в одиночку бегающих по раскаленным пескам. Лежа под навесом, она вспоминала тенистый сад, свою тихую комнату в городском особнячке, прохладу улиц. Рукой подать до Алма-Аты, а поехать нельзя. Практика.

Единственной опорой в эти трудные дни для Инеш была Гульшат, всегда доброжелательная, веселая и спокойная. Она бегала за свежей водой, прикладывала ко лбу прохладные влажные платки, поливала из ведра палатку. Кипятила отдельно для подруги чай, варила еду. И все это с шутками, с прибаутками, как будто и нет у нее усталости. Инеш только дивилась ее благодушию, силе воли, выносливости.

Под присмотром Гульшат Инеш стала быстро поправляться.

Однажды Манап Балгабаев сходил в ближайшее селение на почту и принес кучу писем и газет. Студенты нетерпеливо обступили его, тянули руки за конвертами.

— Стойте, товарищи! Минутку терпения! Первое дело у меня к Инеш,— он чувствовал перед ней вину за глупую выходку со змеей и был к девушке предупредительно вежлив. Он протолкался к Инеш и протянул лист бумаги, сложенный вчетверо.— Тебе телеграмма!— Вручая ее обеими руками он шутливо поклонился в пояс...

«Двадцатого Алма-Ату приезжает Маулен»,— говорилось в телеграмме матери. Инеш никому не сказала об этом ни слова. Поспешно улеглась в постель, тем более что все еще чувствовала слабость.

— Все живы-здоровы дома?— забеспокоилась было Гульшат, глядя на взволнованную подругу.

— Да, все в порядке, все живы-здоровы...— пересиливая волнение, равнодушно ответила Инеш. Всю ночь она ворочалась в постели, не могла заснуть. Под утро рассчи-

тала, когда через станцию будет проходить поезд Маулена... И после обеда упаковала свои немудреные пожитки, твердо сказала Гульшат:

— Мне, наверное, здесь не выздороветь, Гульшат. Проводи меня на поезд, поеду домой. Я больше не могу здесь.

Даже самой близкой подруге ни слова не сказала Инеш о задуманном, о Маулене.

3

Инеш непринужденно вошла в купе, неуловимым движением повернулась на каблуках и весело взглянула на Маулена. Все ее болезни, все ее горести как бы остались позади — там, на станции, в студенческом лагере. Маулен, не переставая улыбаться, забросил чемоданчик Инеш на верхнюю полку, opravил гимнастерку, подтянул ремень. Инеш невольно любовалась им: возмужал, заметно раздался в плечах — настоящий батыр! Заметила, что едва достает головой до его плеча. Дурашливо примерилась, взгляды парня и девушки встретились, оба рассмеялись.

— Ой, Маулен, какой ты большой стал! — вырвалось у Инеш и она уронила ресницы, проговорив, как бы в свое оправдание:

— Прости, я, кажется, чепуху мелю...

— Ты тоже выросла, Инеш...

— Где уж... Мне кажется, я все та же... Такая, какой ты меня частенько ругал...

— Все еще не забыла?

— Разве такое забудешь, Маулен? И я ведь рада встрече, хотя и не надеялась никого из знакомых сегодня встретить.

Маулен лукаво улыбнулся, хотел проговорить: «Может, и меня тоже?», — но девушка словно угадала его мысли и перебила строго:

— Кроме тебя, разумеется... — Она и сама не могла понять, почему ей не хотелось, чтобы Маулен узнал правду о телеграмме, о ее ночном бдении, о решении встретить поезд. Так уж видно девичья натура устроена. Сняла макинтош, села на скамейку, вскинула маленькую точеную головку.

— Сказать по правде, мне бы не хотелось попадаться на глаза тебе в таком виде, да уж, видно, судьба... Подумай только — какая жара! Ужас! Под ногами раскаленный песок, над головой палящее солнце.

Инеш вынула из чемоданчика сандаловый веер и начала обмахивать им лицо. Купе сразу наполнилось неповторимым ароматом. Маулен откровенно любовался девушкой. Загорелое лицо ее слегка осунулось, губы потрескались и блестят от вазелина. «Замучили девушку, черти», — пожалел Маулен.

На первой же остановке он сбегал в буфет, принес в термосе редкое в то время какао, ирисок и мороженого. Инеш по детски обрадовалась угощению, захлопала в ладоши. Она тотчас принялась за мороженое, достав из чемоданчика серебряную ложечку с витой тонкой ручкой, чуть оттопырив губы, потягивала янтарную жидкость. Всякий раз, когда она подносила ложечку ко рту, поднимала глаза на Маулена и коротко смеялась, обнажая белые и ровные зубы, черная родинка на щеке утопала в ямочке. Раньше она не утопала. Маулен помнил это хорошо. Быть может, только этим Инеш и отличается от той прежней девчонки, какой он знал ее до войны. Тот же детский нежный овал лица. Правда, глаза и нос проявились определеннее, несколько резче. Маленький прямой нос как бы чуть вздернулся, заметнее стали грани его. Черная родинка на щеке выросла и формой и размером, и какой-то неуловимой подвижностью напоминала зрачок. Да, девчонка, но в то же время уже и девушка... Маулен пробежал глазами по фигуре девушки, задержался на плечах, скользнул по бедрам и ногам, смутился.

— Извини, — чуть слышно рассмеявшись, проговорила девушка, заметив восхищенный взгляд парня, — смеюсь потому, что нельзя не рассмеяться. Это мороженое мое любимое. Не думай, что я притворяюсь. Правда, правда — любимое. Это же пломбир. И где ты только достал? Хочешь, расскажу один случай про мороженое? — и, не дождав-шись ответа, продолжала: — В нашем университете есть доцент Макан Бельгигулов. Очень, очень хороший человек! Пошутить любит, поддеть. Однажды подвел нас к лотку и спросил: «Как вам нравится буран-бель¹?» Я, признаться, ничего не поняла. «Как это понять — буран-бель?» Оказывается, он нарочно так называет пломбир. Ох, и посмеялись же мы тогда! С тех пор пломбир мы называем не иначе, как буран-бель...

Маулен еще раз отметил ее болезненную худобу.

¹ «Буран-бель» — буквально: тонкая талия. Подразумевается хрупкая, очень нежная девушка.

— Ты случайно не болела, Инеш? Отчего так осунулась?

— Болела, Маулен, еще как болела. Чуть не умерла, — сразу дрогнувшим голосом призналась Инеш. — Правда, правда! Если бы не Гульшат, не знаю, что и было бы. Ой, моя Гуля! Ты еще не знаешь Гульшат, Маулен. Отличная подруга! Она спасла мне жизнь. Был жаркий день. Лежала я возле палатки. Вдруг смотрю: ползет на меня гадюка, шипит, голову подняла, вот-вот бросится. Я сознание потеряла, не помню, что было дальше. Потом только узнала, что гадюку эту Гульшат поймала, рисковала своей жизнью... Да, если бы не она, на веки вечные осталась бы я в степи лежать бездыханной. — Инеш грустно усмехнулась. — Пришлось бы всем вам тогда обходить весь Бадам: где же, на каком бугре похоронена Инеш? Ты бы искал меня, Маулен?

Маулен не ответил. Воспоминания унесли его в прошлое... Он словно живого увидел перед собой Сабыра, брата Инеш. «Сабыр, Сабыр! Я никогда не забуду тебя. Ты был настоящим другом!»

Сабыр в 1938 году с похвальной грамотой окончил десятилетку, затем, всего за три года — экстерном прошел полный курс философского факультета Ленинградского университета, там же был оставлен в аспирантуре. В 1941 году в Алма-Ате формировалась национальная дивизия. Сабыр добровольцем вступил в нее. Там друзья и встретились вновь. Именно тогда Маулен частенько виделся с Инеш, которая навещала брата. Особенно запомнилась Маулену отправка на фронт.

И день тогда выдался какой-то необычный. С утра ветер нагнал черные мрачные тучи. На вокзал провожать бойцов пришел, казалось, весь город. Вокзальная площадь напоминала живое волнующееся море. Глаза Сабыра и Маулена пытались отыскать в этом море Инеш, но тщетно. И только в последний момент, когда эшелон уже тронулся, из толпы вырвалась девочка-подросток и с криком бросилась Сабыру на шею: «Брат мой!». Ветер трепал ее коротко подстриженные волосы, губы дрожали. Брат и сестра не успели даже перекинуться словом. Сабыр лишь несколько раз поцеловал сестренку, осторожно освободился от ее объятий и прыгнул на подножку вагона. На глазах его блеснули слезы:

— До свидания! — хрипло отозвался Сабыр. — Прощай, Инеш-жан, Поцелуй за меня маму.

Не знал, не мог знать тогда Сабыр, что больше никогда не увидит родных...

Добежав до конца перрона, Инеш остановилась с заплаканным лицом, комкая белый платочек. Такой — беспомощной, плачущей — и запомнилась Инеш Маулену...

Сабыр и Маулен воевали рядом около года. Вместе участвовали в сражении под Москвой. Письма Инеш часто приходили на передовую. Они шли одно за другим. Инеш сожалела о том, что не смогла проститься с Мауленом в день его отъезда на фронт. То она описывала пришедшую в город весну, — Маулен и Сабыр знали, какие в Алма-Ате распустились цветы, и мысленно видели свой родной город, — то писала об успешной сдаче экзаменов. Одни письма были полны безмятежной радости, в других сквозила печаль. Однажды она коротко сообщила о том, что поступила в университет. Когда перешла на второй курс, то писала, что ей присуждена Сталинская стипендия. Часто в ее письмах мелькало имя доцента Макана Бельгигулова. Маулену отчего-то запомнилось письмо, пришедшее ранней весной. «Хотя наступила оттепель, солнце греет слабо. С гор дует пронзительный холодный ветер. Давно не было таких зим. Недавно нас возили на гидроэлектростанцию, которую строят в горах. Работали. Я страшно устала и, видимо, простудилась, поднялась высокая температура. Но домой меня не отпустили. Время военное — надо терпеть... Вернулась только сегодня. Мама соскучилась. Она часто думает о тебе».

Внизу письма была коротенькая приписка: «Из-за недостатка энергии в городе не ходят трамваи...».

Зимой 1942 года Маулен был тяжело ранен. Его отправили в госпиталь. Сабыр остался в том же подразделении.

Связь между друзьями надолго оборвалась. Только в конце войны Маулен встретил в Германии знакомого солдата и узнал от него, что Сабыр погиб в бою под Минском.

Сейчас Маулену хотелось поговорить с Инеш о ее брате, но не хватало духу. Девушка, спокойно и безмятежно улыбаясь, поглядывала в окно. Она устроилась на нижней полке, а Маулен залез на верхнюю и оттуда тайком поглядывал на девушку. Его притягивало к себе тело Инеш — такое еще угловатое, но вместе с тем исполненное женственности. Как некое таинство наблюдал он за трепетанием кофточки на ее груди. Было все это как-то само собой, словно без его участия, ибо думал он о своем друге, о Сабыре. В минуты воспоминаний нередко все чув-

ства человеческие обостряются до крайности. Вот Сабыр, такой способный парень, погиб, а он, который ничем не проявил себя, остался жив, едет домой, и рядом сестра того, кого он в прошлом боготворил. Впрочем, он мог бы признаться, что боготворил он не только Сабыра. Но кому это сейчас нужно?..

Инеш взглянула наверх и чуть не обмерла: там, согнувшись в дугу, сидел Сабыр, ее брат, ее Сабыр! Она почувствовала потребность как-то разрядить обстановку, хотя и понимала, что начинать первый разговор даже о родном брате сейчас невозможно. Это должен сделать он, друг ее брата. Маулен выглядел таким подавленным, что Инеш пришлось переждать несколько мгновений, прежде, чем она решилась обратиться к нему с вопросом. Но она так и не смогла преодолеть смущения. Начала издали: Достала томик стихов Гейне на немецком языке и, стараясь придать своему голосу деловитость, проговорила:

— Маулен, ты теперь, наверное, знаешь немецкий язык? Не сможешь ли ты перевести...

Маулен не дал ей договорить, прервал резко:

— Сабыр знал его лучше меня!

Молчание опять воцарилось в купе. Через несколько минут, смягчая свой гнев, Маулен проговорил бессвязно:

— Он ведь занимался в университете...

Маулен не договорил, услышав на нижней полке приглушенные всхлипы. Повинуясь какому-то неосознанному порыву, Маулен открыл свой трофейный кожаный чемодан и достал бумажник. Долго рассматривал что-то, затем протянул Инеш. Фотокарточка. Сидят обнявшись Сабыр и Маулен. Смеются во все горло. Фронтовики.

Инеш сперва с недоверием взглянула на фотографию, подозрительно покосилась на Маулена. Затем вдруг порывисто прижала карточку к груди:

— Багым, Багым!

Она уже не могла совладать со слезами. Замешательство длилось какое-то мгновение. Потом Маулен увидел, как Инеш обессиленно уткнулась в подушку. Но лежала так недолго, подняла голову и принялась читать томик Гейне. Как будто ничего не было. «Самообладание,— подумал Маулен.— Не у каждого такое. Даже у мужчин». Краем глаза он продолжал наблюдать за девушкой. Слезы у нее быстро высохли, и было удивительно, как это она сумела так быстро перемениться. Невольно Маулен вгляделся в строчки книжки, которую держала Инеш, «Schlaf und

Leben». Сон и жизнь... Нет, это не для нашего времени. Это о прошлом. О том, что никогда не возвратится...

В купе до самой Алма-Аты стояла тишина. Или, может, это казалось — тишина, ведь поезд с грохотом мчался, не останавливаясь, и время летело вместе с ним. Сон и жизнь... Сна не было. Была только жизнь...

4

Станция Алма-Ата-первая никогда не нравилась Маулену. Старый город, кривые улочки. Грязь, пыль, глинобитные хибарки. Длинный одноэтажный вокзал, выкрашенный почему-то желтой краской, напоминал плотину от селевого потока, поставленную где-нибудь в горах. Тысячи людей приезжают сюда ежедневно, тысячи отправляются, — а кто испытывает от этого радость? Нет таких! И не будет, пока не будет нового вокзала!

Маулен сказал об этом коротко и мимолетно, но Инеш ухватила за слова, завела разговор об истории города, с явным раздражением осуждая парня.

— Ты не обижайся, Маулен, я правду говорю. Наш город очень молодой, ему еще нужно расти и расти. Тогда только он будет по-настоящему красивым. Ведь многие города растут столетиями, а нашей Алма-Ате всего несколько десятков лет. Зато у нее огромное будущее. Это уж точно. Это я тебе говорю... — Инеш вдруг начала рыться в карманах. — Да, чуть было не забыла — я ведь дала домой телеграмму, и меня должны встречать. Папа, конечно, на работе, но мама должна встретить...

Они вышли на площадь и огляделись. Тотчас из ближайшего «Москвича» вышла пожилая, очень представительная женщина и негромко позвала:

— Инеш, ласточка моя.

Это была мать Инеш — Мадина.

Девушка бросилась к ней и повисла на шее. Ее маленькое тело затерялось в складках просторного платья матери.

Мать сразу же заговорила о наболевшем:

— Что случилось, Инеш? Почему срочная телеграмма? Похудела же ты! Не заболела ли?

— Мама, я просто устала... Ты не беспокойся, у меня все в порядке, хотя практика и была не очень удачной...

— Ну, слава аллаху, что вернулась вовремя. Ты же такая слабенькая...

— Ну, мама... Где же папа?

— Разве у твоего отца бывает свободное время?

— Мама, мы заговорились, и я совсем забыла про Маулена. Ты же помнишь его...

Видно было, что даже простое упоминание о Маулене встревожило Мадину. Она как-то беспомощно оглянулась, разыскивая друга своего сына, и, увидев его, двинулась навстречу, колыхаясь всем своим полным большим телом. Подошла, обняла, почти привалилась к нему и запричитала, сдерживая себя:

— Здравствуй, родной, здравствуй... Откуда ты? Откуда приехал так неожиданно? Телеграмму твою получили. И радуемся и печалимся.

Мадина высморкалась в платок и как-то неуверенно всмотрелась в Маулена. Видно, и ей показалось в нем что-то от сына.

Бывают в жизни людей такие минуты, когда сказать можно и нужно многое, но слов в первое мгновение не находится. Так получилось и сейчас: никто не смог сказать того первого слова, которое бы разрядило обстановку. К счастью, в это время к ним подошел шофер, невысокий черноусый мужчина и, будто задыхаясь от бега, сказал:

— Ехать надо бы.

Инеш, точно пускаясь наперегонки с кем-то, бросилась к машине, уселась за рулем.

— Я сама поведу машину! — с вызовом сказала она.

Шофер пожал плечами, мать махнула рукой, лишь проговорила:

— Осторожно, дочка. Смотри, сколько машин на улицах. Не приведи аллах, еще стукнешься.

Маулен сел на заднее сидение вместе с Мудиной. Маленькая машина сначала двигалась медленно, затем стремительно понеслась по дороге, высланной камнем.

Не переставая изумляться, Маулен смотрел на Инеш. Он начал мысленно перечислять все, что она умеет делать: знает иностранный язык, водит автомобиль... умеет, умеет... И, наверное, прекрасно танцует. Талантливая, как Сабыр. Сколько в ней энергии, жизни!..

Миновали последний шлагбаум. Справа теснилась густая роща. По обочинам дороги росли молодые деревья. Их золотистая листва чуть трепетала под легким ветром. Было в блеске этой листвы что-то безмятежное и успокаивающее.

Мадина сидела откинувшись. Всю дорогу она молчала. Лицо ее не было печальным, оно казалось скорее усталым.

Маулен не мог бы сказать, что испытывает мать Инеш. Во всяком случае он понимал, что чувствовала она себя не совсем уверенно. Всю дорогу — ни одного вопроса о Сабыре, хотя нетрудно было понять, что это интересует ее в первую очередь. Но и Маулен не хотел в дороге заводить такой разговор. Слишком все еще свежо, слишком все серьезно.

В конце улицы Абая машина остановилась перед большим домом, окруженным развесистыми яблонями. Сквозь густую листву виднелись окна с пестрыми шелковыми занавесками и дверь, обитая черной кожей. Ветви яблонь склонялись низко к земле под тяжестью плодов.

Широкая асфальтированная улица, по середине которой тянулась узкая зеленая аллея, была залита солнцем. Яркие лучи, пробивая сияющими стрелами трепетную зелень деревьев, падали на дорогу и делали ее пестрой, похожей на шкуру леопарда. Светлые пятна непрерывно двигались, меняли форму, исчезали и возникали вновь.

В середине аллеи, в месте пересечения двух улиц, стоит небольшая белая скульптура: маленький кудрявый мальчик бросает из корзинки крошки лебедю, протянувшему к нему тонкую длинную шею. Мальчик боится птицы, насторожен, очень непосредственен, нежен и трогателен.

Маулен засмотрелся на малыша.

— Заходи,— окликнула его Инеш, направляясь к калитке.

— Спасибо. Сейчас я поеду в общежитие. К вам зайду после.

— Это что еще такое!— воскликнула до сих пор молчавшая Мадина.— Ты, может быть, стесняешься? Идем. Будешь жить у нас... В комнате Сабыра... Нас ведь всего трое.

— Нет, я не стесняюсь. Мне нечего стесняться,— ответил Маулен.

Мадина решила, что он согласился с ней и неторопливо пошла к дому. Инеш возвратилась к машине и умоляюще взглянула на Маулена.

— Ты должен зайти. И мама, и папа, и я — все будем обижены, если ты не зайдешь. Особенно обидится папа.

— Говорят, что в университете трудно с общежитием... Мне надо сначала устроиться. Потом... приду.

— Если нет мест, то можно будет поговорить с Маканом Бельгигуловым, он поможет...— Инеш показалось, что Ма-

улен недоверчиво отнесся к ее словам и добавила:— Бельгигулов — прекрасный человек.

— Однако... видишь ли... после дороги надо хотя бы сменить одежду...

Инеш помолчала немного и вдруг, кивнув Маулену, убежала в сад. За забором замелькало ее платье, зашевелились ветви яблонь. Вскоре она выбежала с сеткой, полной огромных румяных яблок, и протянула ее Маулену.

— Вот. Ты знаешь, что они выросли на яблонях, посаженных моим братом. Когда он приезжал из Ленинграда, то ухаживал за ними, поливал, делал прививки.

Маулен выбрал одно яблоко и принялся его есть.

— Ты, наверное, заметил, как изменился город?— сказала Инеш, усаживаясь за руль автомобиля.— Во все глаза глядишь.— Она свернула на другую улицу.

— Очень изменился...

— Сколько новых домов! Посмотри, Маулен!— Она показала на новое просторное здание, украшенное национальным орнаментом.— Это книжный магазин. Когда я уезжала, его еще не было.

Маулена удивили изменения, происшедшие за время его отсутствия. Против центрального телеграфа в 1940 году чернели дряхлые бараки. Теперь они исчезли — на широкой площади раскинулся сквер. Маулен смотрел на тенистые аллейки и пестрые клумбы с яркими цветами. Фонтаны на улице Кирова выбрасывали сверкающие на солнце струи воды. Серебристые брызги трепетали в воздухе прозрачными колеблющимися столбами.

Весело журчала вода в арыках, аккуратно выложенных камнями.

Инеш остановила машину возле общежития университета и сказала:

— Устраивайся поскорее и приходи к нам. А если не будет мест, то... То, я ведь сказала, что есть Мекан Бельгигулов. Понимаешь... Ну, до свидания,— мы скоро увидимся.

Маленькая машина легко развернулась и скрылась за поворотом. Маулен проводил ее глазами.

5

Маулен вошел в общежитие. Как всякого новичка, его опажнуло воздухом непривычного, спокойного общежития студентов. Паркет сверкал на солнце, которое пробивалось

сквозь аэрационные окна в стенах. Синяя решетчатая лестница, ведущая наверх, казалась призрачным сооружением, на которое невозможно смотреть без некоторой боязни даже фронтовику. Слева у входа стояло большое, в рост человека, трюмо, в котором отражался весь зал с его многочисленными изгибами и проходами. На тумбочке у входа стоял телефон, накрытый почему-то белой салфеткой. Маулен с благодарностью подумал: «Хорошо, что и у нас поставили такие телефоны — красивые и изящные, — не надо ругаться с телефонистками». Все здесь было пышно и массивно. Особенно эти часы с затяжным боем. Они придавали всей обстановке налет величия и значительности. Маулен отметил это про себя очень бегло. Проходили мимо студенты или абитуриенты, в основном — девушки. Взгляд его невольно приковали двое, сидевшие на черном диване против часов. Довольно молодой человек в выцветшем спортивном костюме громким голосом о чем-то говорил своему собеседнику в парадном черном костюме. Маулен, не задумываясь, направился к ним:

— Я приехал учиться. Скажите, пожалуйста, к кому мне можно обратиться, чтобы устроиться...

Парень в спортивной куртке сразу перешел на «ты»:

— Ты, как я вижу, фронтовик, вышел из госпиталя. Тебе у нас зеленая улица. Хочешь — помогу? Тебе ведь, наверное, и отдохнуть и поготовиться к занятиям нужно?

— А как же!..

— Другое дело! А то у нас одни девчонки! Правильно поступил парень, что к нам пришел. У нас не пропадешь! — спортсмен панибратски похлопал Маулена по плечу и предложил: — Хорошо, идем к коменданту. Конечно места уже распределены, но не унывай, что-нибудь придумаем. — Словоохотливый спортсмен взял чемодан Маулена и повел его вверх по лестнице.

Маулен, которому очень хотелось побыстрее устроить все свои дела, с удовольствием побрел следом за спортсменом, хотя тот ему и не понравился: уж очень развязно держит себя. На втором этаже они остановились и постучались в какую-то дверь. Им долго никто не отвечал, Маулен от нетерпения расхаживал взад-вперед по коридору. Наконец из дверей вышла женщина в поношенном, не очень свежем халате. Комендант общежития Анна Григорьевна. Она оказалась очень шумной, говорливой. Маулен растерялся. Зато парень, который его сопровождал, как бы извиняясь, почтительно склонился:

— Апыр-ай, Анна Григорьевна. Ай, что мне делать с вашими бровями, не знаю?! Вы хмуритесь, а у меня уже начинают трястись поджилки. Ну, улыбнитесь же! И мне будет веселее!

— А чего мне веселиться. Заморочили голову. То им сетки на кроватях не нравятся, то ворчат, что нет зеркал в комнатах. Надоели. Чем образованнее люди, тем скромнее должны быть. А у нас наоборот. Где я возьму зеркала, которых нет и в помине? Скажите мне?— воинственная комендантша все активнее наступала на парней, отодвигая их к выходу. Можно было подумать, что именно они виноваты во всех общежитских неувязках.

— Нет, вы мне скажите, разве я виновата? А кто виноват? Нет, вы мне скажите, кто виноват? Кто делает сетки для кроватей никчемные? Нет уж, позвольте, я с этим не примирюсь! Я своего добьюсь! Во все двери буду стучаться, а добьюсь. Помните мое слово! И вот что я вам скажу: если вам здесь не нравится, обращайтесь к директору. Все, идите!

Анна Григорьевна хотела было закрыть дверь, но парень в выцветшей куртке подставил ботинок, и дверь не закрылась.

— Анна Григорьевна... Мы же ни в чем не виноваты... У вас же сын был на фронте. А этот парень тоже с фронта. Его вполне устроит койка без сетки... Понимаете, какое положение: спать человеку негде... А недостатки, Анна Григорьевна, мы устраним. Завтра же на комсомольском собрании призовем кое-кого к порядку,— достал из кармана карандаш и сделал вид, что приготовился записывать пожелания каменданта.— Анна Григорьевна, ну не хмурьтесь же, мы поможем вам, поставим вопрос на повестку очередного собрания. Я боюсь вас, разгневанной.

Комендант вдруг заулыбалась:

— Всегда ты хитришь, Жолтай. Знаю я тебя. Так я и поверю, что боишься меня. Хитер, бесенок.

— Правда, правда, стоит вам только нахмуриться, как у меня сердце в пятки уходит. Так что, поменьше сердитесь, если не хотите, чтобы дал дуба. Вот улыбнулись, и у меня на душе отлегло...

Окончательно развеселившись, Анна Григорьевна легонько толкнула Жолтая. Тот притворился, что ему больно и начал подпрыгивать на одной ноге:

— Бедные мои страхи, на кого же вы покинули меня...

Сначала Маулен не без смеха наблюдал эту сценку, но

почувствовал, что парень повторяется, и это испортило ему хорошее настроение.

— Дорогая Анна Григорьевна, этому джигиту вполне подойдет койка и без сетки. Он солдат, ему не привыкать. Сделайте что-нибудь доброе для него.

Комендант, прищурилась, задумавшись о чем-то.

— Хорошо,— проговорила она озабоченно,— в твоей комнате, мне кажется, есть свободное место, веди к себе.

— Вот видишь, у нашей Анны Григорьевны золотое сердце. Не словами она славна, а делами. Спасибо вам большое, Анна Григорьевна! — Жолтай заговорщически подмигнул ей и, улыбаясь, поволок Маулена на третий этаж, где помещалась его комната. По дороге он проговорил извиняющимся тоном:

— Не принимай на веру, все что я сейчас говорил. Игра! Сам понимаешь — свою душу шуткой отвел и коменданта развеселил. Страх как строга она у нас, но что бы мы делали без нее? Когда сердитая, она как лезвие бритвы — скажет — отрежет. Потом слова от нее не добьешься,— он выразительно прищелкнул языком.— Если бы не я, она и дверь бы тебе не открыла. Такая уж она. Но дело свое знает, как ты, наверное, сам заметил.

В комнате, куда они вошли, никого не было. Жолтай указал на свободное место у двери.

— Поставишь койку здесь. Больше, как видишь, негде. Ну ладно, устраивайся, а я тороплюсь по одному делу. Приду попозже. Помни, раз судьба свела тебя со мной, не пропадешь. Если что нужно, говори прямо, не стесняйся, я такой человек. Книги нужны? Пожалуйста. У меня в библиотеке знакомые поближе Анны Григорьевны...— и он опять как-то странно, по-своему, подмигнул, словно приглашал в сообщники.— Иначе, друг, нельзя. А может, деньги нужны? Или что-то еще? Ну, как знаешь, действуй сам.

Жолтай торопливо, как будто даже с обиженным видом, вышел из комнаты, но тотчас вернулся.

— Да, кстати, я сейчас на мели. О грошах речь. Не займешь ли до вечера? Вечером же верну.

Маулен дал ему больше, чем он просил, а про себя подумал: «Ну и хвастун же!» Но подумал без обиды и раздражения. Жолтай чем-то понравился ему, хотя он и не определил еще, чем именно. Быть может, своей деловитостью и откровенностью.

...Утром Маулен по привычке встал рано. В комнате все еще спали. Только сейчас он внимательно осмотрелся. Те-

сноровато, что и говорить. Стол, стулья, тумбочки сдвинуты в один угол, все остальное пространство занято кроватями. Воздух от дыхания спящих был тяжелый. Лавируя между коек, Маулен пробрался к окну и открыл створки. Постоял немного, подставляя грудь прохладному утреннему ветерку.

Город только еще просыпался. Поблескивал невдалеке купол недавно построенного трамвайного парка, и его отсветы отражались в стеклах окна, у которого стоял Маулен. Издалека, откуда-то из центра, доносился приглушенный звон трамвая, когда же он делал повороты, дребезжанье превращалось в металлический лязг.

Очертания далеких гор были четки и ясно проглядывались даже в утреннем полусумраке....Ночью там, видно, свирепствовал буран: склоны, ущелья были покрыты свежим снегом. Редкие сосны, поднимающиеся по склонам, казались маленькими черными точками, нанесенными на белую бумагу. Над ними, развеваясь, как бесцветное полотнище шелка, медленно плыли редкие облака. Вот самая высокая вершина зазолотилась в лучах восходящего солнца. Пологие склоны, уступы пониже отделялись от-освещенных вершин резкой линией и были похожи на тени. Ближе к подножью тени сгущались, чернели.

В городе чувствовалось приближение осени. Дружно желтели листья деревьев. Но пока не падали на землю, цепко держались на ветвях. Они, казалось, боролись за свою жизнь, как борется все живое на земле. Лишь иногда сильный порыв ветра срывал с верхушек слабые листья и играл ими.

Хотя Маулен находился на третьем этаже, голоса просыпающегося города отчетливо доносились до него. Он слышал стук каблучков по асфальту. Редкий и степенный. Чистый и звонкий.

По какой-то неуловимой ассоциации Маулену вспомнилась Инеш. Ее черные, немного игривые и лукавые, но вместе с тем холодные глаза. «Ты должен зайти. Не то и мама, и папа, и я — все обидимся». И звенящий, напряженный голос ее. Маулен раскаялся: «Зачем я не остался у них?»

Он потянулся, хрустнув суставами, и вернулся к постели.

Чувствовал себя Маулен бодро. Радостная надежда не оставляла его, энергия бродила в нем, рвалась наружу. Война окончена, теперь учиться, учиться... И работать. И как удачно все начинается: вот уже и в университе-

те. И встретил Инеш. И устроился в общежитии. Правда, обстановка не совсем ясная и привычная. Но ведь человек ко всему привыкает. Привыкнет и он.

Взгляд Маулена скользнул по лицам незнакомых спящих ребят. Крепко спят, по-солдатски. А может, это сон беззаботной молодости?

Маулен взглянул на койку Жолтая. Она была аккуратно заправлена. «Неужели он уже встал и куда-то ушел? Вряд ли. Скорее всего загулял и не возвращался еще?»

На соседней койке кто-то заворочался, зашелестел бумагой. «А, это тот... крепыш». Вчера Маулен не успел узнать, с какого он курса, с какого факультета. Да и поговорить не пришлось. Помнил только, что парень невысокого роста с торсом борца. Смуглый, с симпатичным лицом. Запомнилось еще, что один зуб у него почему-то отклонился от остальных.

Маулен внимательно пригляделся. В стороне, обращенной к окну, одеяло было приподнято, высовывалась голова и блокнот. Парень держал карандаш над листком, а сам смотрел куда-то в стену, но, по-видимому, ничего не видел. На тумбочке (кстати, единственной, стоящей у кровати) лежал томик Лермонтова.

Почувствовав, что за ним наблюдают, парень резко отбросил одеяло, повернулся и взглянул на Маулена с открытым недружелюбием.

— Я, наверное, помешал?

— Нет, ничего, бывает хуже,— непонятно проворчал сосед.

— Рановато, друг, просыпaeшьcя... Что, стихи?— не реагируя на неприязнь, дружелюбно проговорил Маулен.

— Не... Стихи пишут поэты. А я...— парень легко и бесшумно сбросил свое тело борца с постели, не договорив фразы.

— Жолтай не приходил спать?— кивнул на пустую койку Маулен.

— А-а... Так...— протянул непонятно борец.— Цветок на тонком стебле. Да... Что вы сказали? А, Муздарапов? Он редко когда ночует здесь.

Парень независимо отошел к окну. Он явно не придавал значения разговору. И не хотел его продолжать. Маулен оделся и вышел из комнаты. Коридор был узкий и длинный, стены окрашены темно-синей краской. Пол был без щербинок, свежий и чистый, несмотря на то, что по нему за день проходило множество людей. Потолок увешан

люстрами. Но сейчас они не горели, а два больших боковых окна плохо освещали коридор.

В столовой на стенах висели картины. Много картин, вернее, репродукций с полотен Репина, Айвазовского, Левитана, Нисского. Они придавали обеденному залу приятный, обжитой, не казенный вид.

Маулен довольно долго сидел за столиком посредине зала, но никто не обращал внимания на него. Наконец ему удалось привлечь внимание одной из официанток. К нему подошла светловолосая девушка и вежливо объяснила, что из-за болезни двух официанток заказы со столов не принимаются и каждый должен сам выписывать талон в буфете и получить завтрак на раздаче.

Покончив с этой процедурой, Маулен принялся за еду и стал разглядывать входящих в столовую. В одном из них он узнал парня, вчера разговаривавшего с Жолтаем. Он был одет все в тот же черный парадный костюм. Вчера же Жолтай мимоходом рассказал, что его собеседник учится на четвертом курсе исторического факультета, что он секретарь комсомольской организации университета, и что фамилия его Даиров.

— Заносчивый тип, — заключил Муздарапов.

Судя по его непроницаемому виду и многозначительной походке, выходило, что это действительно так.

Даиров держал себя, что называется, авторитетно и солидно. Подтянутый, собранный. Длинные влажные волосы зачесаны на прямой пробор, назад. Чуть выступающие виски — настоящие торсак¹-шеке² — нависали над глазами, отчего все лицо казалось хмурым, неприступным. Шел он неторопливо, заложив руки за спину. Широким жестом вскинул руку, посмотрел на часы. Маулену все это показалось намеренно театральным, рассчитанным на внешний эффект. «Интересно, что он сейчас будет делать? Неужели воспользуется своим положением и пойдет без очереди? Этого как раз и не хватает для полноты характеристики», — подумал Маулен с неприязнью.

Подойдя к буфету, Даиров приятельски поздоровался с буфетчиком и стоявшими в очереди, спросил, кто последний. Потом непринужденно раскрыл томик, который держал в руках, и принялся читать.

Предубежденно настроенный Маулен подумал было,

¹ Торсак — бурдюк из козлиной кожи, наполненный жидкостью.

² Шеке — виски.

что и это, пожалуй, один из рассчитанных заранее жестов. «Ну, что ж, поживем — увидим». Маулен уже наполовину покончил с завтраком, когда к нему неожиданно подошел Даиров. Окинув взглядом зал, подсел к столу Маулена. Молча принялся есть, Маулен тоже молчал, даже не кивнул головой. Так и сидели, будто не замечая друг друга. Даиров неторопливо ел блин и запивал сметаной.

— Вкусно! — неожиданно повернулся он к Маулену. — А вам нравится в нашей столовой?

Маулен все еще находился в настороженном состоянии и ответил несколько вызывающе:

— Вероятно, вам приготовили по особому заказу?

Даиров снисходительно улыбнулся:

— За кого ты меня принимаешь?

— Если не ошибаюсь — один... э-э... из руководителей университета, разве не так?

Даиров удивленно поднял брови, улыбка сошла с его лица.

— Ошибаешься, друг, я такой же студент, как и ты.

— А я вовсе еще не студент...

— Ну будешь студентом. Разве не за этим ты приехал сюда?

— Но ведь не все желающие поступают...

Даиров по-прежнему делал вид, что не замечает неприязни собеседника, продолжал спокойно:

— Говорят, желание камни крошит. Ну, а если приехал только в гости, мы и гостям рады.

— Нет, я не гость... Возврата отсюда мне нет...

Даиров промолчал, а когда оба поднялись из-за стола, крепко пожал руку Маулена.

— Не унывай, друг, все будет хорошо. Конечно, ты поздновато приехал, но для фронтовиков скидка есть. Сегодня же отнеси документы в деканат. На какой хочешь поступать? На филфак? Тем лучше. Там посвободнее. Если же возникнут затруднения... загляни в комитет комсомола. Поможем.

Маулен возрадовался — как все здорово получается! И как это он мог подумать дурно о таком общительном, доброжелательном человеке? Вот ведь как можно ошибиться...

В это время в столовую вошел коренастый и полный человек. Вьющиеся редкие волосы едва прикрывали красноватый блестящий череп. Походка его была быстрая, легкая, что не очень вязалось с его уже не молодым обликом.

Маулену этот человек, сразу обративший на себя внимание окружающих, показался знакомым. Где же он его видел? Но, как он ни старался, не мог вспомнить. Заметил его и Даиров.

— Ой, Викентий Викентьевич пожаловал.

— Какой это Викентий Викентьевич?— спросил Маулен.

— Это профессор Добров. Секретарь нашего партбюро. Он питается только в студенческой столовой. Не хочет отставать от молодежи.

Рассматривая Доброва, Маулен все пытался вспомнить его, но в конце-концов пришел к выводу, что совсем не знает его. Удивился, что лицо его могло показаться знакомым. Добров тем временем получил талоны и направился в сторону Даирова и Маулена. На ходу он громко обратился к секретарю комитета комсомола:

— Это все к лучшему, товарищ Даиров. Я говорю о самообслуживании. Меньше времени уходит. Нет обиды и на официанток, что заставляют ждать долго.

Подойдя, он пожал руку Даирову, затем Маулену, впоследствии поглядев на него.

— Фронтвик. Бывший солдат, который хочет стать студентом,— представил его Даиров.

— Похвально. Честь и достоинство университета во сто крат возрастут от присутствия в нем знающих цену жизни студентов. Ну, а почему не садишься? Хоть ты и солдат, но ведь и я не генерал,— пошутил Добров, жестом приглашая присаживаться.

— Спасибо, я уже позавтракал.

— В таком случае не задерживаю. Познакомиться еще успеем,— внезапно изменившимся тоном проговорил Добров. И это получилось у него мягко и как-то естественно, доброжелательно. Он как бы приглашал ценить свое время и время других.

Маулен вышел из столовой, окрыленный верой в непреманный успех предприятия.

Деканат филологического факультета находился в главном корпусе университета. Маулен без труда нашел его. Декан, худощавый бледнолицый человек с козлиной бородкой, приветливо встретил его. Просмотрев документы, он после короткого разговора, поставил свою резолюцию: допустить к экзаменам.

...Сдать экзамены оказалось легче, чем думал Маулен. Он еще в госпитале много готовился, да и в дороге не

терял времени даром — проштудировал все предметы за десятый класс. Сдав экзамены, он испытал такое облегчение, такую радость, что несколько дней ходил, как ошалелый, и готов был каждому жать руки и называть другом. Как-то, пройдя до конца широкого коридора, он остановился у одной из аудиторий, откуда доносился приглушенный спокойный голос лектора.

Голос этот показался ему очень знакомым. Сердце его учащенно забилося, колени затряслись — такого у него не было даже в самом жарком бою. Маулен почувствовал себя настоящим студентом. Нужно было дожидаться перерыва, но ему не терпелось, и он открыл дверь аудитории, тяжелую, массивную дверь. Да, конечно, это он, человек с сократовским лбом. Профессор Добров. Маулен на цыпочках прошел к ближайшему столу и сел за него.

6

Обычно слегка меланхоличную Инеш сегодня будто подменили — возбуждена, деятельна, весела. Сама прибрала в комнатах. Сама на базар сбегала. То и дело подходила к матери, которая хозяйничала на кухне. Нетерпеливо поглядывала на часы.

— Поторопись, мама, пора накрывать на стол!

Снова и опять звонила отцу в академию:

— Папа, сегодня у нас будет Маулен! Не забыл?

И мать добавляла в трубку:

— Приходи пораньше, не заставляй детей ждать тебя.

Так готовились в доме Инеш к первому приходу Маулена. Конечно, затейницей переполоха была Инеш, но и мать волновалась не меньше нее — кто не желает счастья единственной дочери!

После возвращения Маулена из армии прошло уже не меньше пятнадцати дней, а он все не подавал о себе вестей. Инеш ходила сама не своя, осунулась — ждала, ждала, хоть телефонного звонка, но напрасно. Чуть за дверью раздавались шаги или лаяла собака, у девушки падало от волнения сердце, и она стремглав кидалась во двор. Она часто вспоминала о нем. Вспоминался ей он таким, каким был в день встречи на маленькой степной станции: подтянутый, сияющий, весь куда-то устремленный, воодушевленный мечтой, с застенчивой улыбкой. Стоило ему улыбнуться или нахмуриться, как это было, когда он вспомнил о ее брате, густые черные брови его сходились. А как красивы

его чуть припухлые губы и ровные белые зубы! А плечи — развернутые, литые! Такой любую девушку может с ума свести! И вот этот Маулен сегодня придет к ней в гости. Она будет сидеть с ним рядом, разговаривать, глядеть в его глаза... Вот и Мадина — с утра жаловалась на сильную головную боль, до обеда пролежала в постели, а сейчас ей хоть бы что: с радостью и готовностью выполняет любые желания и капризы дочери.

Инеш взглянула на часы.

— Сейчас должен прийти...

Вдруг зазвонил телефон. Девушка бросилась к нему, сердце сжалось и затрепетало. «Наверное, Маулен. Сейчас скажет, что вышел из университета».

— Алло, алло... Это я... Слушаю вас. Что? Чья квартира? Нет, нет, вы ошибаетесь, не туда попали.

Опечаленная, Инеш бросила матери:

— Спрашивают какого-то Хайруллина...

Залаяла во дворе собака. Инеш побежала к двери, но вскоре вернулась подавленная. Расслабленной походкой прошла к дивану и легла. Она рисовала себе картины одну мрачнее другой.

Через минуту поднялась, прошла на террасу, опустилась на венский гнутый стул, и он заскрипел под ней, закачался. Инеш вскочила и как-то странно оглядела стул. Вдруг печально спросила у матери:

— Мама, ты помнишь, как Сабыр и Маулен боролись здесь и поломали стул?

— Помню, душа моя. Помню, как они дразнили тебя кривоносой и кривоглазой и всегда доводили до слез.

Инеш неожиданно рассмеялась. Да, Маулен частенько дразнил ее, и она плакала. Жаловалась матери. Мать укоряла Сабыра и Маулена и уводила дочь за руку. Мальчишки же давились при этом от смеха. От обиды Инеш еще пуще заливалась слезами.

...И опять Инеш стало грустно, лицо посерело, глаза затуманились.

Мадина тоже опечалилась, молча оглядела пожелтевший осенний сад. Пусто показалось ей вдруг в большом доме, где еще совсем недавно с утра до вечера звенели голоса сына и дочери, их товарищей. Дочь выросла, сын погиб. А сама Мадина постарела. Дождется ли внучат?

Мать покосилась на дочь, шумно вздохнула и вдруг вскрикнула, торопливо ушла на кухню, где что-то шипело на сковородке, булькало и стреляло.

На душе у Инеш стало совсем скверно. Она бездумно пошла по комнатам. Нарядные от множества ковров, сейчас они показались ей тусклыми и безрадостными. И кто только выбирал эти ковры? Ни на кухне, ни в комнатах нечего было делать Инеш, чтобы отвлечься, убить время. Прошла в свою комнату. И здесь — сумрак, тишина. В углу матово поблескивает пианино. Девушка подошла к нему. Подняла крышку, пробежала пальцами по клавишам. Высокие чистые звуки долго висели в воздухе. Инеш присела и заиграла недавно разученную сонату. Комнату затопили, перекатываясь, переливаясь, то тревожные, то беззаботно-игривые аккорды... Когда девушка кончила, она услышала позади будничного голоса матери:

— Инешжан, время-то уже семь. Что-то не идет наш Маулен. Наверное, что-нибудь серьезное его задержало, не мог же он обмануть?

— Ах, мама, не знаю...— девушка встала и провела рукой по лбу.— У меня что-то разболелась голова.

Мадина перепугалась:

— Приляг, доченька, тебе лучше станет. После практики ты совсем слабенькая. Прошу тебя, поменьше сиди над книгами. Да ты ведь не слушаешь!..

Инеш, не раздеваясь, прилегла на свою постель и закрыла глаза. Мадина села возле нее.

Сердце матери заняло от какого-то дурного предчувствия. На глаза навернулись слезы, задрожал подбородок. Но надо крепиться, не давать волю чувствам, Инеш такая чувствительная, это плохо может повлиять на нее.

Страх мучал Мадину после гибели сына. Ей казалось, что так же неожиданно она может потерять и дочь. Если Инеш жаловалась на головную боль, Мадина сразу предполагала малокровие. Если говорила, что болят глаза, боялась: не слепнет ли. А то содрогалась от мысли, что дочь преждевременно увянет от тоски и печали.

Видения эти до смерти пугали Мадину, она даже тайком бормотала про себя забытые молитвы из корана. Днем и ночью, как клуша над цыпленком, кружилась она возле дочери. Ей хотелось, чтобы она росла веселой, счастливой, не знала никаких забот. Мадина опекала дочку во всем. В особенности теперь, когда сын погиб на фронте. Если что-нибудь случится и с Инеш, Мадине незачем будет жить, не для чего. Детей у нее больше не будет. А без них... Вот и Инеш пора уж готовиться к главному в жизни — мате-

ринству, а она все носится, учится. Эх! Времена, времена. Такой ли должна быть казашка, будущая мать своих детей? Мать!.. В этом понятии для Мадины заключен смысл жизни. Иных интересов для нее не существовало. Так были воспитаны и бабушка, и мать, и она сама.

Жизнь Мадины проста и безоблачна. Родители ее до революции торговали кумысом, жили зажиточно, построили в городе большой дом и сдавали квартиры внаем. Жили богато, не знали нужды.

Именно в это чудесное время в Мадину влюбился молодой джигит Даулеткерей. Молодые люди поклялись друг другу в вечной любви. Мадине и в голову не могло прийти, что она будет разлучена с любимым и отдана в жены другому. Но родители и четверо ее старших братьев, торговцев, решили иначе. Братья баловали единственную сестренку, ни в чем не отказывали ей. Но когда тайна ее любви раскрылась, их точно подменили. Судьба Мадины была решена быстро и неожиданно. Она была продана за калым и увезена в Жаркент к мужу, тоже торговцу. Даже не сумела увидеть и поговорить с Даулеткереем. Но и в чужом доме Мадина не переставала думать о любимом, надеялась на чудо. И оно свершилось. После революции Даулеткерей нашел Мадину и забрал с помощью милиции к себе. С тех пор они уже никогда не расставались. Вверив свою судьбу Даулеткерее, она целиком посвятила себя семейному очагу, ибо считала, что хлопоты по дому, рождение и воспитание детей и есть то святое, что самой природой и судьбой предначертано женщине.

Быть матерью и Инеш. Именно теперь решается ее судьба. Учеба учебой, а материнству нигде не научишься, упущенного времени не возратить. Главное, чтобы дочери встретился хороший, достойный человек. Тогда она будет счастлива. Маулен вот, кажется, и есть тот самый, суженый. Почему он не приходит? Разве Инеш дурна собой или у нее есть пороки? Зачем мучает хорошую девушку здоровый и молодой джигит?

Мадина поглядывала на прикорнувшую дочь, ласкала ее взглядом, любовалась. Никак уснула? Пусть полежит, подремлет.

Мадина тяжело направилась на кухню. Не успела она сделать и двух шагов, как услышала щелчок открываемой двери и голос Даулеткерей. С кем это он разговаривает?

— Приехал и ни разу к нам не заглянул. Ай-яй-яй, дорогой. Как же так? Нехорошо.

«Наверное, с Мауленом», — обрадованно подумала Мадина и решила не мешать, скрылась на кухне. И верно — в комнату быстрой походкой вошел муж, а за ним Маулен.

— Проходи, батыр, — широким жестом пригласил хозяин. Поглаживая рукой маленькую седую бородку, он с улыбкой осмотрел гостя:

— Ого, Маулен-батыр, какой ты вымахал! Ну-ка, подойди ко мне...

Даулеткерей крепко обнял и поцеловал Маулена. Голос его дрожал, в глазах появились слезы. Чтобы гость не заметил этого, он быстро отвернулся, достал платок и вытер глаза. Затем сел на диван и пригласил Маулена:

— Присаживайся и рассказывай.

«Наверное, надо рассказать о Сабыре, — подумал Маулен, присаживаясь. — Но с чего начинать?»

— Ну так. Едва наш эшелон прибыл на фронт...

Даулеткерей вдруг поднялся и поспешно вышел из комнаты.

— Эй, Мадина, — крикнул он жене. — Займись гостем, а я... Надо кое-что записать. — И, улыбнувшись виновато, исчез в своем кабинете.

Станный характер у старика. Он совершенно не умеет сердиться, хмуриться. Он всем открывал объятья, всем был рад, причем совершенно искренне. Всем задавал тысячу вопросов. Но ни на один из них не дослушивал ответа. Сабыр, бывало, досадовал на своего отца за это, считал неприличной его суетливость. Но уж, видно, таково свойство характера человека, привыкшего к длительному и постоянному самоуглублению. Как видно, Даулеткерей несколько не изменился, остался прежним, и не нужно на него обижаться.

Но Даулеткерей возвратился из кабинета почти сразу же. Мадина заплакала и обняла его.

— Ладно, не плачь, — Даулеткерей разнял объятья жены, пошутил: — Ты же не ребенок. И не стыдно?

Пожилая женщина присела на стул, не обратив на слова мужа никакого внимания. Усталые глаза ее блеснули от слез, и она смотрела на гостя с напряженным вниманием.

— Скажи, Мауленжан, где ты оставил моего Сабыра? — спросила она и снова заплакала. Маулен не ответил и молча опустил голову. Даулеткерей опять зачем-то вышел, но тотчас вернулся и стал у окна. Постоял, посмотрел на улицу, снова подошел к жене.

— Я же сказал — хватит плакать! Сама пригласила, а

теперь надоедаешь своими причитаниями. Лучше готовь на стол.

Мадина вытерла глаза.

— Хорошо, душа моя, не буду больше беспокоить и сама расстраиваться. Я просто так. Ты же, Мауленжан, рос вместе с моим сыном, вместе отправился на фронт... Ну вот я все и вспомнила. Не обижайся на меня. Почему ты долго не приходил к нам? Или обиделся на что?

— Он предвидел, что ты будешь надоедать ему своими слезами, вот и не приходил,— пошутил Даулеткерей. Он подошел к столу и приподнял газеты, накрывавшие угощение.

— Ого, моя старушка, ты просто молодец, ей богу. Руки у тебя золотые!— весело и молодо воскликнул старик, вглядываясь в каждое блюдо.— А где же наша Инешжан? Она тормозила меня, предупреждала, что будут гости, а сама, значит, сбежала?

Маулен почувствовал холодок в груди. Ведь, собственно, он и шел в этот гостеприимный дом ради нее. Разумеется, он рад повидать родителей своего друга, но ведь Инеш есть Инеш. Мадина поспешно вышла и вскоре послышался голос ее:

— Если сильно болит голова, тогда лучше полежи, мы без тебя... Мауленжан поймет.

Открылась дверь. В гостиную, шурясь от яркого света и улыбаясь, вошла Инеш. Она повлажневшими блестящими глазами смотрела на Маулена. Парень вздрогнул под ее долгим взглядом, поднялся.

— Где ты была, детка?— все тем же веселым голосом спросил отец.— Пригласила гостя, а не встречаешь. Пришлось мне за тебя занимать его.

Инеш нахмурилась.

— Голова что-то разболелась...

Даулеткерей по привычке не дослушал и принялся разливать вино.

— Давайте выпьем за благополучное возвращение Маулена!

Он весело балагурил, заставляя смеяться жену и Инеш. Маулену показалось, что он это делает лишь для того, чтобы не вспоминать о Сабыре и не волноваться. Поужинав, Даулеткерей встал.

— Ну, вы отдыхайте, беседуйте, а мне разрешите отлучиться. Я должен закончить одну спешную работу, поэтому сейчас лягу, отдохну...

Когда он ушел, Мадина села поближе к Маулену.

— Ешь, дорогой... И расскажи о Сабыре. Я боялась спрашивать, пока старик был здесь.

Маулен начал рассказывать о днях, проведенных с Сабыром на фронте. Мадина вытирала платком катившиеся по щекам слезы, слушала, стараясь не пропустить ни слова. Инеш молча смотрела на Маулена огромными черными глазами, и было непонятно, слушала ли она рассказ о Сабыре, или думала о чем-то своем. Ее бледное лицо неподвижно, лишь глаза блестят каким-то непонятным тревожным блеском.

Мадина вытерла слезы.

— Хорошо, что ты, Мауленжан, приехал сюда учиться. Ведь у тебя нет ни отца, ни матери, некому присматривать за тобою.— Она взглянула на дочь.— Скажи, Маулен, ты в будущем году тоже поедешь на практику?

— Нет, у нас практика будет только один раз, на четвертом курсе, да и проходить она будет в какой-либо из городских школ.

— Вот ведь как хорошо. Замечательный факультет. Инеш тоже сначала должна была поступить на такой факультет.

Инеш нетерпеливо двинулась на стуле:

— Я и сама не знаю, почему поступила на биологический.

— Вот-вот, и я об этом говорю,— подхватила Мадина.— Ой-бай, Мауленжан, мы ведь чуть не потеряли из-за этой практики нашу единственную, которую судьба послала нам. Посмотри на ее лицо, она все еще нездорова. Если бы не Гульшат, не знаю, что было бы. Жаль, что она не поступила на факультет, где нет практики.

— Может быть, мама и права,— сказала Инеш.— После десятилетки я думала только о том, что надо учиться, и совершенно случайно попала на биофак.

Инеш с отличными оценками закончила среднюю школу. Все предметы ей казались одинаково интересными, и она не знала, какому из них отдать предпочтение.

Однажды в гости к Даулеткереев пришел доцент Макан Бельгигулов, он преподавал в университете на биологическом факультете и, когда узнал, что Инеш затрудняется в выборе специальности, начал расхваливать биологию. Даулеткереев и Мадина согласились, что Инеш следует поступить на биологический факультет.

— Значит, поступила — и все?— удивился Маулен.— Разве ты не мечтала стать биологом?

Инеш рассмеялась.

— Я вообще никогда ни о чем не мечтала.

— Не-ет, невозможно,— с сомнением протянул Маулен.— Сабыр, помню, советовал мне поступить на философский. А я с детства увлекался литературой и решил идти на филологический, стать преподавателем литературы.

— Скажи прямо — поэтом. Ведь ты, я помню, писал стихи.

— Бросил. С этим покончено.— Маулен помолчал и улыбнулся.— Если ты сожалеешь, что поступила на биологический, переходи на наш факультет. Будем учиться вместе.

— А ведь правда... Я бы поступила,— обрадовалась Инеш.

— Значит, пять лет пропали даром?

— Да я бы не пожалела о них. Мне было бы приятно учиться с тобой на одном курсе.

— И мне...

— О-о!— с деланным удивлением воскликнула Инеш.— Расскажи лучше о себе.

— Это долго. В другой раз расскажу. Я соскучился по твоему голосу. Помнишь, как ты пела в детстве?

«Правда соскучился?»— подумала Инеш и улыбнулась Маулену своей грустно-иронической улыбкой.

— Голос у меня изменился.

— Вот я и хочу услышать, насколько он изменился,— проговорил Маулен.

— Если хочешь, то послушай, как я играю на пианино, а петь будешь ты.

Маулен согласился. Инеш села на круглый стульчик перед пианино, а Маулен стал рядом, облокотившись на инструмент.

— Что сыграть?

— Что-нибудь наше...

Девушка стала перебирать в памяти казахские мелодии, но ничего подходящего не могла вспомнить.

— Право, даже не знаю, что и сыграть...

Девушка держала на клавишах длинные белые пальцы и выжидающе поглядывала на парня: «Ну подскажи же свою любимую!» Но так и не дождавшись ответа, чуть наклонила голову набок и заиграла народную песню «Бир бала».

Тот, кто не знает этой песни, не поймет ее национального духа, ее вечной молодости, всегда отвечающей влюбленным

сердцам, тот не поймет состояния Маулена. Инеш безошибочно угадала его желание. Песня мгновенно перенесла юношу в иной мир, неведомый, загадочный. Чуть наклонившись, Маулен долго стоял так, вслушиваясь в прекрасную мелодию и вдыхая аромат духов девушки. Ему хорошо был виден профиль Инеш. Прямой, будто вырубленный из белого мрамора нос. Тонкие губы чуть приоткрыты в затаенной улыбке. Ямочка на щеке была подвижна и выразительна. Черные волосы, аккуратно уложенные на затылке, подчеркивали белизну тонкой и нежной шеи. Приталенное платье отчетливо обрисовывало фигурку, а когда Инеш ударяла по клавишам, тонкая ткань, распрямляясь на груди, подчеркивала совершенство ее форм.

Да, только сейчас Маулен по-настоящему понял, что перед ним сидит зрелая девушка, совсем не та, что бегала когда-то с голыми коленками и короткой челочкой. Это открытие совершенно по-новому, странно-стыдливо и желанно-пугающе встревожило его душу. Девушка манила к себе, привораживала всем своим обликом, своей зрелостью и юностью одновременно.

Маулен боялся, что стоит окончиться музыке и вместе с мелодией исчезнет, разрушится в его сердце то прекрасное и неведомое, что живет сейчас в нем. И он не то вслух, не то про себя повторял: «Играй, не переставая, играй». И Инеш снова и снова повторяла влекущий напев, а Маулен самозабвенно подхватывал слова, подпевал ввысь:

— Эн салшы-ай, бир бала-ай!¹.

В этом призыве слились воедино и грусть, и тоска, и печаль влюбленного сердца... Маулен пьянел в объятьях обуревавшего его чувства, был сам не овой. Но девушка или не замечала этого или не хотела замечать. Ей, кажется, надоела одна и та же песня, она перестала играть, поднялась со смехом:

— Пропадает всякий интерес, когда повторяешь одну и ту же песню много раз...

Маулен взял Инеш за руку.

— Нет, так может думать только человек непостоянный...

Инеш вдруг почувствовала, как сильно бьется сердце Маулена и пристально взглянула на него. И сразу стала серьезной. В широко раскрытых глазах ее мелькнули страх, растерянность, мольба и покорность.

¹ Эн сал шы-ай, бир бала-ай! — Спой песню мне, мальчик!

Она покачала головой, медленно высвободила руку. Маулен пожалел девушку.

— Уже двенадцать,— прошептала Инеш, взглянув на часы. Как незаметно промчалось время! Маулену казалось, что он пришел совсем недавно. Инеш проводила его до двери. Подала узкую теплую ладонь.

— Теперь приходи без приглашения,— чуть слышно прошептала она.— Захочешь — и приходи.

Маулен скатился вниз по лестнице. Открыл калитку. Зазвенела цепью собака, лениво протявкала. Маулен оглянулся. Под навесом крыльца, похожим на козырек кепки, в полной темноте одиноко стояла Инеш. Он вернулся.

— Почему не уходишь?

— Пойду... Вот ты уйдешь и я пойду. Ну, иди.

Маулен стоял, боясь нарушить неосторожным словом чуткую тишину. Инеш повторила:

— Ну, иди же.

— Нет, сначала ты...

Засмеявшись негромко, девушка скрылась за дверью. Маулен продолжал стоять, надеясь, что случится чудо и Инеш выйдет. Но чуда не случилось, Инеш не вышла.

7

Инеш открыла глаза внезапно. И удивилась тому, что проснулась. Спала, спала и вдруг проснулась. А если взять и не проснуться вовсе?.. Фи, какая глупая детская мысль! Но ведь смерть и есть вечный сон.

Инеш не хотелось спать «вечным сном», поэтому она перевернулась на спину и потянулась. И сразу ушла в грусть. Прихлынули мысли.

Полежав немного, Инеш улыбнулась. Вот интересно: перед ней, как живой, стоит настоящий Маулен и улыбается. Но вот послышался гудок паровоза, стук колес. Подул горячий ветер. Инеш стоит на подножке вагона. Подставляет грудь навстречу ветру. А поезд мчит ее все вперед и вперед. Дрогнуло сердце. Ей показалось, что она падает. Но нет, она не может, не должна упасть, потому что рядом стоит и бережно поддерживает за руку Маулен.

Поезд мчится и мчится. Около нее по-прежнему стоит Маулен. А позади, на маленькой, окруженной со всех сторон песками станции, осталась Гульшат. Хорошая, добрая Гульшат.

Гуля, Гуля!.. Осталась в песках горе мыкать, жить среди

змей, в зное, в песчаных смерчах... А она, Инеш, нежится в постели, в комнатной прохладе, под неусыпным наблюдением мамы.

А вот и она сама, добрая мама.

— Ты уже проснулась, жаным? Тогда вставай, быстренько одевайся. Завтрак на столе.— Мать повернулась, но, вспомнив что-то, остановилась.— Чуть не забыла. Тебе телеграмма.

— Где она?

Мадина достала из кармана халата телеграмму и протянула дочери.

— Приезжает Гульшат! Вот здорово!— вскрикнула Инеш и рывком вскочила.— Я только что о ней думала, видела во сне.

* * *

На вокзал Инеш пришла с большим букетом цветов. Она пробралась сквозь толпу встречающих поближе к вагону. Гульшат быстро сошла по ступенькам на перрон и принялась пожимать руки всем студентам, столпившимся у вагона. Инеш она пожала руку точно так же, как и всем остальным. Когда стихли приветственные возгласы, Гульшат оглядела Инеш.

— Ты поправилась,— сказала она.— Выглядишь хорошо.

На следующий день перед началом лекции Инеш пригласила подругу к себе домой, чтобы вместе готовиться к занятиям. Гульшат согласилась, но сказала, что Зада и Манап тоже должны быть приглашены.

...Прозвенел звонок. Первую лекцию сегодня должен был читать доцент Бельгигулов. Гульшат, отойдя от Инеш, что-то сказала рассаживавшимся студентам, те весело рассмеялись, затем взяла свои книги и тетради и направилась в дальний конец аудитории. Инеш всегда недоумевала, почему Гуля на лекциях Бельгигулова сидит за последним столом.

— Почему ты сидишь в дальнем углу?— спросила она.

— Бельгигулова можно слушать и здесь,— ответила Гуля.

— Но ведь Макан Бельгигулович говорит негромко...

— Зато достаточно внятно,— с какой-то неопределенной улыбкой сказала Гульшат.

— Да, это правда.

Вошел Бельгигулов. В его неторопливой твердой поступи

чувствовалась самоуверенность человека, знающего себе цену. Он поздоровался со студентами и так же неспешно поднялся по ступенькам на кафедру. Открыв толстую старую тетрадь в желтой блестящей обложке, поправил очки и медленно, четко начал читать...

Инеш торопливо писала, стараясь не пропустить ни одного слова. Сидящие впереди так же старательно записывали лекцию. Случайно Инеш посмотрела в раскрытую тетрадь Гули. Там крупными буквами было выведено только одно слово — «шайыр». Когда Инеш во второй раз заглянула в тетрадь подруги, там появилась коротенькая запись: «Из одного экземпляра шайыра можно получить 500 граммов шайырового масла. А из тонны?».

«Что такое шайыр?» — подумала Инеш, взглянув на ссередоточенное лицо Гульшат.

8

После лекции Бельгигулов повел студентов на кафедру дарвинизма. Сам сел за стол под огромный фотомонтаж «Наука о роде человеческом». Не торопясь закурил, снял очки и протер их белоснежным платком, снисходительно поглядывал на студентов, которые с шумом и смехом все еще рассаживались по местам. Проговорил с заметной игривостью, но с суровым взглядом:

— Тсс... Тише! Даулеткереева, вас с Амановой следовало бы рассадить. На лекции шепчетесь. Ну, как прошла практика? — обратился он уже ко всем сразу.

— Хорошо прошла! — дружно зашумели студенты. Каждый стремился рассказать о своих впечатлениях, о своей работе, о достижениях, Бельгигулов задавал короткие вопросы и требовал таких же четких ответов. Если посмотреть на него со стороны, можно было подумать, что слушает он рассеянно, лишь бы разделаться с докучливой обязанностью. Но это было далеко не так. Бельгигулов был очень добросовестным преподавателем, и студенты его любили. Когда все выговорились, он обратился к молчавшей Инеш.

— Ну, а ты, Даулеткереева?

Девушка смутилась, не зная, что сказать, чуть заискивающе посмотрела на преподавателя. Он приветливым взглядом ободрил ее и сделал вид, что не замечает насмешливых улыбок студентов.

— Я рано возвратилась. Заболела...

— Да, да, заболела, — нарочито сочувственно подтвер-

дил Балгабаев,— мы даже подумали, что нам уже не суждено увидаться. Но, к счастью, ни в центральной, ни в местной прессе не появилась ее фамилия в черной рамке,— и затрясся от смеха, прикрыв заплывшие глазки.

«У-у, недоспелая тыква, всюду сует свой картофельный нос»... — с неприязнью подумала Инеш.

Преподаватель как бы не услышал его слов и заговорил о другом:

— Друзья, с начала нового учебного года ректорат университета объявляет конкурс на лучшие студенческие рефераты по специальности. Не сегодня-завтра условия конкурса будут опубликованы в газете. Цель конкурса: приучить студентов к самостоятельной научной работе, выявить наиболее способных из них. Срок — три месяца. Создано жюри, которое будет проверять все поступившие рефераты.

— Какие же темы предлагаются?

Немного подумав, Бельгигулов начал перечислять наиболее интересные темы. Назвал литературу. Предупредил:

— Только не переписывайте — это умеет даже первоклассник. Студент должен не подражать, а перенимать и создавать что-то новое, свое. Каждый из вас должен действовать самостоятельно, без оглядки на других. Словом, ждем творческого подхода к реферату. Каждый студент вправе выбрать тему по своему усмотрению.

И ту же начался форменный дележ тем: «Чур, моя, чур, моя».

Гульшат подняла руку, с вызовом сказала:

— Если выбор свободный, я бы не хотела брать ни одной из перечисленных тем.

Бельгигулов откинулся на спинку стула и посмотрел на студентку. Гульшат с трепетом наблюдала за преподавателем. Прямая и даже резковатая в суждениях, она не стеснялась высказывать свое мнение по самым спорным вопросам. И студентов и преподавателей покоряла ее убежденность, обоснованность ее мыслей. Но с Бельгигуловым у Гульшат вечные трения, хотя он слывет самым демократичным из преподавателей. Он всегда слушает Гульшат молча, не возражает, обдумав ответ, вдруг одним словом останавливает ее, сбивает с мысли, ставит в тупик. Спорить с ним трудно, почти невозможно. Гульшат уже несколько раз испытала это на себе, но не сдавалась, чувствуя свою правоту. Амапова не любила Бельгигулова, хотя втайне и уважала его. Ей не нравилась его манера выщипывать из себя каждое

слово, криво смеяться, медленно и осторожно, точно над пропастью, вышагивать на лекциях.

Бельгигулов встал, прошелся «над пропастью», посмотрел в окно и спросил как-то в сторону:

— Что же тогда вам хотелось бы взять?

Гульшат сбивчиво заговорила:

— С практики я привезла одно растение. Очень пластичное, сочное растение. Горит на огне с характерным запахом. Я уверена, что из него можно получить серу. Местные жители используют его как лекарство... Мне хотелось бы исследовать его всесторонне... Оно может принести пользу в хозяйстве, медицине...

Бельгигулов отвернулся от окна и со спокойным удивлением посмотрел на студентку:

— Но какое отношение имеет все это к биологической науке?

— А почему не может иметь?— с вызовом ответила Гульшат.— Эту тему мне подсказал сам Карим Бозжанович.

Макан промолчал. Неторопливо достал папиросу, коротким взмахом зажег спичку, прикурил.

— Даулеткереева, у вас тоже своя тема?— громко, с непонятной усмешкой спросил он.

— Мака, у меня еще нет темы. Я право не знаю, какую выбрать. Подскажите сами, посоветуйте.

Преподаватель прошелся, сел за стол, снова поднялся, подошел к окну, пустил наружу струю дыма.

— В молодые годы нужно стремиться овладеть теорией. Это — первооснова науки. Без теории нет практики. Практику же можно приобрести, поработав пару месяцев лаборантом в каком-нибудь исследовательском институте. Теорию же, повзрослев, уже не наверстаешь.

Говорил Бельгигулов вроде бы для Инеш, но Гульшат сразу поняла, что это камешек в ее огород.

— На этом пока закончим,— вдруг сказал Бельгигулов.

Студенты разошлись. Инеш подошла к преподавателю:

— Какую тему вы посоветовали бы мне взять?

Преподаватель углубился в список тем для рефератов, задержал кончик карандаша на одной из них.

— Основная задача биологии — преобразовывать природу. По-моему, «Вопросы изменения наследственности», — как раз самая подходящая тема для творчества.

Девушка призадумалась, беспомощно заглянула в глаза преподавателю.

— Ничего,— мягким, с подчеркнутой любезностью голосом успокоил Бельгигулов.— Возьми эту тему. Я тебе помогу, не пугайся.

Инеш уловила во взгляде, в голосе преподавателя что-то такое, что заставило ее поежиться, вслед за этим во рту появился горьковатый привкус, и Инеш тотчас же испугалась какой-то неосознанной догадки. В глазах Бельгигулова вспыхнул недобрый огонек. Инеш смутилась, взяла себя в руки, натянуто улыбнулась, торопливо поблагодарила и почти выбежала в коридор.

Ее сразу оглушил шум и смех. Особенно весело было в дверях у библиотеки, хохот сгрудившихся студентов заглушал говор и гул, стоящий в вестибюле. Инеш невольно оглянулась и присмотрелась. Шумели ее однокурсники, окружив плотным кольцом студентку Касымову — девушку с пышной, высокой прической и удивительно тонким, пискливым голосом.

— Странно, почему болезнь избрала именно ее? Никто же не заболел, все остальные живы-здоровы? — насмешливо проговорил кто-то.

— Разве ты не знаешь закона биологии? — опять раздался голосок Касымовой.

— Какого закона?

— Сформировавшиеся наследственные признаки не поддаются обратному воздействию...

Новый взрыв хохота.

И тут Инеш узнала голос Манапа.

— Южные растения пытались приучить к холодному климату Сибири, но из этой затеи ничего не получилось. Правильно, тепличное растение не приживается в Сибири.

Кто-то подлил масла в огонь не без ехидства:

— Что же, ты хочешь сказать, что характер Инеш уже сформировался окончательно?

Инеш замерла, готовая броситься на обидчиков.

Но ее опередила Гульшат. Она выскочила откуда-то сбоку и с ходу набросилась на пересмешников.

— И что это вы разошлись? Зачем приписывать Инеш дурные побуждения? Она и в самом деле заболела. Она могла бы и умереть. А вы хохочете, и напеваετε как базарные сплетницы. Не к лицу. Стыдно!

— Мы разговаривали о пройденном по биологии,— Балгабаев громко расхохотался, но его никто не подержал.

Гульшат резко оборвала его:

— Довольно паясничать, пора уж и мужчиной стать. Хвастовства в тебе и гонора столько, что хватит на всех. Пустомеля!

Смех утих. Инеш была благодарна Гульшат: милая, настоящая подруга! И как только она умеет находить нужные слова!

Инеш подошла к зеркалу, стоявшему в простенке, и поправила свои длинные волосы. Затем, как ни в чем не бывало, подошла к группе однокурсников, весело, с победоносной снисходительностью оглядела их, взяла Гульшат под руку и повела к выходу. Примолкшие студенты молча смотрели вслед подругам.

Инеш и Гульшат спустились к скверу и зашагали по теплому от сентябрьского солнца тротуару. Гульшат молчала, ожидая от Инеш первых слов: не просто так ведь она потащила ее куда-то.

— Значит, ты не хочешь брать ни одну из тем, предложенных Маканом?— спросила наконец Инеш.

— Да, я уже говорила об этом.

— Это нечестно с твоей стороны, Гульшат. Макан, кажется, обиделся на тебя, ты поставила его в дурацкое положение.

— Почему обиделся? Он радоваться должен, что я привезла с практики свежую, самостоятельную тему.

— Не знаю...— с сомнением проговорила Инеш.

— Вообще, Бельгигулов, по-моему, странный человек... Я, признаться, не понимаю его. Мне больше нравится Бозжанов.

— А, брось, пожалуйста... Макан очень грамотный преподаватель...

Гульшат как бы не расслышала последних слов подруги и продолжала развивать свою мысль о Бозжанове. Он сейчас работает над докторской диссертацией о путях превращения яровой пшеницы в твердую. Вывести новый сорт путем приспособления к среде, воспитанием в старых наследственных качествах. Карим Бозжанов недавно возил группу студентов на экспериментальную базу и показывал свои опыты.

Инеш недоверчиво посмотрела на подругу. Гульшат поняла ее по-своему, предложила:

— Хочешь, я и тебя могу свозить туда? Карим Бозжанович всегда охотно встречает студентов...

— Можно и съездить...

Тут же условились о дне поездки. Разговаривая, вошли

в городской сад. Синие, бордовые, красные, зеленые, желтые, белые цветы, росшие в скверике возле фонтана, издавали терпкий, смешанный аромат, который отчетливо ощущался в прозрачном, чистом воздухе. Издалека, видимо, из ресторана, доносилась мелодия симфонической фантазии Римского-Корсакова «Шехеразада».

— Значит, договорились?— напомнила Гульшат о поездке в хозяйство Бозжанова. Но Инеш смотрела в спину какому-то парню в военной гимнастерке. Парень обернулся, и Инеш поспешно отвернулась.

Думала, что сердце выскочит... Приняла парня за другого. Как похож — рост, плечи, походка!..

— О ком это ты?

— Ты разве не догадываешься? Помнишь, парня на станции? Если хочешь, я тебя с ним познакомлю.

— С Мауленом, что ли? Так я его знаю.

Инеш вскинула брови, поджала губы. Что это, шутка? Ведь считать знакомством мимолетную встречу на станции нельзя.

— Откуда ты его знаешь?— глухо спросила Инеш.

— Не ревнуй, не ревнуй,— рассмеялась Гульшат.— Просто знакомы, и все.

Как ни хотелось, но Инеш решила не допытываться, чтобы не унижить себя, равнодушно, с легкостью спросила:

— Он тебе понравился?

— Понравился ли?— Гульшат снова рассмеялась.— Разве может не понравиться такой парень, как Маулен? Правда, образования у него маловато, но это не беда — ведь он был на фронте. Зато какие глаза! Умные, серьезные, добрые...

Инеш вдруг остановилась и схватила Гульшат за руку:

— Ах, Гулечка, я чуть не забыла. Вернемся назад. Тут в книжном магазине одна продавщица обещала мне оставить книгу.

— А что за книга?

— «Парижские тайны» Эжена Сю.

Гульшат отвернулась и умолкла. Заметив это, Инеш заговорила в свое оправдание.

— Ты уже читала? А мне порекомендовали, вернее, порекомендовал... человек, хорошо знающий литературу.

— Кто это?

— Наш... Бельгигулович...— невнятно пробормотала Инеш.

Гульшат взяла Инеш за руку и решительно потащила за собой:

— Оставим такие книги для чтения Бельгигуловичам...

9

Перед доцентом Каримом Бозжановым лежит стебель пшеницы с колоском. Доцент, заложив руки за спину, ходит по комнате, то и дело поглядывая на него. Этот обыкновенный с виду колосок кажется ему величайшей загадкой. Он словно вобрал в себя всю тайну земли, всю тайну наследственности, которую надо разгадать.

Карим не один год наблюдает за ним. Он заметил его, когда росток зазеленел на маленьком участке, выделенном для научной работы. Карим своими глазами видел, как нежный стебелек превратился в колосок, как наливался...

Карим неотступно смотрит на колосок и думает: «Я ведь тебя не сеял, откуда ты появился?» Вся загадка в этом. Карим усиленно старался вспомнить, в каком году, в каком месяце, в какой день он впервые посеял его на опытном участке, когда собирал урожай, где хранил собранное зерно, где высеял на следующий год.

«Все правильно... Но откуда тогда взялся этот вид? Куда делась посеянная пшеница? Земля, что ли, поглотила ее? Допущена какая-то ошибка. Не птицы же занесли другие семена... А может быть, это сделал ветер? Нет, ошибки не может быть. Над делянками были натянуты марлевые колпаки, участок находился вдали от других посевов. Ошибка исключена...»

Углубившись в размышления, Карим не заметил вошедшей в комнату жены. Енлик пришла звать его к завтраку. Постояв с минуту возле стола, она рассмеялась и вышла. Карим вновь просмотрел историю видов пшеницы. Никто не писал о том, что вместо одного вида пшеницы мог вырасти другой.

Снова вошла Енлик. Бозжанов, не обращая на нее никакого внимания, встал и начал ходить взад и вперед, наискось пересекая кабинет, уставленный шкафами с книгами.

Енлик заметила, что у него утомленный вид. Зрачки больших темных глаз Возжанова были расширены, лицо побледнело, черты чуть заострились.

— Тебя вызывает Добров,— сказала Енлик.

— Посмотри сюда, Енликжан,— потянул он жену за рукав к столу.— Вот мягкая озимая «Эритроспермум» с

красными зернами и белым мохнатым колосом. А я сеял яровую, твердую «Мелянопус-69». Понимаешь? Это так же удивительно, невероятно, как если бы у козы родился щенок...

Енлик весело рассмеялась.

— Тебя ждут.

— Кто?

— Добров.

— Добров? Почему же он не заходит?

— Нет, он просит тебя поскорее прийти к нему, прислал человека.

— Хорошо, хорошо, сейчас.

Бозжанов торопливо пообедал и вышел на улицу.

День пасмурный, хмурый. Над городом висят низкие плотные тучи. Льет мелкий, словно просеянный сквозь сито, дождь. В вершинах деревьев путаются клочья сизого тумана. Мокрый асфальт блестит.

Карим, и в другое время мало думавший об удобствах, а сейчас сосредоточенный на своих мыслях, не взял зонтик и не сел в машину. Он лишь поглубже нахлобучил шляпу, поднял воротник пальто и, не спеша, зашагал по мокрому тротуару.

«Добров, наверное, опять спросит о диссертации,— подумал он.— Возможно, заставит читать лекции... Так... Нет, надо подождать с лекциями. Откуда же все-таки взялся этот вид?..»

Когда Бозжанов вошел в кабинет секретаря парткома, Викентий Викентьевич стоял на раздвижной лестнице, перебирая книги на верхней полке.

— А, Карим Бозжанович, здравствуйте.— Он сверху протянул руку и едва не свалился с заскрипевшей лестницы. Тяжело спустился вниз и вытер ладонью крутой выпуклый лоб.

— Я думаю, вам, Викентий Викентьевич, следует подалее обходить эту лестницу,— заметил Бозжанов,— и уж никак не влезать на нее. Если упадете, для вас это кончится менее благополучно, чем для лестницы.

— Совершенно верно! Каждый раз, когда я влезая на нее, даю себе торжественное обещание: «Больше я на тебя, проклятую, не полезу». Но когда бывает нужна книга, сразу забываю обо всем,— и вдруг воскликнул:— Да вот же она, проклятая! А я ее ищу наверху. Негодница!

В кабинет вошла секретарша, молодая миловидная женщина со строгим лицом, сказала укоризненно:

— Викентий Викентьевич, сколько раз я вас просила не искать самому книги. Разве трудно попросить меня, я бы мигом нашла то, что вам нужно.

Добров насупился, стянул с переносицы пенсне, исподлобья посмотрел на Бозжанова, затем на секретаршу. Он был похож на обиженного ребенка. Заметив мокрый костюм доцента, ворчливо пробубнил:

— Хорошо заботиться о других, да? А сам по дождю шел пешком, не захватил даже зонтика. Хотите простудиться?

— Вы положительно принимаете меня за сахарного.

— А вы считаете меня конченным стариком, которому уже и лесенка страшна, а?

Секретарша рассмеялась, развела руками и ушла. Посмеялись и Добров с Бозжановым. Профессор крикнул за дверь:

— Хорошо, доченька, следующий раз я буду звать вас на помощь. Так и быть.

Добров сел за стол и спросил серьезно, без обиняков:

— Ну, в каком состоянии ваша диссертация?

Карим принялся рассказывать об удивительной пшенице, выросшей на опытном участке. Добров слушал, перебирая в стаканчике остро очиненные разноцветные карандаши.

— Диссертацию нельзя откладывать на следующий год. Защищать нужно в этом году. Обязательно. В любом случае. Считайте это партийным поручением. Есть для этого немаловажная причина. Да, кстати, пшеница, которую вы посеяли годом позже, тоже такая?

— Нет, она тот самый «Мелянопус-69», который, при выкнув к холодам Центрального Казахстана, превращается в озимый сорт. Меня в тупик ставят редкие всходы пшеницы, о которой я вам рассказывал.

— Значит, нужно уделять ей больше внимания, глубже изучать. Сегодня у меня был председатель колхоза «Социализм» Сексенбаев. Весь в орденах. Но не в этом суть. Он привез горсть пшеницы. По словам председателя, пшеница с одного колоса, а между тем в ней присутствуют зерна ржи.

— Интересно! Очень любопытно! — воскликнул Бозжанов.

— Да, конечно. Председатель, видимо, весьма любознательный человек, просил объяснить научно — так и подчеркнул — это явление. В чем тайна? Так-то вот.

В дверь постучали. Вошел Бельгигулов.

— О, Макан Бельгигулович,— приветствовал его Добров с неизменным радушием.— Садитесь, вернее, присаживайтесь. Вы весьма кстати появились,— и Добров продолжил рассказ о председателе колхоза Сексенбаеве и его загадочной пшенице.

Бельгигулов неторопливо прошелся по кабинету, посмотрел в окно и, усевшись на диван, прислушался к разговору.

Викентий Викентьевич повторил специально для Бельгигулова:

— В одном из колосьев, которые показал мне председатель, оказалось несколько зерен ржи.

Бельгигулов оживился. Он с интересом слушал и время от времени вставлял замечания.

— Удивительно! Никогда не встречался с таким фактом.

Добров сказал:

— Я обещал Сексенбаеву послать одного-двух ученых со студентами биологического факультета для исследования этого явления.

Бельгигулов встал, закурил и подошел к Бозжанову.

— Безусловно, это стоит исследовать. Надо съездить. Хотелось бы самому посмотреть на этот удивительный колос.

— Вот-вот, я думаю послать в колхоз вас и Бозжанова, сказал Добров.

Бельгигулов отошел к дивану, сел и молча повертел в пальцах папиросу.

— Можно и съездить,— проронил он тихо.

— Следует взять всех студентов пятого курса. Пусть посмотрят. Зубрежка книг едва ли может побудить к творческой мысли,— заметил Бозжанов.

Добров поддержал его:

— Практика оживляет теорию. Совершенно верно.

Но Бельгигулов возразил:

— Во всяком случае теория играет главную роль. Нельзя отрывать студентов от учебы; погоня за практикой, частые поездки по районам — в ущерб учебе...

— Ну, поехали,— оборвал его Добров.— Готовьтесь к отъезду.

— Да, чуть было не забыл,— сказал Бельгигулов.— В прошлом году на третьем курсе я не смог прочесть спецкурс. Сейчас представляется такая возможность, и я должен

срочно начать на четвертом курсе читать его. Есть указание деканата.

Викентий Викентьевич, приподняв брови, взглянул на Бозжанова, как бы спрашивая: «Что ты на это скажешь?»

— И то правда... Есть ли необходимость двоим ехать в колхоз? Я думаю справиться один,— проговорил Карим.

— Конечно, достаточно и одного,— поддержал его Бельгигулов.— Пусть едет Карим Бозжанович. Эти факты нужны для его диссертации...

Добров молча кивнул.

Бельгигулов встал и, попрощавшись, направился к выходу. На лице его появилась едва заметная торжествующая усмешка.

Когда Бозжанов и Бельгигулов выходили из приемной, дверь кабинета Доброва приоткрылась, высунулась лысая голова секретаря партбюро:

— Карим Бозжанович, обратите внимание и на остальные колосья, полученные в результате последующих посевов. Кто знает, может быть они помогут вам решить загадку. Не забудьте быть почтительнее с председателем колхоза, он — башковитый человек — этот Сексенбаев!

Дома Бозжанов снова усталился на лежавший на столе одинокий колос. «Как же разгадать твою тайну?» — думал он, словно колос мог ответить. Затем достал из шкафа еще один колос, завернутый в плотную бумагу, и осторожно развернул его над столом. Положил рядом с первым. Даже неискушенный глаз мог заметить разницу между двумя колосьями.

Доцент осторожно срезал основание колоса, вынутого из шкафа. В месте соединения колоса со стеблем не было пустоты. Это было признаком твердого сорта.

Карим растер колос между ладонями и долго смотрел на зерна.

— Да, настоящая твердая пшеница,— заключил он. И вдруг заметил одно зернышко, отличающееся от других. Затаив дыхание, торопливо откатил его в сторону. Зерно было бледно-красное, продолговатое. С минуту доцент смотрел на него в немом изумлении.

— Енлик! Енлик! Посмотри на это чудо! — закричал он, выбегая из комнаты.— Взгляни на это зерно... Видишь... Вот, продолговатое бледно-красное... Видишь? Это «Эритро-спермум». Чудо повторяется! В одном колосе содержатся зерна двух видов пшеницы! Точно так, как утверждал Сексенбаев!

Карим забегал по комнате, возбужденно повторяя одно и то же. Он вновь и вновь останавливался у стола, вглядывался в зерна, цокал языком, качал головой.

10.

Инеш всегда раздражало, что кнопка звонка прикреплена слишком высоко — тянешься, тянешься...

А мать как нарочно не спешила. Инеш снова нажала на красную кнопку. Дребезжание звонка было слышно даже здесь, на крыльце.

Гульшат спокойно ждала. А Инеш нервничала.

— Мама не должна была уйти из дома, — сказала Инеш подруге. — Утром она чувствовала себя неважно, наверное, опять мигрень. Что это такое мигрень?

Гульшат пожала плечами. Наконец дверь распахнулась. Мать в халате, с белым влажным платком, обмотанным вокруг головы, туманно смотрела на дочь. Лицо ее было багровым, опухшим. От величавого и обычно значительного вида не осталось и следа. Такой вот Инеш не любила свою мать. Жалость к ней смешалась с огорчением.

— Опять голова болит? — тихо спросила Инеш, ныряя боком в коридор. — Проходи, Гуля.

— Да, Инешжан, — простонала Мадина. — В голове будто змея шевелится...

Она тяжело заковыляла в свою комнату, шумно вздыхая и кряхтя.

Инеш открыла створки большой застекленной двери, пригласила Гульшат:

— Иди сюда, посиди, Гуля. На, посмотри пока. — Инеш взяла с широкого, обитого красной кожей дивана массивный альбом и подала подруге. — Я сейчас вернусь.

Изящно и коротко ступая по мягким коврам, Инеш упорхнула куда-то.

Гульшат отложила альбом и осмотрелась. Комната, видимо, кабинет, выглядела внушительно. Все стены заставлены стеллажами с книгами. Возле огромного окна стоит письменный стол, похожий на катафалк — темно-красное дерево, зеленое сукно, по бокам и на коротких искривленных ножках — резьба, затейливая, тонкая.

Неподалеку от стола, на ажурной этажерке — массивный радиоприемник, рядом — диковинная, очень динамичная и выразительная статуэтка из черного мрамора. «Должно быть, это кабинет отца Инеш», — почтительно

подумала Гульшат, чувствуя себя несколько подавленно, робко.

Ее внимание привлекла громадная серебряная ваза, испещренная узорами, потемневшая от времени. Несомненно, ваза представляла большую художественную ценность, в ней была сокрыта какая-то мысль, быть может, какое-то тайное чувство мастера, ее сделавшего.

Гульшат подошла к вазе и тронула пальцем ее стройные бока.

— Это очень древняя ваза,— услышала она голос Инеш с порога.— Работа неизвестного мастера древней Персии. Ювелирная работа, кажется, называется торевтикой.

Инеш обняла подругу за плечи, положила голову на грудь.

— Ой Гулечка, тебе не наскучило сидеть одной? Знаешь, когда мама болеет, весь дом сиротеет. Я тогда не знаю, куда деться. Папа в своей академии пропадает, а я одна. Ой Гулечка, если бы не было сейчас тебя, я бы просто упала на диван, лежала и плакала. Час, два, три. А с тобой плакать мне не хочется. Мама уже неизлечима, просто не знаем как быть.

— Неизлечимых болезней нет,— ответила Гульшат, чтобы поддержать разговор. Неужели врачи не могут справиться с мигренью?

— Гулечка, ты ничегошеньки не знаешь: мама принципиально не хочет лечиться у врачей.

— Почему?

Инеш пожала плечами, выпятила губы.

— Сама удивляюсь. Странностей у нее много. Это все от старого. После гибели Сабыра она совсем сдала. Стала обидчивой, легко ранимой. Чуть что не по ней — в слезы и в постель. Не передалось бы мне все это. Уж не наследственное ли это у нее, Гуля? Не верю я в наследственность, видишь, я совсем-совсем другая, даже по фигуре. Но все же. Меня не покидает мысль, предчувствие, что ли, что не сегодня так завтра я заболею тем же самым.

— Ты ужасно противоречишь себе, товарищ биолог: веришь — не веришь. Наука есть наука. Ничего тебе не перейдет от матери. Из болезней.

— Да, конечно,— охотно согласилась Инеш.— Но я справилась. Бээсэс утверждает, что мигрень наследуется.

— Энциклопедия устарела. Сейчас готовится к изданию новая, научно выверенная. А эта,— она кивнула на тома, тесно стоящие на полке,— безнадежно стара, так как со-

ставлена по данным буржуазных ученых. Верить им? Послушай, что говорил Мичурин: «Мои последователи должны опережать меня, противоречить мне, даже разрушать мой труд, в то же время продолжая его. Только из такой последовательно разрушаемой работы и создается прогресс». Понятно? Вот мы изучаем хромосомную теорию. А мичуринская наука опровергает ее. А что на этот счет толкует энциклопедия, а? Ты, конечно, знаешь, заглядывала. Так что все это, во всяком случае, — многое из старого, надо разрушать и создавать новое, двигаться вперед.

Инеш робко возразила:

— Но ведь на хромосомной теории держится биологическая наука, как же так вдруг разрушать?..

Гульшат резко отстранилась, непринужденно вскинула подбородок, но голос Мадины потушил разгоревшийся было спор. Мать звала дочь к себе. Инеш с радостью откликнулась на зов, ей не хотелось спорить о том, в чем она не была твердо уверена, чувствовала себя шатко.

Гульшат участливо поглядела вслед подруге и от нечего делать взяла в руки альбом. Альбом оказался интересным. Не просто фотографии, а умело и со вкусом подобранные открытки. Фотографии архитектурных памятников, репродукции с картин знаменитых художников.

...Вот шишкинская «Рожь». Необъятная нива уходит к горизонту и сливается с солнечными облаками. Волны степного ветра широко катятся по шумному морю колосьев. Картина дышит покоем, светлой радостью. Уже пора косить. «Ах, да это же картина». Гульшат слышится шорох колосьев. Голоса людей. «Жаль, что их нет на картине...»

Гульшат показалось, что она уже долго сидит одна. Встала, прошлась по комнате, посмотрела на маленькие наручные часы: уже полчаса как ушла Инеш.

«Теперь будем вместе заниматься, у нее больная мать. Где же она ходит?» Вышла в коридор. Из кухни доносится звон. «Наверно, Инеш», — подумала Гульшат и заглянула в полуоткрытую дверь кухни. Инеш, низко склонившись над электрической плиткой, пыталась вставить ускользающую спираль.

— Инеш, что ты делаешь?

Та вытерла рукавом блестящие капли пота со лба.

— Проклятая спираль все рвется, а новую не могу вставить. Выскакивает, не укладывается. Я хотела сделать тебе какао. Ты любишь какао?

— Не беспокойся. Я сейчас ухажу. У тебя сегодня, види-

мо, не будет времени для занятий. Ну-ка попробуем вдвоем. Что это за вещь, что не подчиняется...— Гульшат подо-
двинула к себе электроплитку и начала вставлять новую
спираль. Она то здесь, то там выскакивала из углуб-
ления.

— Просто мучение,— вздохнула Инеш.

Гульшат, увидев, что понапрасну тратит время, двумя
спичками вставила концы спирали в розетку. Белая спи-
раль сначала потемнела, потом пожелтела и наконец стала
красного цвета.

— Что ты делаешь, Гуля?

Гульшат вынула спираль из розетки. Спираль потемне-
ла и отливала синим блеском. Гульшат начала вставлять ее
в желобки плитки. Спираль уже не распрямлялась и не вы-
скакивала. Гульшат довольно рассмеялась.

— Ну, я пошла. Не забудь об уговоре. Не забудешь?
Собираемся здесь. Или — нет. В университете собираемся.
Вот — в университете. Все.

— Гуля, я, наверное, не смогу поехать. Не видишь разве,
что мама больна.

— Ну, смотри сама. До свидания!

Инеш глубоко вздохнула. Она снова остается одна. Нет,
она не одна, у нее есть мама! Да, да, вся ее печаль из-за
болезни мамы.

После ухода подруги она не знала, чем заняться. Пошла
в комнату матери. Мадина лежала, прикрыв глаза. Дыша-
ла прерывисто и часто.

Инеш подошла и погладила ее лоб. Спросила, не хочет-
ся ли ей пить. Мадина сначала отрицательно покачала го-
ловой. Потом некоторое время лежала, беззвучно шевеля
губами, как будто говорила о чем-то. Инеш не могла рас-
слышать слов. «О чем это она?» А Мадина повторила уже
более громко: «Забиться о себе, приготовить кушать...»

Зазвонил телефон. Инеш сняла трубку.

— Это ты, папа? Она чувствует себя неплохо. Да, да,
я приехала недавно. Она не обедала... Поздно приедешь?
Папа, приезжай пораньше. Очень скучно, очень!

Она вышла в коридор. Увидела уголок газеты, торча-
щий из ящика. «Мамочка лежит, и газеты никто не брал». Открывая крышку ящика, Инеш вдруг вспомнила Маулена:
«Почему он не приехал? Стесняется? Папа и мама любят,
когда он приходит, а он стесняется. Почему?»

Из газет выпала аккуратно свернутая бумажка. Инеш
подняла ее.

«Приходил к вам, никто не отозвался. Ждать я не смог. Зайду еще. Маулен».

Инеш прочитала записку, прижала к груди, глаза ее заблестели, сердце захолонуло. Боже мой, как хочется быть любимой!.. И любить.

11

Маулен сразу узнал черный пиджак одного из студентов — соседей по комнате. Жолтаю он пришелся впору. Маулен оглядел Муздарапова — на нем все чужое, даже рубашка.

Жолтай, бодро насвистывая, достал из кармана зеркальце, приладил на книжной полке, надел сорочку. Долго возился с галстуком и наконец завязал узел величиной с добрый кулак — последний крик моды. Взглянув на Маулена, посоветовался:

— Подходит галстук к моей физиономии?

— Подходит, — добродушно посмеялся Маулен. — Теперь девушки табуном за тобой побегут.

Жолтай сокрушенно вздохнул:

— Сорочка помятая, эх! — но тут же утешился. — Зато пиджак — будто на меня сшит.

В пиджаке и при галстуке, Муздарапов выглядел смешно. Он взглянул на свои ноги, сказал мимоходом, будто о само собой разумеющемся:

— Маулен, твои светлые брюки будут в тон моему галстуку. Ссуди на денек.

Маулен неодобрительно усмехнулся, покачал головой — «ну и ну!», но брюки все-таки достал из чемодана. Жолтай, увидев на них складки, пришел в ужас:

— Да разве можно держать брюки в чемодане?! Где стрелки? Эх, голова — два уха! Надо было положить их на ночь под матрац, были бы сейчас готовы к употреблению.

— Ну, так и займись делом; сложи, побрызгай водой, положи под матрац и ложись.

— Мне пора сматываться, некогда раскладываться плашмя.

— Ну, дело хозяйское, — Маулен отвернулся посмеиваясь.

У Муздарапова все мысли и чувства — на лице, в словах, в поступках. На него как-то неудобно обижаться. Бесцеремонность и наглость смешана у него с удивительной откровенностью, непосредственностью. И этим он обезоруживал ближних.

Правда, Маулен редко видел Жолтая, который до сих пор так и не вернул ему денег, взятых в займы. Муздарапову всегда было некогда. Обычно после занятий Маулен долго засиживался в библиотеке. Жолтай же извлекал из-под матраца спрессованные брюки, натягивал их и уходил в город, возвращался очень поздно. А утром, когда Маулен вставал, Жолтай спал, укутавшись одеялом с головой, храпел и сопел так, что слышно было в коридоре. А в остальное свободное время Муздарапов оглашал общежитие визгливыми звуками кларнета.

Безмятежное существование Жолтая в общежитии было обусловлено и всем укладом студенческой жизни. Собираются молодые люди в одно гнездо со всех сторон света, у каждого из них свои склонности, привычки. Запретить делать то-то и то-то? Бесполезно. Вот почему в студенческих общежитиях каждый волен делать то, что желает. Терпимость студенческая к замашкам друг друга не имеет границ.

Взять хотя бы других соседей Маулена... Мустан Мыктыбаев, например, может понимать и усваивать прочитанное только вслух, громко, во все горло. Просить его читать про себя, это значит не дать человеку возможности подготовиться к занятиям, помочь схватить «неуд». Обычно на просьбу «потихше» Мустан жалобно отвечал: «В семье я рос единственным, часто оставался в пустой комнате с самим собой, привык читать громко, что мне делать теперь?» И от него отступали. Отступали и от других. Так вот и жили.

Быть может, только Сымбат, студент богатырского сложения, замкнутый и сосредоточенный, вечно углубленный в книги, решительно не замечал того, что творится вокруг него. Хотя из пушки пали рядом, ему все равно, даже бровью не поведет, лишь поднимет голову, посмотрит глубоко посаженными большими глазами, точно черными пиалами, на окружающих и промолвит что-нибудь совершенно неожиданное, часто непонятное: «Душа влюбленного цветку ровня», или «В душе весна, я вижу мир иным», и еще, к примеру: «Сосуды жизни — твои глаза, а нос — антенна обоняния».

Ребята хохотали до упаду над Сымбатом и его поэтическими всплесками. Собственный внутренний мир Сымбата, как панцирь черепахи, был надежно защищен несокрушимым равнодушием к людской суете.

Маулену Сымбат нравился. Он не знал за что, но

чувствовал к нему симпатию. Однажды Сымбат и Маулен случайно оказались вместе на одной дорожке сквера, долго шли рядом. Была поздняя осень. Листья уже давно осыпались с тополей, и тонкие темные ветви глянцево блестели.

Маулен заметил, что Сымбат с необыкновенным любопытством смотрит вокруг, ничего не пропуская. Возле развесистого вяза он вдруг остановился. Земля усеяна опавшими листьями. Лицо Сымбата выражало восторг, он о чем-то задумался.

«Да ведь он поэт», — подумал Маулен. И, словно угадав его мысль, Сымбат спросил:

— Тебе ни о чем не говорит это дерево?

Маулен внимательно посмотрел на Сымбата, затем медленно оглядел дерево от корней до верхушки. В ветвях запутался одинокий желтый листок. Точно живой, он чуть вздрагивал от легких вздохов ветра и, казалось, пытался освободиться.

— Пушкин хорошо писал об этом, — сказал Сымбат и наизусть процитировал:

...Под бурями судьбы жестокой
Увял цветущий мой венец,
Живу печальный, одинокий
И жду: придет ли мой конец?
Так поздним хладом пораженный,
Как бури слышен зимний свист,
Один на ветке обнаженной
Трепещет запоздалый лист.

— Хорошие стихи, Маулен? Эх, быть бы поэтом и перевести на казахский язык...

Маулен молча взглянул на него.

С этого дня они стали друзьями.

С каждым днем Маулен все больше привыкал к новой для него обстановке, к студентам, жившим в одной с ним комнате.

Его увлекали постоянно возникавшие между студентами споры о новых течениях в буржуазной философии, о новых картинах, женских прическах и теории хромосом, о такте и этике и многом другом.

Сам Маулен пока не участвовал в спорах. Много из того, о чем говорили другие, было ему незнакомо. Часто обсуждались книги, которых он не читал. «Надо договорить», — повторял он себе. Эта мысль не давала ему покоя, неистово сверлила мозг.

И Маулен не терял времени, он всегда заранее намечал, какую книгу взять, до позднего вечера просиживал в библиотеке. Три предмета неизменно были в центре его внимания: литература, философия и эстетика.

Когда-то Маулен мечтал стать поэтом, писал стихи, даже печатался в областной газете. К творчеству побудил его школьный учитель, также увлекавшийся поэзией. Он посылал стихи Маулена в газеты, часто беседовал с ним о поэзии, живописи.

Спустя три года в школе появился новый учитель. Прочитав стихи Маулена, он посоветовал ему оставить поэзию и взяться за изучение литературы. Маулен бросил писать стихи и решил стать литературным критиком.

Слово «эстетика» он впервые услышал в пятом классе, и спросил у учителя, что оно обозначает. Тот, ухмыльнувшись, ответил: «Наука о прекрасном». После такого объяснения смысл слова «эстетика» для Маулена стал еще более неясным.

И лишь перед окончанием средней школы он всерьез начал задумываться над тем, что же в окружающей его жизни действительно прекрасно. Прекрасны были девушки, и Маулен решил, что эстетика — это девушки.

Потом он понял, что в мире очень много прекрасных вещей. Его понимание прекрасного становилось все более широким — прекрасной была сама жизнь, окружающая его.

В университете он взялся за изучение работ Маркса, Энгельса и Ленина об искусстве и литературе. Прочел диссертацию Чернышевского «Эстетические отношения искусства к действительности». Теперь понятие прекрасного приобрело для него новый, всеобъемлющий смысл.

Однажды в коридоре университета его окликнул секретарь комитета комсомола Ерен Даиров и пригласил в комсомольскую комнату.

— Ну, как устроился? — спросил он, усаживая Маулена на стул.

Маулен рассказал обо всем, что происходило в общегитии.

Даиров улыбнулся и покачал головой.

— Ничего, эти разногласия исчезнут на втором курсе. А потом они совсем исчезнут: скоро будут сдаваться в эксплуатацию новые корпуса университета. Ты разве ничего не слышал об этом? Со временем построят целый университетский город. Вот, смотри, — Даиров показал на огром-

ный, во всю стену, план университетского городка. Шесть прекрасных, утопающих в зелени домов,— учебные корпуса, с большими светлыми аудиториями и десятками лабораторий, оборудованных новейшими приборами. За учебными корпусами, взбегая на предгорья, полукругом раскинулся ботанический сад. Там собраны растения со всех материков. И в этом саду — университетское общежитие. Маулен не мог оторвать от него глаз. На плане были обозначены размеры комнат, таких маленьких, что Маулен с сожалением вздохнул.

— Затолкают в эти комнатухи по пять-шесть человек, не повернешься...

— Я что-то не понимаю тебя. В каждой комнате как раз будут все условия и удобства...— Даиров подошел к макету и показал пальцем на одну из комнат студенческого общежития, вычерченную в разрезе.— Вот здесь будет твоя кровать, здесь этажерка, вделанная в стену. Посередине письменный стол.

— Хорошо, а куда в этой комнате поставишь койки других студентов — Сарсенбаева, Бейсенбаева... сколько еще их «баевых»? Куда их денешь?

Ерен перестал улыбаться.

— Да ты, оказывается, ничего не понял: эта комната только для тебя, для тебя одного... Другие «баевы» получают такие же комнаты.

Маулен не поверил, вытаращил глаза на секретаря комитета.

— Значит, сколько студентов — столько и комнат?

— А ты как думал? Эта стройка союзного значения.

— Здорово! Как в Московском университете.

— Ну конечно. Ты, брат, отстал от жизни.

Маулен смотрел на проект будущей стройки и чувствовал, как в его душе вскипает радость. «Вот оно! Вот что истинно прекрасно!»

— Слушай, Ерен, почему мы не устраиваем субботники? Ведь мы можем приблизить день, когда все это будет не на бумаге, а наяву.

— Будут и субботники, Маулен.

— Вот это правильно. Покажем силу? Вот!— Маулен схватил Ерена и легко оторвал от стула, поднял над столом. Даиров восхитился:

— Силен, силен! Да, есть у нас кому работать на субботнике. Обязательно устроим.

Девичью комнату всегда легко отличить от жилья, в котором обитает парень. Любовь к своему «гнездышку» у женщин врожденная. Поэтому не было ничего удивительного, что комната, в которой вот уже четыре года жили вместе однокурсницы Гульшат Аманова, Зада Касымова и киргизка Ажар Артыгалиева, студентка четвертого курса химического факультета, сияла чистотой и была нарядна от салфеток и репродукций с картин. Парфюмерией очень увлекалась Ажар, или, как ее звали все, — Аллочка, очень нежная, стеснительная и чрезвычайно обходительная девушка с круглым кукольным личиком, на котором брови и глаза казались нарисованными сажей, а губы — красным суриком. При виде ее даже у закоренелых меланхоликов рождалась на губах улыбка. Ажар хотелось погладить как ребенка, приласкать, уберечь от случайного ушиба. Даже сам Абрамович, преподаватель французского языка, славившийся недоступностью и строгостью, с Ажар обращался не иначе как с ласковой улыбкой: «Аллочка, будьте любезны, голубчик, поклоняйтесь...»

С Ажар не сводили глаз многие парни. Мимо нее невозможно было пройти равнодушным. Чувствуя на себе мужские взоры, Ажар еще больше стеснялась, собиралась в комочек.

Зада со своей бурной живостью, резкостью в суждениях и в поступках была полной противоположностью Аллочке. И обе подруги отличались от Гульшат, которую признавали за главную и даже чуть-чуть побаивались, но любили.

От Гульшат исходила уверенность и сила; какая-то внутренняя сосредоточенность и значимость чувствовалась не только в словах, но даже в походке, в самой строгой и прямой стати девушки.

Постороннему взгляду она на первых порах могла показаться гордячкой. А между тем, — и это знали в университете многие, — она готова была на все ради друзей.

Гульшат много пережила, несмотря на свою молодость. Уже подростком она испытала на себе горькую долю казахских девушек, обреченных старыми законами степи на бесправие и унижения.

Гульшат рано лишилась отца, она помнила его смутно, когда он, отправляясь в безвозвратный путь, погладил ее шершавой рукой, поцеловал в головку и наказал матери: «Береги цыпленочка нашего, следи зорко, чтобы крылья

чужака не сбили ее с ног, а железный клюв хищника не ударил в темя».

Отец не вернулся ни через месяц, ни год спустя. В голодный год в маленькой и тесной саманке бедной осиротевшей семьи появился пожилой мужчина, лицо которого напоминало блюдо для бесбармака. Из-под густых отвислых бровей недобро смотрели серые глаза, толстый живот был похож на опрокинутый казан.

Гульшат невзлюбила пришельца с первого взгляда, ибо мать сразу же повела себя как-то странно непонятно, замкнулась в себе, ни с того ни с сего ругала и даже шлепала Гульшат. А ведь раньше девочка не слышала от матери и грубого слова.

В день прихода незнакомца мать раньше обычного уложила Гульшат спать. Но встревоженная смышленная девочка сделала вид, что уснула, на самом деле чутко прислушивалась к тому, о чем говорили мать и противный чужак.

Мать сразу же заплакала, запричитала. Гульшат не сразу поняла, чего требовал от нее пришелец.

— Нет, я не смогу смотреть ей в глаза. Лучше уж мне остаться одной в своем родном гнезде среди родичей. О переезде я не смею и думать.

— Не противься, Сакыл,— убеждал своим хриплым голосом толстяк.— Время сейчас трудное, весь скот отобрали в колхоз, а зима на носу. Как жить будешь? Кто подаст тебе и твоей дочери кусок хлеба. Поедешь со мной — не пропадешь, будешь есть вдоволь, сидеть в тепле.

— Нет, нет,— возражала неуверенно мать и заливалась слезами.— Наступят же и лучшие времена, не все же голодать. Может, и колхоз не такое уж плохое дело для бедняков.

— Ты баба, волосы у тебя длинные, а ум короткий,— грубо оборвал ее мужчина,— ничего ты не понимаешь, слушай, что говорят знающие люди.

Гульшат было жалко маму, больно за нее, за свою бедность, она хотела встать с постели, подбежать к матери, успокоить ее. Но услышала голос толстого и побоялась, свернувшись клубочком и неожиданно уснула.

Наутро Гульшат проснулась, когда мать уже растопила печь и поставила самовар. Мама будто похудела за ночь, постарела, сгорбилась. Что-то покорное и униженное было во всей ее фигуре, словно на ее плечи взвалили непомерный груз. Гульшат чутьем поняла причину перемены в матери, взглянула в спальный угол комнаты. На кошке, укрывшись

любимым отцовским одеялом и подложив под бритую голову подушки, спал развалившись толстяк.

Щеки его отвисли, брови сползли чуть ли не на нос. Будто почуяв взгляд девочки, мужчина открыл глаза, посмотрел мутным звериным взглядом на Гульшат и широко зевнул, поднялся, потянулся, надел сапоги с высокими голенищами и вышел на улицу.

Гульшат думала, что незнакомец ушел навсегда, не выдержав ее ненавидящего взгляда, но не тут-то было. Вернулся он в дом быстро, крикая и отдуваясь, умылся, присел к низенькому круглому столу. Мать поспешно и, как показалось Гульшат, подобострастно, униженно подала гостю чай. От чая прищелец вскоре вспотел, достал большой грязный платок, вытерся. Затем извлек из кармана какой-то узелок, развязал его, достал что-то, протянул руку к Гульшат. Девочка увидела в толстых черных пальцах две конфетки, но не двинулась с места.

— На, бери,— пытаюсь быть ласковым, сказал гость.— Не бойся. Я теперь твой отец. Понятно? Я твой отец. Запомни и слушайся меня!

Девочка в отчаянном смятении посмотрела на мать. Но Сакып отвела глаза, склонилась над столиком у самовара. В сердце девочки вошло что-то острое, она дернулась и закричала истошно:

— Врете, врете! Мой отец умер! Мама, ведь правда, наш отец умер. А он — чужой.

Но мать не поддержала дочь, не глядя на нее, оборвала незнакомым чужим голосом:

— Замолчи! Не говори так. Бисары пришел вместо отца, будет кормить и поить нас. Время такое, дочка. Ты уже большая, все понимаешь. Восемь лет уже тебе, пора быть взрослой. Не кричи, не плачь, а слушайся нового отца.

Девочка убежала, забилась в темный угол чулана. Лютой ненавистью возненавидела она отчима, стонала, подавляя крик протеста. Ее душа металась в противоречивых чувствах — кляла мать, свою долю, попрекала отца, что рано умер, бросил родных на произвол судьбы. Не в силах справиться с навалившимся горем, плакала громко, с надрывом. Плакала Гульшат, ждала, что ее услышит мать, придет, приголубит как раньше. Но вместо матери из дома вышел толстяк, разыскал девочку за пирамидой кизяка, встряхнул и прикрикнул:

— Фу, чушка! Сама как букашка, а ревешь, как корова!.. Замолчи! А не то я тебя пристукну. Ну!

Гульшат съежилась, замерла в страхе. Никогда никто не бил ее, не говоря о грубых словах: не слышала их девочка ни от отца, ни от матери. Сердце ее будто прихватил мороз, поняла она, что детство прошло, началась другая пора в жизни. Слезы иссякли в один миг, будто и не было их.

Так началась у Гульшат новая жизнь. С этого дня девочка точно воды в рот набрала. По дому помогала матери, но на зовы отчима не откликалась, словно не замечала его. Мать то и дело увещевала: «Слушайся отчима, уважай и услужай. Люби». Но Гульшат не повиновалась. Мать и упрашивала ее со слезами на глазах, и ругала, и даже колотила. Гульшат словно окаменела. Не могла она пересилить в себе чувство омерзения и ненависти к толстому пришельцу.

А отчим своим отношением к девочке лишь подливал масло в огонь. Ласковых слов он, казалось, не знал. Одно на устах его: «Чушка! Свинья! Прочь! Слушайся! Уходи! Принеси!»

Дни тянулись за днями унылой чередой, будто тучи дождливой осенью, не было просвета в темной жизни. Наступила зима тридцать первого года. Задули ветры, завывли бураны.

Морозы закручивали круто, маленькие стекла саманки стали толстыми, не пропускали света. Дни потянулись как одна сплошная ночь.

Вскоре смутные оконца совсем перестали светиться: снегом занесло аул. Люди общались между собой темными ходами, прорытыми от саманки к саманке под снегом. Каждый день в «окна» в снегу скатывались одна за другой мрачные вести: «Ночью семья Ибрая замерзла», «умерли от голода Идрис и его дочь», «кончилось мясо, нет хлеба».

Гульшат вбирала в себя страх неизвестности холодных и темных дней, молчала, думала, пытаясь понять окружающий страшный мир и сложность людских отношений.

Однажды к их дому скатились к окошку в сугробе две маленькие девочки. Когда густой клуб пара рассеялся у захлопнутой со скрипом двери, Гульшат узнала своих двоюродных младших сестричек, бросилась к ним с объятиями.

Хлопотавшая у печки Сакуп ахнула и осела:

— Как вы пробрались сюда? Кто вас послал, Гульбаджан и Кулянжан, милые вы мои?

Девочки-близнецы с пугающей наивностью ответили в голос:

— Мама собралась умирать, послала нас к вам жить. Сказала: перезимуйте у тети Сакып. Нас привезли на санях.

Сакып опустилась на пол от испуга, подумала: «Неужели Айтжан так плоха?!»

К счастью, отчима дома не было, Сакып к радости Гульшат приняла девочек, напоила чаем, накормила кое-как, решив про себя: «Умирать с голоду, так вместе».

Младшая сестра Сакып Айтжан жила в соседнем ауле. Ее муж еще в начале зимы уехал к родным в надежде привезти оттуда что-нибудь из пищи на зиму. Но так и не вернулся. У Айтжан кончилась пища и она, умирая, отправила дочурок к старшей сестре. Значит, совсем уж худо стало, коль решилась на это, зная, что и у Сакып руки не в жире.

Услышав, что сестренки будут жить с ней, Гульшат расцвела — есть с кем поиграть, есть к кому прижаться холодной ночью, есть кому отдавать тепло своего сердца, ласку. Все, что было дорого Гульшат — самодельные куклы и тряпочки, — без колебаний торжественно вручила Гульбадан и Кулян.

Но вскоре в дом ввалился заиндевший на морозе, еще более толстый от напяленных на себя одежд отчим. На бровях его висели ледяшки, и он, казалось, ничего ни видел. Но, оттаяв за чаем, увидел девочек-близнецов и выпучил глаза. Гульшат, предчувствуя беду, обмерла.

Выслушав робкие объяснения Сакып, отчим пришел в ярость, заорал:

— Достаточно с меня, что я кормлю тебя и твоего ребенка. Гони их обратно, чтоб завтра и духу не было.

Гульшат обняла сестричек и заплакала.

Она уснула только к утру. Тревожный сон ее, наполненный кошмарными видениями, длился недолго. Девочка открыла глаза и не увидела рядом сестренки. С диким воплем кинулась она в прихожую и увидела Гульбадан и Кулян одетыми, собранными в дорогу. Мать, роняя безутешные слезы, говорила:

— Передайте привет своей матери, пусть простит меня. Что могла, то сделала. Не моя воля, — и зарыдала.

Гульшат упала на пол и обхватила руками ноги сестренки, закричала в голос:

— Не уходите, не уходите! Не надо им уходить... Пусть живут. Я не буду есть, свой хлеб буду им отдавать. А сама на воде просижу. Пусть живут.

Сакып тоже заголосила. Гульбадан и Кулян разом заревели. Отчим заорал:

— Молчать! Чушки! Свиньи! Завизжали! Марш из дома! Чтоб я вас не видел!

Сакып перестала голосить, подтолкнула девочек к выходу. Отчим ногой отодвинул Гульшат в сторону. Девочка вскочила, наскоро, дрожа и икая, оделась и бросилась следом за сестричками.

День удался тихим и сверкающим. Морозное солнце висело в золотистом небе расплюснутым, косматым. Прямо из сугробов поднимались в небо витые столбы дыма. Между занесенными снегом саманками аула пролегли глубокие, синие и голубые коридоры — дороги.

Девочки постояли на сугробе возле дома, щурясь на солнце, и соскользнули в глубокую траншею.

Отчим, оглядевшись, сказал:

— Сами дойдут, дорогу знают, погода хорошая. Нечего их провожать. Марш домой! Сакып и Гульшат, кому говорят!

Точно в туман погрузились мать и дочь. Последний раз взглянули они на фигурки девочек и вернулись домой.

К вечеру погода изменилась, опять задул ветер, завывала пурга. Гульшат не спала, слушала завыванье бурана, вздрагивала, но не плакала. Слез не было. Маленькое сердце будто окаменело.

Она и не заметила, как наступил день. Буран утих. Отчим и мать давно встали. В прихожей сипел и булькал самовар, но девочка не поднималась.

Вдруг туго заскрипели двери, потянуло холодом и тотчас же раздался громкий чужой голос:

— Эй, Сакып, выходи. Нашли двух замерзших девочек. Не твои ли племянницы.

Ахнув, Сакып бросилась наружу. Гульшат не помнила как встала с постели, как оделась, выскочила вслед за матерью.

Опять было солнечно и морозно. Голубая тишина перекачивалась по голубым сугробам от дымного столба к столбу, каждый шаг сопровождался оглушительным скрипом. Заснеженная равнина простиралась до самого невидимого горизонта; казалось, все вокруг было завернуто в белый саван.

За столбами дыма в полукилометре от аула виднелись свежие, наспех сооруженные могилы умерших от голода и холода. Могилы теснились густо.

Сакып и Гульшат еще издали заметили у одной из мо-

гил красные комочки на снегу. Девочки-близнецы носили пальтишки именно такого цвета. Неужели?

Гульбадан и Кулян лежали рядом, обнявшись, лицом к лицу. Их белые носики смерзлись. В открытых глазах блестели ледяшки, вокруг губ набрякли снежные комья.

Гульшат впервые в жизни видела мертвых людей; она обмякла и повалилась в снег. Сакуп подхватила дочку под мышку. Другой рукой сгребла замерзших племянниц и, обезумевшая, обретшая нечеловеческую силу в страшной беде, побежала, оскальзываясь и проваливаясь, домой.

Ночью за Гульшат гонялся с ножом огромный зверь с лицом отчима. В руке у него сверкал длинный нож, зубы, похожие на поленья, клацали, рвали на клочья тряпичные красные куклы. Девочка кричала: «Не убивай, не убивай!», металась на кошме, пунцовая и холодная.

Сакуп, прижимая головку дочери к впалой груди, шептала молитвы, просила всевышнего сжалиться над несчастной, прогнать злых духов, уберечь родное дитя от напасти и смерти.

— Писмелла, писмелла!— кричала мать над больной дочерью. Казалось, вся душа изошла в этом сдавленном безысходном вопле.

К весне Гульшат поправилась. И, едва обрела сознание, сказала матери с твердостью, доселе невиданной:

— Мне не нужен новый отец. Или мы уйдем от него или он пусть уходит из нашего дома.

Сакуп ничего не ответила, уронила лицо в подол, тихо заскулила. Легко несмысленно говорить такое: сердце неразумное, плоть чиста и свободна от влечений и привычек.

Гульшат поняла мать, не стала больше настаивать на своем.

Наступило лето. Вместе с теплыми ветрами прилетели с Большой земли, из Москвы и Алма-Аты, новые хорошие вести. В аул приехал уполномоченный коммунист, собрал людей на собрание, рассказал о жизни, о будущем колхоза. Оказалось, что был, как он выразился, перегиб в руководстве хозяйством, ошибки. Теперь промахи будут устранены.

И, действительно, жизнь помаленьку стала налаживаться. Казахам возвратили их коров, привезли откуда-то семена на посев.

Гульшат одна из первых вышла в поле. Сама себе стала зарабатывать на хлеб. За лето очень повзрослела девочка, на отчима перестала обращать внимание, с матерью об уходе больше не заговаривала.

— Вот и моя Гульшат стала человеком! — радовалась Сакып.

Но много лет прошло прежде, чем жизнь по-настоящему улучшилась. Гульшат летом работала в колхозе, зимой училась. Ее воли, сосредоточенности мог бы позавидовать и джигит. Отчим стал побаиваться самостоятельной падчерицы, задумал избавиться от нее — отдать в жены.

К этому времени Гульшат выпрямилась и выправилась в статную и видную девушку. Парни с воодушевлением поглядывали на нее, но не допускали вольностей со строгой и решительной не по годам девушкой.

Отчим надумал продать падчерицу за калым. Чаша терпения Гульшат переполнилась. Едва узнав о намерении отчима, она без колебаний покинула дом. Сакып, рано постаревшая, изможденная, нашла в себе силы последовать за дочерью.

Чтобы прокормить больную мать, Гульшат на время бросила школу, перед десятым классом, работала в колхозе круглый год. Зимой закончила в райцентре трехмесячные агротехнические курсы, стала руководить колхозной лабораторией, с воодушевлением исполняла обязанности помощника агронома. В это время у нее и зародилось желание всю свою жизнь посвятить земле, хлеборобству.

В счастливую предвоенную пору, когда проглянуло ясно уверенное будущее, Гульшат поехала в Алма-Ату, поступила на подготовительный курс в университет.

Умная, деятельная, энергичная, испытывавшая многое, она с первых дней учебы в университете выбрала себе цель и шла к ней упорно, настойчиво. Она думала о путях повышения урожайности полей, в каждом новом, мало изученном растении, высматривала возможности для практического использования в хозяйстве. Вот почему она, познакоившись на последней практике с интересными свойствами обитателя полупустынь шайыра, ухватила за него с тайной надеждой извлечь большую практическую пользу.

Своими соображениями она поделилась с подругами по комнате сразу же по приезде с практики. Вглядываясь в вязкие, будто вылепленные из воска голые стебли шайыра, Гульшат вдохновенно делилась с девушками своими догадками:

— Смотрите, девушки, похоже на воск. О шайыре в народе сложены легенды. Не станет народ молоть языком попусту.

— Может быть, шайыр каучуконосный, а?— загорелась Зада.

— Не знаю, не знаю,—ответила Гульшат.— Предполагать можно многое, надо исследовать. Вот тут и пригодятся знания Аллочки.

Аллочка, большая любительница музыки и танцев, всплеснула своими фарфоровыми ручками, округлила сияющие глаза:

— Если в шайыре есть воск, то это просто замечательно, девочки. Ведь без воска нельзя делать граммофонные пластинки.

Подруги рассмеялись.

— Кто о чем, а кума — о своей пряже,— сквозь смех строго сказала Гульшат. Ажар не обиделась. Она вообще не умела обижаться.

Гульшат для Зады и Ажар служила примером для подражания, они слушались ее, советовались с ней. И теперь без колебаний подруги вызвались помочь Гульшат в задуманном исследовании. Они даже готовы были поступиться своими интересами, лишь бы Гульшат одержала победу, оказалась права в своих предположениях. Ради этого Аллочка решилась возиться с анализами в лаборатории в часы отдыха.

* * *

Однако Гульшат долго сомневалась. Недоверчивое отношение доцента Бельгигулова к затее с шайыром охлаждало ее пыл. Девушка не знала, будет ли какой толк из всего этого. Ведь Бельгигулов все-таки знающий человек, ученый.

Гульшат поделилась своими сомнениями с подругами, посоветовалась, стоит ли ей писать работу на конкурс именно о шайыре. Зада, тряхнув высокой прической, ответила без раздумья:

— Обязательно писать.

Даже Аллочка загорелась:

— Будем работать.

Отныне девушки пропадали в лаборатории все свободное от занятий время. Вот и сегодня сразу же после занятий уединились в лаборатории.

На полках — стеклянные пробирки, колбочки с растворами кислот и щелочей, на столах — аппараты.

Гульшат, закончив приготовления, подошла к маленькому, укрепленному на высоком столе электропрессу.

Аллочка, держа в руках наготове две пробирки, ойкнула:

— Ой, только ты, пожалуйста, осторожнее, Гуля. Шайыра осталось совсем мало, едва ли хватит еще на два-три опыта.

Гульшат бережно положила стебельки шайыра под пресс и щелкнула выключателем. Из старых веточек шайыра выделились бесцветные, лишенные запаха густые капли. Ажар собрала их в пробирки.

— Неужели это растение до сих пор не известно науке? — спросила Зада.

Гульшат подтвердила:

— Да, шайыра не исследовал никто. Ни один ботаник не упоминал о нем в своих работах. В каталоге о нем даже не упоминается.

Ажар, собрав алые губы в дудочку, добавила в пробирку с шайыровым маслом какую-то жидкость и снова воскликнула:

— Смотрите, в нем есть красящие примеси! Видите?

Больше месяца подруги священнодействовали в лаборатории и выяснили, что в шайыровом масле содержится смола, воск, красящие примеси и другие вещества.

Однажды в лабораторию зашел доцент Бозжанов. Прочитал записи, проверил правильность проведенных опытов и качество анализов. Потом, прищутив улыбающиеся глаза, спросил:

— Вы исследовали состав шайырового масла, правильно проделали опыты. А дальше что?

— Теперь мы напишем об этом, — не раздумывая, ответила Ажар.

Гульшат и Зада промолчали.

— Напишите? Какой же смысл в этом? Ваши опыты будут подробно описаны в реферате и только. Нужен вывод. Подумайте о практической стороне дела. Если, например, окажется, что из этого масла можно изготавливать лак или сургуч, а из воска — мыло и парафин, то безусловно шайыр — ценное растение. Прежде всего, работа должна начинаться с описания шайыра и тех мест, где он растет. Исследование не может быть поверхностным. Вы, например, даже не знаете, как ведет себя шайыровое масло при различных температурах. А из этого можно сделать очень серьезный вывод. Продолжайте работу, ищите ответа на все возникающие вопросы, а главное — необходимо установить: может ли иметь шайыр практическое применение, — заключил Бозжанов.

«Где растет шайыр? На какой площади?»— Гульшат не могла ответить на эти вопросы. Во время работы в степи она не задумывалась над тем, распространено ли это растение. «И все из-за недостатка опыта»,— осуждала она теперь себя.

На помощь девушкам пришел Даиров. По просьбе комитета деканат направил Касымову в Южный Казахстан. Зада побывала во многих районах и составила карту, на которой были очерчены границы распространения шайыра. Выяснить, к какому семейству относится это растение, не удалось.

Возвращение Зады из поездки явилось настоящим праздником для истосковавшихся по ней подруг.

Всю ночь они не спали, не могли наговориться. Но утром встали свежие, бодрые. Как раз выпало воскресенье, и можно было отдыхать целый день.

Ерен Даиров воспользовался воскресеньем, чтобы навестить девушек и узнать о результатах поездки Зады Касымовой. Но одному являться к девушкам ему показалось неудобным, поэтому он тут же сколотил компанию в пять-шесть человек. Затянул и подвернувшегося под руку Маулена. Отказывать секретарю комитета комсомола Маулену не хотелось, и он согласился составить компанию.

К девушкам они постучались в самый подходящий момент: Зада и Гульшат кружились в вальсе, а Ажар танцевала с куклой.

Ситуация не располагала к деловым разговорам, на это Ерен и рассчитывал. Девушки встретили гостей чинно, пригласили проходить и присаживаться. Но Даиров взял другой тон:

— Эй, джигиты, вот где пир горой! Мы не ошиблись, надеясь повеселиться у девушек. Танцевать так танцевать,— и Даиров галантно пригласил в круг Аллочку. Для Ажар танец — дело священное: враз подобралась, вытянулась, вскинула руку на плечо партнеру и понеслась, полетела...

Остальные парни расшевелились не сразу. Непривычная обстановка, чистота девичьей комнаты сделала их робкими. Особенно чувствовал себя не в своей тарелке Маулен. Но Гульшат первой подошла к Маулену, шутливо поклонилась:

— Разве вам не хочется со мной потанцевать?

Маулен почувствовал, что улыбается глупо, ужасно бездарно, но ничего поделать с собой не мог. Потоптавшись, молча, решительно двинулся на Гульшат, словно танк на преграду, подхватил и повел в вальсе. Повел неожиданно

лёгко, смело, широко. Даже Аллочка заметила это и покосилась на Гульшат с хорошей завистью.

— До сих пор не могу забыть того, что вам пришлось в тот раз — помните? — везти ненужный груз! — смеясь, откинув голову назад, проговорила Гульшат.

— Какой груз?

— А билет, который вы купили для меня и увезли с собой.

— А-а, — Маулену стало весело и он без труда принял предложенную девушкой игру. — Груз этот приятен для меня. Я до сих пор ношу его в кармане около сердца.

— Правда? — Гульшат игриво посмотрела на партнера. — Как это мило, нет, благородно с вашей стороны. Даже не верится, что такое возможно в наше время.

Кто-то из парней краем уха услышал последние слова Гульшат, понял их по-своему, вставил серьезно:

— Можешь не сомневаться, Гульшат, Маулен человек, кристально чистый, правдивый. Железный парень.

Гульшат захохотала:

— Ну, если железный...

А вальс все набирал и набирал силу, размах и задор. Зада, потряхивая прической, словно рыцарским шлемом, танцевала с высоким и худым студентом, изогнувшимся из вежливости к партнерше вопросительным знаком.

Маулену Гульшат нравилась все больше и больше: строгая и в то же время простая. По всему видно — умница.

Вальс кончился. Ерен подскочил к столику с пластинками и патефоном.

Нужная пластинка подвернулась под руку сразу. Ерен поднял голову, но Аллочка уже танцевала с Задой. Вот они шаловливо пронеслись мимо, но не рассчитали, задели стол, на пол полетели пластинки.

— Ах!

— Ох!

Одна из пластинок раскололась. Аллочка упала на колени, подхватила пластинку, рассмотрела надпись и прижала к груди, будто ребенка.

— Моя любимая — и разбилась! — проговорила она с такой неподдельной горечью, что веселье сразу оборвалось.

Ерен попытался сострить, разрушить неприятную паузу:

— Дело не в записанной музыке, а в самой пластинке. Что теперь будет? Ведь Анна Григорьевна непременно обнаружит урон, нанесенный инвентарю!

Зада поддержала Даирова:

— Вот истинный секретарь комитета комсомола! Не будь он им, разве бы об этом подумал прежде всего. Взгляните на бедную Аллочку, ведь у нее на глазах натуральные слезы.

Ерен прикусил язык, склонился над Аллочкой, помог ей подняться. Но один из студентов поддержал Даирова:

— И о пластинках надо думать, если знать, во что они обходятся нам,— и, щеголяя знаниями в этой области, разъяснил достаточно пространно:— Сырье для них мы ввозим из далекой Индии. Только в Индии произрастает растение, из которого...

— Ай, бросьте,— взмолился Маулең.— Давайте без мудрствований.— Пластинку, кажется, жалко, но не делать же из этого трагедию.

Аллочка уже справилась с собой, поддержала задорно: — Правильно. Давайте я лучше вам спою.

Веселье продолжалось еще долго, до самого обеда. Но Гульшат не забыла истории с пластинкой. Случай этот заставил ее задуматься. Как истый исследователь, она во всем искала ответа на мучивший ее вопрос. Дважды уже мысли ее, благодаря Аллочке, наталкивались на одно и то же: пластинка изготавливается с помощью особого вещества. Гульшат решила докопаться до сути, исчерпать вопрос. «Неужели у нас в стране нет сырья для пластинок, если мы завозим его из Индии? И что это за растение?»

Не откладывая в долгий ящик, Гульшат в тот же день заглянула в библиотеку и углубилась в БСЭ. Начала со слова «граммофон». «Вначале граммофонная пластинка изготавливалась из цинка,— прочла она.— В настоящее время сырьем для пластинок является смесь шеллака с тяжелым шпатом, в смесь добавляются измельченные тряпки и сажа».

Гульшат отыскала статью о шеллаке и прочла: «Шеллак — смола. Добывается из растений, произрастающих в Индии, на Цейлоне, Сиаме, Аннаме и Антильских островах... Застывшая смола расплавляется и процеживается. Она прозрачна, без всякого запаха, быстро застывает. Слегка окрашена в светло-коричневый цвет. Плавится легко. Мягкая, тягучая. Состав: смола — 75 %, краски — 6,5 %, воск — 6 %...»

Вспомнив о данных исследований шайыра, она подумала: «Так, значит, вот к какому семейству относится шайыр!»— и продолжала читать дальше: «Из шеллака

приготавливают лак и сургуч. В СССР шеллак ввозится из-за границы. Это ценный продукт».

Дочитав статью, она бегом бросилась из библиотеки. Долго искала Аллочку и Заду. Наконец, разыскав подруг, торопливо, сбиваясь, рассказала им все, что прочла о шеллаке.

— Значит, наш шайыр...

— Да, да, шайыр — это шеллак!

— Что же теперь делать?

— Писать реферат и продолжать опыты. Мы должны доказать на основании тех данных, которыми располагаем, что шайыровое масло — типичный шеллак.

13

Инеш прочитала гору книг, рекомендованных Бельгигуловым. Работала добросовестно и в намеченный срок закончила писать реферат, сдала на конкурс. Она была благодарна Бельгигулову за помощь. Но теперь Инеш тревожилась: в чьи руки попадет ее работа? Если Бельгигулова...

С трепетом ожидала Инеш решения жюри. Реферат для нее явился не просто очередной учебной работой, а определенной вехой в жизни и учебе. Она должна непременно получить премию. Ведь и Бельгигулов уверен в этом. Инеш вложила в свой труд весь жар души, все знания, накопленные за четыре года.

В ожидании оценки своего реферата, она то воспаряла в небо, то впадала в проstration. Ничто другое не изнуряет душевные и физические силы человеческие с такой беспощадной расточительностью, как ожидание в неизвестности. Ждать и догонять не в характере Инеш.

Но чаще всего она видела себя победителем. Объявляют: «Реферат Инеш Даулеткереевой оказался самым лучшим. Поздравляем с победой!» Аплодисменты, рукопожатия. Имя Инеш на устах студентов всего университета. Маулен заглядывает ей в глаза, гордится перед друзьями — счастливый, влюбленный. Влюбленный, конечно, в нее.

Скоро станет известно о решении жюри. Инеш, ожидая результата конкурса, извелась вся, ходит разбитой, из рук все валится, ничто не идет на ум.

Провалившись в постели до обеда, решила пойти в университет. И — какая удача! — в вестибюле встретила Гульшат и бросилась к ней.

— Сдала реферат?— спросила Инеш.

— Нет пока,— ответила Гульшат и без всякой связи добавила: — А он хорошо танцует.

— Кто?— спросила Инеш, но тотчас же поняла, о ком речь, обомлела, точно ушат холодной воды опрокинули на нее. С трудом заставила себя заговорить:

— Где ты с ним танцевала?

Гульшат сказала о Маулене, как поведала бы о любом другом общем знакомом. Она даже не обратила внимания на изменившееся поведение подруги, и принялась бесхитростно и подробно рассказывать о «стихийном мероприятии», проведенном комсоргом, в особенности — о случае с пластинкой, помогшем ей и ее подругам в дальнейшем исследовании шайыра.

— Ты вцепилась в этот злосчастный шайыр, как репей в хвост верблюда,— с несвойственной грубостью недовольно перебила ее Инеш.— Как у тебя с рефератом?

— Я не одна пишу его.

— А с кем?

Вместо ответа Гульшат сама задала вопрос:

— А ты написала?

— Да.

— На тему, предложенную Бельгигуловым?

— Конечно.

Гульшат вздохнула сокрушенно:

— Теоретические выкладки, бумажные эксперименты. Тема твоя мне не нравится, извини за прямоту.

— Теорию тоже надо двигать вперед.

— Да, конечно. Но когда страна переживает трудности, народ только что перенес страшную войну, разруху и опустошение... Не время именно сейчас заниматься теоретическими дискуссиями. Надо брать пример с Мичурина. Иван Владимирович за свою жизнь создал около трехсот новых сортов. А вокруг той же наследственности скрещиваются пики вот уже несколько десятков лет, а какой толк от всего этого?..

Инеш посмотрела на подругу с сожалением, возразила с ласковой снисходительностью:

— Гулечка, это односторонняя мысль. Наука не терпит суеты и торопливости. Наука, как известно, требует жертв. Пример с Мичуриным хорош. Но и Иван Владимирович, воспроизводя новые сорта, разве не знал поражений, даже провалов? Все было у него.

Гульшат задумалась и совершенно неожиданно заключила:

— Кажется, мы переливаем из пустого в порожнее. Чтобы не начать все сначала, давай на этом и закончим разговор.

— Можно и закончить,— но с восхитительной непоследовательностью тут же продолжила о том же самом: — Твой, вернее, ваш реферат, надеюсь, будет интересным. В шайyre что-то есть, и растение это совершенно неизвестно. Ой, Гулечка, чуёт мое сердце,— твое имя скоро загремит по всему Союзу!..

— Дело не в славе. О пользе родине...

— Ай, Гулечка,— перебила подругу Инеш.— Не надо об этом вслух. Брось! И заметь: больше всех кричат о любви к родине как раз те, кто ни на фронте не бывал, ни в тылу горя не хлебал. Я вот войну прожила без лишений, так и помалкиваю. Вот Маулен воевал, был ранен, а ведет себя скромно. Не знаю почему, но я не люблю тех, кто на всех перекрестках кричит о патриотизме и долге. Не патриоты, видимо, они, вот и стараются слыть ими. Фи, противно даже!.. Я, прости за откровенность, тоже люблю свою землю, свой народ. Но кричать об этом на собраниях... Тыкать своей любовью в глаза встречным и поперечным...

Гульшат пристально взглянула на Инеш, лицо ее просветлело.

— А ты... умница, Инеш. Не пойму тебя порой. В комсомол не вступила, а сама... Правда, гласной любовью родине не поможешь. А вот если наш шайыр поможет государству сэкономить миллионы рублей, что тогда посоветуешь говорить, как это оценить?.. В таком случае не грех будет и громко сказать и о святом, сокровенном...

— Не грех,— согласилась Инеш. Ёй не хотелось спорить с подругой. Сказанное раньше вырвалось как бы само собой, Инеш не очень была расположена откровенничать об этом с кем бы то ни было. Она высказала наболевшее, продолжать разговор о том же просто-напросто расхотелось, да и нет смысла...

— Ты говоришь во множественном числе, а кто это «вы», «мы», не расшифровываешь. Или секрет?

Гульшат обиделась:

— Какой же секрет! Работали над шайыром втроем: Зада, Ажар и я.

— А при чем здесь Аллочка?

— Она же химик...

— А-а...— но тотчас же всплеснула руками, приблизилась к Гульшат и с обескураживающей искренностью, кровной заинтересованностью проговорила:— Ах, Гулечка, до чего же ты простодушна, разве так можно!

Гульшат не поняла горячности подруги, недоуменно скривилась.

— Да ты что, действительно не понимаешь?! Но ведь ты и сама могла бы все сделать. Зачем тебе тянуть в компанию посторонних. Попрекаешь меня, что я не ценю своего таланта. А сама ценишь свой?

— Эгоизм, вывернутый наизнанку...

— И вовсе нет,— возразила Инеш.— Просто противно, когда серая посредственность липнет к таланту, чтобы в его лучах погреться...

— Перестань, Инеш!— чуть не вскрикнула Гульшат.— Ты не имеешь права так говорить о моих подругах.

Инеш уронила ресницы, нахмурилась. «Кажется, я действительно того,— подумала она.— Неужели ревную ее к Заде и Аллочке? Почему она со мной так холодна? Не из-за Маулена ли? Боже мой! Но Гуля хорошая, я не хочу с ней ссориться, она так много сделала для меня на практике. Что же это я?! Неблагодарная, глупая, слепая! Мещанка! Ревновать?! Да никогда!»

— Прости меня, Гуля,— сказала тихо Инеш.— Я просто так... Я имела в виду совсем другое. Я вот не могу работать с кем-либо вместе. Даже мама мне мешает. Стоит ей посидеть рядом со мной во время моей работы и я теряю самообладание; нить мысли рвется. По-моему, исследования требуют уединения.

Гульшат не стала спорить, сказала примирительно, ласково:

— Отчасти ты права. Но в коллективной работе дело движется вперед увереннее и быстрее — меньше ошибок. Не следует бояться соавторства. Главное — результаты, польза... Ну, вот, меня опять понесло в сторону... Краснобайство, да?

— Нет, нет,— поспешно заговорила Инеш.— Гуля, ты рассуждаешь правильно, логично. Это я мелю бог знает что. Что-то голова побаливает. Помнишь, я говорила о исследовании мигрени? Так вот: кажется, проявляется.

Инеш не очень весело рассмеялась. Гульшат не без усилия поддержала ее. Подруги распрощались не столь радужно, сколь оживленно.

Макан Бельгигулов прочел конкурсную работу Инеш и написал рецензию, по объему равную реферату. «Глубоко содержательная, талантливая работа студентки И. Даулеткереевой...» Эту рецензию он сам прочел вслух членам жюри. Бозжанов, который всегда был несколько снисходителен и безгранично доброжелателен к молодежи, вступающей на путь исканий в науке, поддержал заключение Бельгигулова:

— Важно уже то, что студентка самостоятельно рассказала о состоянии в биологической науке данного раздела. Большая творческая работа начинается именно с такого прощупывания горизонтов. Заслуживает поддержки и хорошей оценки само направление поиска в столь сложной проблеме.

Но Бельгигулов был более определен и категоричен, он прямо так и заключил:

— Это настоящий научный труд! С некоторыми неизбежными поправками его можно опубликовать.

Макан Бельгигулов был весел и словоохотлив на заседании жюри лишь до тех пор, пока не приступили к обсуждению реферата «Шайыр — ценное сырье». Тон его выступления резко переменялся, едва он заговорил о работе студенток Амановой, Касымовой и Артыгалиевой. Сразу же после оглашения рецензии и заключения об этом реферате аспиранта университета Бельгигулов взял слово и заговорил с плохо скрытым недовольством:

— Я не против таких открытий по той простой причине, что являюсь творческим работником. Но выводы исследователей слабо обоснованы. Много неясно. Например, как вырабатывается шайыровое масло? В каких клетках растения оно собирается? В какие месяцы года в растении накапливается наибольшее количество масла? Когда снимать урожай? Словом, подобные вопросы можно продолжать до бесконечности. Все они не решены. По-моему, будет правильным вернуть работу авторам для завершения. Пусть исследуют поглубже, основательнее. Поторопились студентки. Следует им преподать урок: в науке поспешность вредна. От поспешности один шаг до недобросовестности.

Бозжанов однако не соглашался с Бельгигуловым:

— Открытие есть. А все остальное — дело дальнейшего исследования. Возможно, шайыр и не оправдает надежд.

— Вот это правильно, — ввернул Макан Бельгигулов. — Бесспорно. Аманова, Артыгалиева и Касимова доказывают,

что шайыр — ценное сырье. По-моему, это надо поощрять. Но работа требует дополнения. Пусть за это возьмется академия или университет. В конце концов ведь нет определенных данных даже о том, где растет шайыр. Как решить этот вопрос?

Бозжанов быстро ответил:

— Все будет исследовано в дальнейшем.

— Слабо, сыро сделана... Надо дополнить.

Через два-три дня после этого спора Даиров, встретив на улице Гульшат, рассказал, что сам Добров заинтересовался работой о шайыре, посоветовавшись с Бозжановым, решил послать ее на завод звукозаписи.

Итоги конкурса были объявлены на следующий день. Первой увидела сообщение о премиях Касымова. Она не стала его читать, а быстро пробежала глазами, отыскивая первую букву фамилии Гульшат, но не нашла фамилии Амановой.

Она стала читать подряд все фамилии в списке. Вдруг, не веря себе, она потеряла глаза. Прочла снова: Инеш Даулеткереева, «К вопросу об изменении наследственности».

14

В университетский комитет комсомола Инеш пришла по вызову. По дороге она недоумевала: «Что же случилось?»

...В комитет она вошла с тяжелым чувством. В небольшой чистой комнате с простой мебелью собрались все члены комитета. Заседание, видимо, проходило давно и бурно.

Инеш решительно открыла дверь и вдруг замешкалась у порога: в голубоватом папиросном дыму она увидела Маулена. Он сидел на диване и смотрел прямо на нее. Казалось, что здесь, среди гвалта и споров, он с нетерпением ждал одну лишь Инеш. Когда их глаза встретились, Инеш улыбнулась ему, затем повернулась к сидевшим, нахмурилась. Вынув из серой каракулевой муфты маленький платок, она промокнула свои яркие губы.

Даиров кивнул ей и сказал, присев на подлокотник кресла:

— Проходи, Даулеткереева.— Он показал ей на диван, где сидел Маулен.

Инеш поежилась, давая понять, что ей не нравится струя морозного ветра, врывающаяся в открытую форточку, села на диван и подняла воротник пальто. Маулен с любопытством посмотрел на нее. Его охватило какое-то знакомое

чувство. Родная, своя и в то же время странно чужая эта маленькая красивая девушка, утонувшая в своем широком модном пальто.

Она даже не поздоровалась с Мауленом. Лишь взглянула на него с холодным безразличием. Взгляд этот подействовал на Маулена так, словно Инеш откровенно зевнула ему в лицо. Не понял парень, что девушка пустила в ход одну из извечных женских уловок. Даже здесь, на комитете комсомола, Инеш осталась верна самой себе. Разговор с Гульшат не пропал даром. Да, кстати, вот и она, Гульшат, сидит рядом с Даириным за столом, что-то сосредоточенно записывает толстым красным карандашом. Видимо, ведет протокол заседания. Длинные пряди волос то и дело падают ей на глаза, она откидывает их резким движением головы и снова склоняется над бумагой. Инеш подумала, что движение это очень красиво Гульшат. И она, наверное, знает об этом, иначе не стала бы мотать головой почти после каждой написанной строки.

Рядом с Гульшат сидит очкастый Сарыбеков. Бледное, тонкое лицо его повернуто к окну, он, казалось, замер, прислушиваясь к чему-то за окном.

А вот Жолтай не может сидеть на одном месте, вертится туда-сюда, скрипит старым расшатанным стулом, все время пытается что-то сказать, но только разевает рот, как рыба на суше...

Тут же, но явно отрешенно, забившись куда-то в угол, сидит Сымбат Аскарков. Широкоплечий, могучий, он чувствует себя не очень уверенно здесь, в помещении, старается занимать как можно меньше места. Инеш плохо знала этого студента, недоступного, замкнутого, ходившего в широкополой черной шляпе и драповом пальто с черным бархатным воротником. У Сымбата смуглое и одухотворенное лицо. В начале года подруги Инеш заочно познакомили ее с Аскарковым, сказав, что он — истинный поэт. Для Инеш, влюбленной в литературу и особенно увлекающейся лирикой, лицо Сымбата показалось олицетворением поэтической грезы. Она, хотя и не знала, что и как он сочиняет, но заранее преклонялась перед титулом поэта. Как-то в один из холодных, промозглых осенних дней Инеш увидела Сымбата в парке. Он сидел на скамейке один, погруженный в раздумье, не замечая ни холода, ни дождя, ни прохожих, скрепив руки и глядя куда-то за деревья, за горы...

Вот таким, «мрачным и влюбленным в мир» и запомнился Сымбат девушке.

Инеш, сама не замечая, не сводила глаз с Сымбата, и не сразу поняла, что это к ней обращается Даиров:

— Товарищ Даулеткереева, почему вы опоздали?

— Что?— переспросила его она.

Даиров не стал повторяться, усмехнулся и промолчал, ожидая ответа. Он не ошибся,— до Инеш все-таки дошел смысл вопроса, она, передернув плечиками, ответила:

— Мать больна. Я не всегда могу прийти вовремя. Кроме того, я не комсомолка, меня можно пригласить сюда, но никак не вызывать. Тем более — приказным тоном разговаривать.

Грубая прямота Даирова ее покорибила и даже оскорбила. Но Ерен счел пустым делом вступать в пререкания, взял быка за рога:

— Товарищ Жандосов, повтори опоздавшей суть своего предложения. Только покороче.

Инеш не сразу поняла, что «товарищ Жандосов» это и есть Маулен, и сначала с удивлением взглянула на поднимающегося и уставившегося на нее Маулена. Парень явно ступешался. Выбило его из колеи необычное поведение всегда приветливой и обаятельной Инеш. Может, у нее беда?..

— Ну, прошу. Да покороче,— подтолкнул молчавшего Маулена Ерен.

Маулен потянулся к затылку, почесал за ухом. Узкоглазый Манап, прятавшийся за чужими спинами, ехидно над чем-то хихикал.

Маулен начал мямлить, растягивать слова, переплетая их междометиями:

— Э-э, ым-м... У нас здесь, на заседании... Э-э-э... Не собрание, не заседание — просто беседа,— он вдруг схватил графин, налил полный стакан воды и с бульканьем выпил до дна.— Словом, студенты первого курса внесли предложение...

И ничего не сказав о самом предложении, принялся долго и нудно говорить о товариществе и дружбе, взаимопомощи и гражданском долге.

Инеш забеспокоилась, ей стало жалко Маулена, словно она и поставила его в дурацкое положение. Впрочем, так оно и было. Но вместо того, чтобы прийти на выручку растерявшемуся парню, она демонстративно отвернулась от него, осуждая многословие. На Маулена точно накатило. Гульшат перестала писать и подняла голову. На ее глазах произошла невероятная метаморфоза: Маулен, всегда отличавшийся ясностью и конкретностью в речах, вдруг на-

чал городить такое, что уши вянут... Женским чутьем Гульшат сразу догадалась о причине столь разительной перемены, лишь только взглянула на Инеш.

Конец попытке положил Даиров. Он бросил карандаш на стол, как ни в чем не бывало перебил Маулена:

— Короче говоря, мы собрались, чтобы обсудить предложение Жандосова об организации субботника. Тебя, товарищ Даулеткереева, пригласили как представителя несоюзной молодежи. И еще потому, что тебе все-таки не вредно будет потихоньку втягиваться в общественные дела. Хотя бы на последнем курсе. Словом, приглашаем персонально тебя принять участие в субботнике. Вот и пригласили сюда, чтобы, так сказать, от имени комитета...

— Эх! — вздохнул тяжело Манап, и Даиров оборвал свою речь. Маулен тяжело опустился на свое место. Жолтай хлопнул в ладоши и подытожил:

— Все ясно! Чего рассусоливать!

Гульшат подчеркнуто разъяснила:

— Суббота — завтра. Завтра и выходим на субботник.

Инеш была разочарована. Она в душе смутно полагала, что ее вызывают на комитет комсомола по поводу получения премии на конкурсе, будут предлагать вступить в комсомол, а получилось...

Вообще-то Инеш могла и отказаться от субботника, ибо по поручению жюри и Бельгигулова срочно занималась переработкой некоторых глав своего премированного реферата «К вопросу об изменении наследственности». О недостатках реферата Мекан Бельгигулович не распространялся на заседании жюри, но в личной беседе с Инеш сказал: «Напишите заново, напечатаем в «Ученых записках университета» и предложил составленный заранее план переработки. Инеш сразу же села за работу, обложившись книгами. Телефонный звонок из комитета комсомола оторвал ее именно от этого важного дела.

Но Инеш неожиданно без препирательства согласилась выйти на субботник. Заседание комитета близилось к концу. Но когда все присутствующие настроились на «конец» и собрались было расходиться, молчавший все время Сымбат встал и заявил громогласно:

— А я не смогу. Прошу меня освободить от участия в субботнике.

Даиров съязвил:

— У тебя срочная работа, да? Какая же, если не тайна, покрытая мраком?

— Да, есть дело.

— Какое еще дело! — возмутился Маулен. — Выходить на субботник надо всем. Никаких личных дел не может быть, коль решили всем коллективом...

— А вот и может быть! — неожиданно вмешалась Инеш. — Сымбат, быть может, пишет что-то, у него самый ответственный момент наступил в творчестве, а вы... Из-за этой общественной работы вечно что-нибудь срывается у человека.

Инеш поддержал Муздарапов.

— Правильно, Инезилия! — с торжествующей ухмылкой выкрикнул Жолтай. Он давно искал повода высказаться, но не надеялся на поддержку. А Инеш громко сказала как раз то, что было на душе у Муздарапова. Он даже назвал ее Инезилией в знак признательности и солидарности. Инезилией называла себя только сама Инеш. Она часто просила называть так ее и всех знакомых, но ее напоминания почему-то оставляли без последствий. Имя Инезилия ей нравилось больше, в нем заключена была какая-то музыкальность, поэтичность. Наконец, имя это было просто более приятно на слух, звучало мягче и нежнее.

Одарив Жолтая признательным взглядом, Инеш повторила решительнее:

— Надо освободить Сымбата Аскаророва. Пусть творит. Физически работать может каждый, а сочинять стихи — избранные. Талант следует поддерживать, оберегать.

Маулену показалось, что в голосе Инеш есть какая-то нарочитость, будто говорит она не по убеждению, а в пику кому-то, специально, чтобы досадить, покапризничать. Едва он это почувствовал, как сразу обрел прежнюю уверенность и ясность. Посмотрев прямо в глаза Инеш, он раздельно, с нажимом сказал:

— Для писания стихов предназначена не одна суббота и не только она. В субботу мы можем поработать вместе, а затем уж всяк себе хозяин — в свободное время, конечно. Не к лицу истинному поэту отрываться от масс. Именно в жизни коллектива он, поэт, черпает темы для своих творений.

Жолтай возликовал:

— Вот это я понимаю! Срезал! — и вдруг, взглянув на Инеш, запнулся и без смущения заключил: — Искусство не терпит принуждения. Нельзя мешать поэту творить тогда, когда ему это хочется. Сымбат сейчас в ударе, и надо его освободить от физического давления.

— Это бесспорно,— кивнула Инеш.

— Бросьте трепаться! — заорал Манап Балгабаев. — Творческое горение не может продолжаться от субботы до субботы. Когда я писал стихи, то, бывало, за одну ночь создавал целую поэму. А потом неделями ходил руки в брюки.

Комната содрогнулась от хохота. В разговор вмешалась и Гульшат, молчавшая до этого:

— Сымбату, думаю, самому хочется поиграть мускулами, он такой сильный, да?

Аскарлов невнятно промычал. Спор, взаимные подсиживания долго бы продолжались еще, если бы не Даиров.

— Друзья! — заключил он тоном, каким обычно завершают всякое словопрение. — Поскольку Сымбат поэт, доверим ему выпуск боевого листка на субботнике. Пусть развернется, критикует нерадивых, славит работающих, только в стихах. Вот это работа!

— Правильно!

— Здорово!

— Вот это ход!

И только один Манап не согласился:

— Какая же это работа — стихи. Я тоже могу...

Гульшат заодно поддержала Балгабаева:

— Пусть он будет заместителем редактора будущей листовки.

— Все! Решено! — отрезал Даиров и добавил строго: — На этом и закончим.

— Нет! — с неожиданной решимостью крикнул Сымбат, вскочив и распрямившись во всю свою богатырскую статью. — Я пойду на субботник, буду строить. А листок пусть выпускает Манап. В помощники ему прошу дать Жолтая. Все. Я сказал — так и будет.

Опять от дружного хохота зазвенели стекла.

— Срезал! — упавшим голосом простонал Манап. Жолтай же не дрогнул:

— Выпустим и листок — нам не привыкать к словесным упражнениям. Я согласен.

Инеш первой выскочила из комнаты комитета комсомола. Она боялась «распуститься», если Маулен вдруг вздумает заговорить с ней, и поэтому спешила поскорее уйти. Девушка не ошиблась: Маулен намеревался с ней

поговорить. Но когда он вышел на улицу, Инеш уже сворачивала за угол. Парень, не раздумывая о последствиях, рванулся вперед и догнал ее:

Нарочно задыхаясь, шутливо заговорил:

— Куда ты так спешишь? Еле догнал. Вот это кросс! Инеш не приняла шутки, строго ответила:

— У меня нет времени, я очень занята. И без того оторвали от работы.

— У кого нынче избыток времени!..

Инеш произвольно сорвалась, хотя именно этого она и боялась:

— У тебя. Рассказывали мне, как ты веселился в воскресенье. Я и не знала, что ты отменный партнер. Не там ли пришла в твою голову идея с субботником? Из-за этого и меня вот оторвали от стола. Я как раз готовила статью для печати.

Маулен понял теперь, почему Инеш была не в духе, довольно улыбнулся, подумал про себя: «Узнала о танцах в комнате Гульшат. Вон оно что! Ревнует. Это хорошо...»

Вслух он ничего не сказал, а принялся оправдываться, подробно рассказывая о своих занятиях в библиотеке и общезнании.

Инеш замедлила шаг.

— Зачем же ты затеял субботник? Сколько еще непрочитанных книг! Вот и наверстывал бы упущенное. Тебе много надо заниматься, чтобы расширить кругозор.

Маулен помрачнел, насупился. Инеш заметила это и сразу переменила тон разговора, дотронулась до рукава пальто парня, спросила участливо:

— Обиделся?

— Да, я обиделся.

Маулен совсем недавно стал членом студенческого научного общества и весь погрузился в книги, заинтересованный докладами, которые прослушал там. Даже несколько раз выступал на семинарах. Правда, это не выходило за рамки учебной программы. Маулен не хотел стать верхоглядом. Чувствуя недостаток общих знаний в литературе и искусстве, он с жаром принялся за чтение. Круг произведений, с которыми знакомился Маулен, был широк: он увлекся античной литературой, читал древнегреческих и римских классиков, многочисленные монографии, исследования, философские сочинения...

Уже несколько месяцев Маулен спит не больше четырех-пяти часов в сутки. Знает ли Инеш об этом?

Знала бы, так не сердилась бы за мимолетный отдых. Маулен деланно засмеялся, сказал как можно беспечнее:

— Совсем недавно была ты послушной девочкой, жаловалась на меня с Сабыром своей маме. А теперь сама нотации читаешь...

Инеш вдруг заливисто, искренне захохотала, дернула Маулена за руку, прижалась щекой к рукаву:

— Боже мой, какие мы дети! Слушай, Маулен, у меня есть предложение: давай махнем в кино, а? Сегодня демонстрируется «Чио-Чио-Сан».

Тотчас же повернули они на Советскую улицу и зашагали к кинотеатру «Ала-Тау». Но почти у самого входа Инеш вдруг споткнулась, остановилась и, рассеянно посмотрев на Маулена, проговорила будто про себя:

— Что же это я?! Совсем забыла. Ведь меня ждет Макан Бельгигулович. Назначил встречу, чтобы познакомиться с каким-то интересным свежим материалом. Ведь я статью готовлю под его руководством. Нельзя мне, выходит, в кино.

— Да, нельзя. Иди к Бельгигулову, раз договорились, — согласился Маулен, глядя куда-то в серое снежное небо. — Дело важное. Да и я, пожалуй, лучше позанимаюсь, чтобы расширить кругозор, и вообще. И тебе надо напечататься в «Ученых записках».

— Спасибо, Маулен, — стараясь не замечать перемены в настроении парня, ласково прошептала Инеш и вдруг преобразилась, вспыхнула, расцвела. Подпрыгнув, девушка обняла парня за шею и звучно поцеловала в лоб.

Не ожидавший этого, Маулен вздрогнул, в нем словно разом гулко зазвенели туго натянутые струны. Он потянулся к Инеш, но она выскользнула из его рук и побежала прочь. Маулен бросился было за ней, но остановился. Приложил ладони к горящему лбу. Он плохо понимал, что произошло. Смотрел на развевающееся пальто бегущей Инеш и ему казалось, что она спешит к нему. Но Инеш свернула за угол большого дома и исчезла.

Внезапно Маулен вспомнил, что Бельгигулов не женат. На сердце стало беспокойно и тоскливо, словно Инеш исчезла навсегда и больше не вернется.

На склоны гор легли темные тени. Бесшумно скользили они к городу, постепенно укутывая в сумрак белые улицы. Маулен долго стоял возле высокого столба, пока на нем не вспыхнул яркий свет электрической лампы.

До войны Карим Бозжанов жил в Ленинграде. Там и родился его сын Марат. Енлик, посвятившая свою жизнь воспитанию детей, работала воспитательницей в детском саду. Карим учился в аспирантуре Академии наук СССР. Еще в университете его первые работы привлекли внимание профессора. А через несколько лет Бозжанов принес в научную лабораторию Всесоюзного института растениеводства новый сорт проса, возделываемого в степях Казахстана.

Перед молодым ученым лежала тогда извилистая, бесконечная дорога исканий, начавшаяся с малого. Но ведь тропа рождает дорогу.

Долгая учеба и исследования начали давать результаты. Новый сорт проса, созданный Каримом, был посеян на большом участке, принадлежащем Всесоюзному институту растениеводства. Уже отсюда он должен был отправиться на Кавказ, Украину, Урал, центральную Россию, в казахстанские степи...

Практическая сторона поставленной задачи была решена, и Карим приступил к работе над диссертацией. И вот, когда труд близился к завершению, грянула война.

Бозжанов поставил в конце диссертации многоточие и, спрятав ее до лучших дней в шкаф, записался в отряд ополченцев — защитников Ленинграда. Он был назначен комиссаром батальона.

Однажды во время затишья на фронте Карим взял разрешение на два часа «проведать семью». Но из Петергофа маленькая машина «газик» направился прямо в город Пушкино, а не в Ленинград.

И вот наконец мелькнула знакомая железная ограда... Карим схватился за сердце: там, где недавно колыхались упругие стебли с крошечными зелеными листьями, чернели кучи земли, камни, вывороченные обломки ограды. Казалось, здесь пронесся смерч.

Смотреть на опустошенную землю, где он своими руками посеял драгоценные зерна, оставил плоды многолетних раздумий и исканий, не было сил.

— Назад! — крикнул он шоферу, и машина помчалась обратно в Петергоф. Лицо Бозжанова горело, кулаки сжались так, что побелели пальцы. Он вернулся на передовую и в тот же день принял участие в бою.

В разгар боя Карим внезапно был вызван в штаб. Этот

вызов не удивил его. «Наверно, дадут какое-нибудь боевое задание», — подумал он.

Начштаба принял его с мирной неторопливостью. Не обращая внимания на сыпавшуюся от разрывов снарядов с потолка блиндажа землю, пододвинул Бозжанову стул и сразу приступил к делу:

— Штаб армии приказал немедленно отправить вас в Казахстан.

Карим удивился. Он не мог понять, радует его это сообщение или огорчает, но ехать домой отказался:

— Надо воевать. Я не могу. Я не согласен, товарищ начальник.

— Приказ есть приказ, — вздохнул начштаба, вручая комиссару заготовленные документы.

— Нет, сейчас я не могу ехать. И семья, и товарищи, и ветвистое просо, и враг — все здесь... С чем я поеду в Казахстан? Нет, этого не будет, товарищ полковник!

Начштаба помолчал немного, и с той же холодной мягкостью спросил, где Бозжанов работал до войны. Карим ответил, что учился в аспирантуре. Начштаба это, видимо, не удовлетворило. В его глазах вспыхнула улыбка.

— А когда же будете защищать диссертацию о ветвистом просе?

— Как вам сказать... Разумеется, после войны.

— Нет, товарищ комиссар, нельзя защищать после войны. Армии нужно не только оружие, нужны еще хлеб и каша. Вы это должны знать. Словом, отправляйтесь.

В тот же день, распрощавшись с боевыми друзьями, Бозжанов отправился во Всесоюзный институт растениеводства. Здесь его ожидал новый сюрприз: посаженное им ветвистое просо не было уничтожено. Пока враг рвался к Пушкину, работники института успели собрать драгоценный урожай.

Карим погрузил многочисленные свертки и пакеты в самолет, специально выделенный президентом Сельскохозяйственной академии имени Ленина, и через три дня уже был в Казахстане.

Работал он теперь, почти не оставляя времени на отдых, и в короткий срок защитил диссертацию. Новый сорт, созданный им, получил законный паспорт. Просо стало сеяться на миллионах гектаров центральной России, Кавказа и в освобожденных областях Украины.

Когда эта работа была закончена, Бозжанов получил новое задание президента Академии.

«Яровая твердая пшеница отличается от других сортов засухоустойчивостью, урожайностью, качеством и всхожестью. Почему ее не превратить в озимую твердую пшеницу? Надо превратить, товарищ Бозжанов», — писал ему президент.

Выполняя это задание президента, Карим обнаружил необычайно интересное явление. В одном колосе оказались зерна двух различных сортов пшеницы. Бозжанов установил, что этот случай повторяется на колхозных полях. Таким образом ученый оказался перед большим открытием, в преддверье чего-то нового. Карим торопился проникнуть в неизвестную тайну природы, чтобы открыть двери людям еще к одному богатству.

17

Полуторка, нагруженная ящиками, наполненными землей, остановилась у подъезда университета. Студенты, собравшиеся вокруг Бозжанова на ступенях каменной лестницы главного входа, быстро сбежали вниз, с шумом расцелись в машине.

— Карим Бозжанович, вы садитесь в кабину... — уговаривали Бозжанова студенты. — Ехать далеко. Вам будет удобнее...

— Нет, я сяду вместе со всеми, мне так удобнее и приятнее. — Ухватившись за борт машины, он легко прыгнул в кузов. Ему уступили место и он устроился возле кабины.

Из дверей университета вышел Манап Балгабаев и не торопясь направился к машине. Лицо его было серьезно и невозмутимо, он был одет в новый костюм, который собирался надеть только на выпускной вечер.

Касымова высоким и звонким голосом насмешливо сказала:

— Товарищи, он сегодняшняя наша надежда! Мы должны пасть перед ним ниц. В кабину его. В кабину!

Все поддерживали шутку Зады.

— Да, да... пусть сядет в кабину. Кто, кроме Манапа, сядет...

— Садись, Манап. Карим Бозжанович уступил тебе место...

Бозжанов, улыбаясь, кивнул.

— Да, это место специально для тебя, дружище. — Манап промолчал — в его узких глазах затаилась хитрая улыбка.

— Ладно, я не гордый! Поехали, но берегитесь!— и, усевшись в кабину, без разрешения шофера дал протяжный сигнал.

— Стойте! Где же Гульшат? Аманову подождать надо! Манап выглянул из кабины, небрежно бросил:

— Безобразия! Шатаются, а их тут ожидай.

Но Гульшат уже сбегала по ступенькам подъезда.

— Где ты бродишь, дорогая?— с издевкой встретил ее Манап.— Ждем-пождем мы свет-девицу... Что за недисциплинированность. Придется принять необходимые меры, поприжать по линии... стипендиальной.

Студенты захохотали, поняв розыгрыш Балгабаева. Гульшат самым натуральным образом потупилась перед Манапом, теребя концы платка, проговорила виновато.

— Простите, я не я... Дело в том, что товарищ Даулеткереева должна вот-вот подойти. Я ей звонила, напоминала...

Манап сбросил маску, сказал с досадой:

— Вечно эта Инезилия ломается, как эскимо на палочке. Предлагаю не ждать. Она теоретик, ей практика ни к чему. Давай, Гульшат, лезь в кабину и двинемся. Чего стоять?!

Но Божжанов подал знак Манапу попридержаться язык и спросил у Гульшат:

— Скоро ли она подойдет?

— Да она уже вышла.

Гульшат ловко прыгнула в кузов, и Манап, приготовившийся было уступить ей место, с видимым удовольствием присвистнул:

— Ладно, пусть нам будет хуже.

Посыпались шутки, началась возня в кузове. Но время бежало, а Инеш не появлялась. Гульшат забеспокоилась, сбегала в университет, позвонила на квартиру. К телефону подошла Мадина, ответила, что Инеш давно уже ушла из дома.

Ждали еще полчаса. Студенты приумолкли, поглядывали на Божжанова. Манап, выглянув из кабины, философски заметил:

— Ждать и догонять — нет ничего на свете хуже этого.

— Да,— согласился устало Карим Божжанович.— Что ж, пожалуй, достаточно, товарищи. Поедем?

— Поехали!— хором заорали студенты.

— Тогда прошу, товарищ Балгабаев, начинать движение.

— Есть начинать движение!

Полуторка рванулась с места, будто подстегнутая, выкатилась на широкую улицу.

— Карим Бозжанович!— вдруг воскликнула Гульшат.— Ведь вы в вестибюль входили с портфелем!

— Ой-бай, и верно. Оставил на диване.

Студенты бешенно заколотили кулаками по кабине. Машина остановилась. Манап выскочил из кабины оглушенный и испуганно уставился на скупившихся впереди от резкого торможения ребят.

— Вы что, очумели?

— Поворачивай, Карим Бозжанович забыл портфель.

— Нет, нет,— запротестовал вдруг Бозжанов.— Мы и без того потеряли много времени. Обойдемся и без портфеля. Никуда не денется, возьмут и сберегут. Поехали. Трогай, Балгабаев.

Манап без особой радости влез в кабину.

Полуторка наконец выбралась за город. Стало холоднее, задул пронизывающий резкий ветер. Студенты сбились в плотный клубок на полу кузова, втянули головы в плечи.

Солнца не было видно. Плотный серый полог затянул вершины гор. Сизый туман, словно кизячный дым. Предгорье горбилось голыми холмами, похожими на верблюжьи спины; казалось, что бесконечный караван плывет по безбрежному морю.

Мокрая, глянцеvато-черная дорога, отороченная частыми деревьями, то взлетала на увал, то уходила, будто в воду, вниз, ныряла в молочные разливы тумана.

Гульшат, ежась от резкого с холодным дождем ветра, думала: «Почему она пообещала? Почему не пришла?»

Кто-то из студентов с раздражением проговорил:

— Эх, поздно выехали. Все из-за этой Даулеткереевой. Зачем только мы ее ждали?

— Что-то задержало ее. У нее, может быть, какое-нибудь несчастье случилось?— оправдывая девушку, заметил Бозжанов.

— Она, наверно, внезапно овладела всей биологической наукой,— съязвила сидевшая напротив Касымова.— Незачем ездить на практику.

— Даулеткереева — девушка старательная, хорошо учится,— заступилась Гульшат.

— Если она такая любознательная, то почему сегодня не пришла на специальную лекцию?— спросила Зада.

— Может быть, лекция сегодня была неинтересной?— заметил Бозжанов, так как разговор коснулся его. Но тут студенты заговорили все сразу:

— Что вы! Сегодняшняя лекция, Карим Бозжанович, для нас большая новость!

— Не только для нас одних.

То, что так хвалили студенты, было докторской диссертацией, которую собирался защищать Бозжанов и которую, по предложению Викентия Викентьевича, ввели со вчерашнего дня в расписание занятий для пятого курса.

Некоторые ученые-биологи университета были принципиально не согласны с основными положениями этой диссертации. Но Добров, разглядев в работе Бозжанова много нового для науки, не изменил своего решения. Бозжанов чувствовал, что у него будет еще много противников, и решил, что именно сейчас нужно знакомить студентов со своими открытиями. Первую свою лекцию он начал с анализа практической работы. Студенты, почувствовавшие новое, прослушали лекцию с большим вниманием. Сейчас студентов словно прорвало, но Бозжанов остановил поток похвал:

— В диссертации есть еще неразрешенные проблемы. Для меня самого не ясно, как начинается изменение — в одной клетке организма или во всех одновременно. Каким образом один вид переходит в другой? Загадка, которая должна быть разгадана. Она требует точного и глубокого исследования. Вся работа еще впереди, друзья.

— Уже сейчас это открытие имеет большое значение для оценки роли внешней среды,— высказала свое мнение Гульшат.

— Безусловно...— вступил было в разговор один из студентов, но машина внезапно нырнула вниз и тотчас же выскочила на взгорок. Впереди показались дома.

— Вот мы и приехали!— сказал Бозжанов.

— О! Здесь даже электростанция есть.

— А ты как думал?

Был уже вечер. Машина въехала на широкую улицу. Из окон домов, которые казались горожанам маленькими и низкими, падали на дорогу яркие полосы света. Казалось, что на колхозной улице расстелили пеструю черно-белую алашу¹. Из открытого окна одного из домов донеслись звуки радио. Перед ярко освещенными воротами женщины на-

¹ Алаша — домотканый казахский ковер.

ливали в сепаратор молоко. Стадо коров преградило путь машине. Полуторка остановилась.

Прямо перед измученными студентами высветился экран, задвигались люди по стене дома.

Манап, выскочив из кабины, закричал:

— Прибыли с корабля на бал! Прошу вываливаться!

К студентам подошло несколько колхозников. Грузный мужчина в галифе, в кожаной куртке подошел к Бозжанову и подал ему руку. Это был Сексенбаев, председатель колхоза «Социализм».

Он радушно развел руки, как бы обнимая всех сразу, проговорил зычно:

— Добро пожаловать. Прошу всех в гостиницу. После дороги надо отдохнуть, подкрепиться,— и зашагал к дому напротив, над крыльцом которого висела нарядная вывеска «Гостиница».

Гостиница оказалась уютной, чистой, обставленной кроватями с белыми покрывалами и густо покрашенными суриком тумбочками. Занавески на дверях и окнах выглядели по-домашнему.

Когда Бозжанов здоровался с председателем, ему показалось, что тот держал что-то в руке, а теперь заметил, что два средних пальца его правой руки скрючены и не разгибаются. Тужурка у него расстегнута. На груди блестят ордена. Сексенбаев сходил на кухню и шепотом приказал кому-то: «Быстро готовьте еду. Приготовьте побольше и повкусней, варите мясо, жарьте яйца!» Вернувшись, сказал студентам, чтобы они подождали его и куда-то ушел. Манап, слышавший распоряжение об ужине, радостно засмеялся:

— Вот это председатель... Настоящий человек!

К студентам вышла средних лет женщина в белом чистом переднике, видимо, повар. Она сказала, что ее единственный сын тоже студент, учится на последнем курсе Днепропетровского горнометаллургического института, что он недавно женился на девушке-украинке.

Пока студенты ожидали ужина, женщина рассказала, что в этом году она и ее муж заработали шестьсот трудодней, получили на эти трудодни много денег, овощей, пшеницы, шерсти и яиц. Бозжанов, внимательно слушавший рассказ колхозницы, заметил, что колхоз «Социализм» действительно богатый.

— Не говори, сынок, у нас сейчас деловой председатель, фронтовик!— ответила повариха.

Оказалось, что в колхозе есть водяная мельница, библиотека, школа-десятилетка, в бригадах бани, лечпункты. Если студенты сначала были заинтересованы откровенностью и прямодушием поварихи, то теперь они обрадовались, что она так хорошо знает колхозные дела, и остались очень довольными ею.

Когда студенты сели за стол, молчавший в углу радиорепродуктор неожиданно заговорил: «Внимание, внимание! Говорит радиостудия колхоза «Социализм!» Сегодня к нам из Алма-Аты прибыла группа студентов во главе с профессором Бозжановым. Правление колхоза просит вас, товарищи, сегодня в десять часов вечера собраться в клубе! Товарищ Бозжанов, который занимается изучением интереснейшего явления — наличия на одном колосе двух разных видов зерна, — сделает доклад, подробно расскажет об этом открытии».

Студенты переглянулись и только теперь заметили, что среди них нет вездесущего Манапа, и догадались откуда колхозный диктор почерпнул сведения о приехавших. Ради этого Балгабаев даже пренебрег обильным ужином.

В разгар ужина пришел председатель колхоза. Впереди него крупно и размашисто вышагивал старик с длинной бородой и внушительным носом. Сексенбаев представил его Бозжанову:

— Модест Владимирович, заведующий нашей хатой-лабораторией.

Старик протянул большую руку и тряхнул Бозжанова так, что тот качнулся и переступил ногами, без всяких предисловий сел за стол и сразу же заговорил о деле густым раскатистым басом, от которого у Бозжанова закружилась голова:

— Это можно было назвать чудом, если бы не факт: в одном колосе — зерна двух видов. Не обнаружив сам, — ни за что не поверил бы. А ведь я не новичок на земле.

Старик вынул из карманов широченных штанов узелочки с бирками, тщательно разложил на столе, осторожно развязал один из них, высыпал содержимое на широкую, как лопата, ладонь.

— Вот, — загудел он вновь, — смотрите: в одном колосе зерна яровой пшеницы с участием «отынагаша» и, глядите, глядите! — зерна ржи. В одном колосе, каково?

— Да, факт, — кивнул головой Сексенбаев. — А факт, как говорят, упрямая вещь.

— Упрямая,— согласился Бозжанов.— Вот об этом и следует поговорить с народом. Я думаю над этим с того самого времени, когда вы привезли мне такой колос. У вас есть где собраться? Клуб или что там...

— А как же.

— А почему кино показывают на улице.

— Хлеборобы любят свежий воздух,— заметил Сексенбаев.— Пока терпимо, можно и на улице. А клуб у нас хороший. Пойдемте посмотрим, если не устали с дороги.

По всему было видно, что председатель гордится своими новостройками и готов показывать их хоть ночью. Бозжанов заметил это и из своей всегдашней деликатности не смог отказать ему.

Шли недолго. Сеанс уже кончился, и у клуба было пустынно. Но свет перед входом и в самом клубе не был погашен.

— Вот это малый зал, здесь мы фильмы показываем,— объяснил Сексенбаев, распахнув двери.— А тут...— Он пересек просторный вестибюль и с какой-то особой значительностью откинул бархатные портьеры широкой двери.— Вот. Это главный зал. Здесь мы и соберемся.

Да, клуб был замечательный. Едва ли в области найдешь другой такой колхозный клуб. Бозжанов сказал об этом Сексенбаеву, и председатель прямо-таки расцвел от удовольствия.

— Стараемся для народа. Красота, уют — не пустой звук. С хорошим настроением хорошо и работается. А настроение человеку что создает? Быт. Культура. Когда думаешь о человеке, значит, думаешь о красоте. Вот укрепим, построим свой дом отдыха, затем...

Но тут в сумрачном зале раздался со сцены торжественный голос. Кто-то бросал в пустые ряды непонятные фразы.

Сексенбаев взгляделся и перевел взгляд на Бозжанова. Карим шагнул за порог и увидел на трибуне Манапа Балгабаева. Разложив перед собой бумаги, Манап напористо выкрикивал в зал слова и эффектно жестикулировал, стараясь не глядеть в записи.

К Сексенбаеву подошла уборщица, пожаловалась:

— Выпросил ключи посмотреть зал, а сам забрался на трибуну и кричит: «Бес мал ази... Малту-шалту медеси». Уж не в своем уме ли? Я слушала, слушала...»

Бозжанов громко рассмеялся. Манап оборвал декламацию, собрал бумаги и ретировался. Но Карим остановил его:

— Продолжай, продолжай, Манап, не стесняйся. Так и надо готовиться. Только слишком горячишься. Спокойнее, вразумительнее говори, не глотай слова и не форсируй гласные звуки.

Сексенбаев вопросительно посмотрел на Бозжанова.

— Докладчик, о котором известили по радио, это не я только,— сказал Карим.— У нас три докладчика, двое — студенты. Один из них Балгабаев, вот этот...

Услышав это, председатель колхоза не мог скрыть своего разочарования.

— Разве такой юнец сможет сделать доклад? Слышали, какую он плел чепуху? «Бес мал изи, малту-шалту медеси».

Карим весело рассмеялся:

— Сделает прекрасный доклад! Уборщица просто не поняла, о чем он говорил, и исказила слова «вейсманизм», «Мендель», «Мальтус». Колхозники хорошо знают Мичурина, но этих имен, конечно, не слышали.

В это время три студента попросили их посторониться — они несли неуклюжий тяжелый ящик, который привезли с собой.

К десяти часам вечера в клуб потянулись принаряженные колхозники. Студенты во главе с Бозжановым уже давно ожидали их, боялись, что никто не придет на собрание. Но народу набрался полный зал.

Ровно в десять часов Сексенбаев открыл вечер встречи колхозников с учеными и студентами университета.

А на другой день погода выдалась точно по заказу. Ясно и тепло было. Холмистая равнина уходила далеко на север, курилась, зыбилась; сверкающая гряда Ала-Тау будто подросла за ночь, подвинулась, нависла невесомой громадой над необозримой равниной.

Студенты шумной ватагой хлынули на поле колхоза. Бозжанов, Сексенбаев и Модест Владимирович едва поспевали за ними.

На участке, где пшеница росла попеременно с рожью, собралось много колхозников. Вчера они с интересом прослушали доклады о новых агротехнических способах возделывания зерновых, а сегодня захотели своими глазами посмотреть на гнездовой способ посева.

Весь день студенты работали вместе с колхозниками в поле, шутили, пели песни. Время пролетело так быстро и незаметно, что вечером просто не хотелось возвращаться в город. Но надо было ехать, тут уж ничего не поделаешь.

Бозжанов передал председателю и Модесту Владимиро-

вищу книги, папки с инструкциями и рекомендациями, а также ящички с зернами твердой яровой пшеницы. Сексенбаев заверил Бозжанова и студентов, что лично сам с Модестом Владимировичем будет проводить эксперименты, следить за ходом процесса превращения твердой яровой пшеницы в мягкую озимую («если это случится, конечно») и обо всем информировать университет.

По всему было видно, что дружба университета с колхозом «Социализм» завязывается крепкая, долгая.

18

Дверь квартиры открыл сам Бельгигулов. Казалось, он стоял за дверью и ожидал прихода Инеш. Едва девушка протянула палец к кнопке звонка, щелкнул замок — сам Макан Бельгигулович.

— Добро пожаловать! — с улыбкой сказал он. Когда Инеш переступила порог, закрыл за ней дверь, не забыв набросить крючок.

— Простите, что я опоздала, — смущенно проговорила Инеш. — Вызывали в комитет комсомола и долго не отпускали...

— В комитет? Понятно. Видимо, было объемистое внушение по случаю того, что вы не участвуете в общественной работе?

Инеш посмотрела на Бельгигулова. Он улыбался. Она так и не поняла, осуждает он ее или одобряет.

— Все это неважно. — Макан осторожно взял Инеш за локоть и повел в свой кабинет. Когда она сняла пальто, он пододвинул ей широкое дубовое кресло, сел напротив и взял со стола пачку папирос «Северная пальмира». Прикурив, долго смотрел на пачку, вертя ее в руках.

— Вот что, Инеш... Я давно хотел тебе сказать... — заговорил он с паузами, неожиданно перейдя на «ты». — Я думаю, тебе следовало бы больше времени уделять учебе и не увлекаться посторонними делами. Университет должен готовить ученых, а не ораторов.

В голосе Бельгигулова, в его глазах Инеш улавливала заботу и тревогу. Она только сейчас заметила, как хорошо одет Макан, и подумала, что он куда-то собрался идти, но вынужден был ждать ее. Но скоро она отбросила эту мысль, так как Бельгигулов не выказывал ни малейшего нетерпения, говорил неторопливо и не приступал к обсуждению новых глав реферата. Она поняла, что прекрасный

черный костюм Макан надел перед ее приходом, и сразу почувствовала себя неловко. В то же время ей льстило, что этот спокойный с изящными манерами человек, преподаватель университета, доцент, так внимателен к ней.

— Они не дают мне покоя. Без конца вызывают и твердят одно и то же, как заведенные,— пожаловалась Инеш.— Затеяли какой-то субботник, как будто, кроме студентов, некому заниматься строительством.

— Кто это «они»?— пристально глядя на Инеш, спросил Бельгигулов.— Не Даиров ли?

Инеш нахмурилась.

— Он просто грубиян, невежа. Служака. Обязательно станет администратором,— с непонятной ненавистью сказал Бельгигулов. Но тут же, спохватившись, с многозначительным видом повертел в руках папиросную коробку, вздохнул с глубоким сожалением:

— «Северная Пальмира». Так русские дворяне величали нынешний Ленинград — Петербург.

— «Северную Пальмиру» очень любил мой брат Сабыр. Бельгигулов оживился:

— А ты не догадываешься почему я курю именно «Северную Пальмиру»?

— Не имею представления.

— Да из-за Сабыра же,— Макан грустно склонил голову.— В память о нем. Когда я приехал в Ленинград для защиты своей диссертации, меня познакомили с ним. Он был настоящим ученым — философом с большим будущим. Мы с ним подружились. Он отлично знал биологию, его эрудиции можно было только позавидовать. Много прекрасных дней провели мы с ним в беседах. Он умел слушать. Умел и убеждать. Если бы не погиб, блистал бы первой звездой на научном небосклоне. К сожалению, сейчас верх берут какие-то бездарные болтуны, трибунные ученые... Это прискорбно, но факт.

Макан потянулся к стойке книг на столе и взял одну из них — «Жизнь растений» Тимирязева.

— Эту книгу мне подарил Сабыр,— раскрыл и протянул Инеш. Девушка прочитала на титульном листе слова, написанные до боли знакомым родным почерком: «Перечитывая эту книгу, вспомни своего друга, который поклоняется таланту Тимирязева». Ниже стояла дата и подпись: «Сабыр Даулеткереев». Инеш едва не выронила книгу. Ее брат был другом Бельгигулова! Порывисто вскочив, она бросилась к Макану, но мгновенно смутилась и остановилась.

— Ох, большое вам спасибо! Я вам так благодарна...

Инеш с присущей ей порывистостью и чистосердечием готова была броситься обнимать Бельгигулова. Она вообще не способна была скрывать свои чувства. Макан отлично знал эту сторону ее характера. Весело улыбаясь, он протянул ей руку и сказал:

— Память о Сабыре мне так же дорога, как и тебе.— Он взял книгу, оглядел ее и с видимым сожалением заметил:

— Все течет, все изменяется. Надо признать, что многие утверждения этого биолога устарели...

Он помолчал, ожидая, что ответит на это Инеш, но девушка все еще не могла опомниться от охватившего ее непонятного чувства печали и благодарности.

— Я всегда считала, что вы очень хороший... Я не ошиблась,— запинаясь проговорила она и взглянула на Макана чистым взглядом.

Бельгигулов пододвинул к ней свое кресло и, стараясь скрыть загоревшееся в глазах торжество, с деланным интересом заговорил:

— Ладно, оставим Тимирязева. Нужно поговорить о твоём реферате. Ты сама знаешь, что в нём было много недостатков. Бозжанов не случайно заявил, что тебе нельзя присуждать премии. Мне пришлось выдержать бой за тебя. Премию ты получила, но ошибки в реферате остались. Я прочел новые твои главы и могу сказать со всей прямо-той: ты невнимательно работала, не использовала по настоящему рекомендованной мною литературы.

— Макан Бельгигулович...

Он поспешно прервал ее:

— Скажи, как ты понимаешь так называемые «скачки» в биологии?

— Я просто не понимаю... Все растения медленно в течение столетий изменяются, приспособляясь к внешней среде. Какие «скачки» в растительном мире? Мне это кажется странным и искусственным.

— А почему же не пишешь об этом? Можно подумать, что ты в восторге от новой теории изменения видов. Неужели хоть один здравомыслящий человек всерьез примет утверждение о том, что если осла заставить жить в холоде, то он станет северным оленем.

— Макан Бельгигулович,— вежливо сказала Инеш,— но ведь пшеница не осел. А Бозжанов как раз работает над превращением твердой яровой пшеницы в мягкую...

Бельгигулов с раздражением прервал ее:

— В биологии есть только один закон: осла в оленя не превратить. «Осел останется ослом, хотя осыпь его звездами. Где надо действовать умом, он только хлопает ушами»,— и захохотал.

Инеш виновато подумала: «Что это он? Уж не обидела ли я его?»

— Так вот,— снова строго продолжил он,— прочти указанные труды и переделай свой реферат.

Инеш уныло кивнула: «Почему он так важничает?» — и оскорбилась.

— Ты что это загрустила?— всполошился Бельгигулов.— Видимо, надоели мои рассуждения? Сейчас мы поправим это дело. Знаю, ты любишь хорошую музыку.

Он подошел к стоявшей на невысоком столике радиоле и, выбрав пластинку, осторожно поместил ее на диск. Мощные вступительные аккорды заполнили комнату. Макан чуть уменьшил громкость.

— Это мой любимый вальс,— сказала Инеш светлея.

— Я знал, что он твой любимый,— подчеркнул Бельгигулов и склонился в поклоне перед девушкой.— Потанцуем?

Инеш чуть помедлила. Но через секунду уже вскинула руку на мягкое плечо Бельгигулова, вытянулась в струнку и сразу почувствовала себя другой, легкой и свободной, как птица. Макан танцевал тяжеломерно, но изящно. Перед глазами Инеш завертелись разноцветные обложки книг на полках, слились в гладкий круг.

Бельгигулов чуть-чуть прижал к себе Инеш, и девушка сразу напряглась в ожидании чего-то непоправимого. Но Бельгигулов ослабил объятие. «Почему он пригласил меня домой, а не... Впрочем, что же это я. Не дуручка. Макан в меня влюбился. Ну и пусть. Такой солидный, важный, авторитетный... Смешно и нелепо. А впрочем... «Любви все возрасты покорны». Да и не старик он, Макан-ага. Но все-таки... Почему я с ним танцую в его домашнем кабинете... наедине? Ужас!»

Инеш остановилась, отодвинулась от партнера. Разноцветный круг из книг остановился и рассыпался.

— Некогда танцевать,— деловито оправдалась Инеш,— мне пора идти. У меня мама.. Да и хочется поскорее закончить статью. А там и дипломная работа. Извините, но я должна идти.

— Похвальное рвение,— скованно рассмеялся Бельгигулов.— Но торопиться не следует. Наука не создается второпях. Работать надо споро, но не торопко. Поспешишь —

людей насмешишь,— теперь уже искренне довольно рас- смеялся он. И вдруг оборвал себя, закончил в обычном то- не.— Да, статью заканчивай побыстрее. Надо бы ее тиснуть в очередном номере журнала. Я попридержу место для нее. Обязательно поместим. И чем скорее, тем лучше — ты права.

И больше не задерживал девушку, не пытался любезни- чать, проводил за порог, поклонился — вежливый, коррект- ный и в то же время бесконечно доброжелательный.

Вот тебе и раз: было солнечно и тепло, а теперь мокрый снег валит с темного неба. «И в жизни вот так», — подумала с веселой издевкой над самой собой Инеш и бросилась в стужу. Ветер мокрой ладошкой хлестнул по лицу девушки, она зябко передернулась и вдруг вспомнила стихи Гейне: «Сердитый ветер надел штаны, свои штаны водяные». Ей стало хорошо и легко. Не хоронясь от ветра и снега, она по- бежала напрямик. «Макан Бельгигулович отличный муж- чина. Хотя и чуть-чуть переборщил, но ведь он добра мне желает. Сколько со мной возится, помогает! Да, надо поско- рее закончить статью. А чем, интересно, занимается сейчас Маулен? Если бы он видел, как я танцевала с Бельгигуло- вым в его кабинете!.. Умора! Скажи девочкам — не поверят. Впрочем, о таких вещах не стоит распространяться».

До самого дома Инеш бежала без роздыха. Только за порогом вздохнула глубоко, повисла не шее матери, зады- хаясь от напряжения и еще чего-то, чего не выразить сло- вами, не назвать по имени...

19

Белый туман окутал город. А вершины Ала-Тау ясны, прозрачны, и горы плывут над долинами и холмами обла- ков. Белы пики хребта. Бела земля от снега. Фарфоровые деревья застыли над серебристыми крышами домов. Тиши- на. Все вокруг спокойно. И только город ворочается, взды- хает, под белым колышущимся покрывалом тумана.

Воздух звенит в чутких кружевных кронах деревьев и осыпается на асфальт тротуаров и мостовых крошечными звездочками.

Город оживает, начинает работу, постепенно обретая обычный мерный ритм.

На строительстве новых корпусов университета — шум и спешка. Огороженная деревянным забором широкая пло- щадь похожа на заводской двор. Туда и обратно снуют

грузовые машины с кирпичом, гравием, лесом. Старые одноэтажные домики сносятся, и полуистлевшие их остатки вывозятся за ворота. Растут горы строительных материалов. Новые дома из красного кирпича уже возвышаются над молодыми тополями. Не утихает шум работы. Слышится лязг железа, стук, грохот, звонкий скрежет. В воздухе повисает напряженный гул.

Ерена Даирова не узнать. Исчезли все его солидные зашашки. Он бегаёт в расстегнутой вельветке, на его лице озабоченное выражение, — хлопотливый, деловой, охваченный азартом.

Резким голосом отдаёт распоряжения. Записывает что-то в блокнот. Распределяет по участкам студентов. На минуту он останавливается и окидывает взглядом стройку.

Справа от него — два больших мощных бульдозера срезают холмики и выступы, гонят землю в овраг. Ерен знает, что завтра здесь ляжет асфальт. Взгляд его упал на человека, который, заложив руки в карманы, расхаживал по крыше недостроенного корпуса. Он подумал: «Может быть, это Викентий Викентьевич? Нет. Викентий Викентьевич не будет так вот расхаживать, заложив руки в брюки».

И вдруг человек в черном костюме качнулся и полетел вниз. Испуганный Даиров, заслонив глаза от солнца, только теперь рассмотрел, что тот плывёт в воздухе на крюке подъёмного крана. С трудом узнал Жолтая, закричал:

— Ты откуда взялся? Вчера ты, помнится, был прикреплен к бригаде Маулена?

Жолтай спустился и ответил:

— Да я хотел узнать, каково это... падать сверху. Очень страшно, оказывается. Теперь не то что с вышки, но и через яму не прыгну. А работать... сейчас я быстро... Возиться, как остальные, не буду. Сейчас же выполню свою норму и уйду. — Отряхивая испачканный костюм, он направился к работавшим неподалеку студентам филфака.

— Страху натерпелся, — сказал Жолтай Маулену, который копал глубокую траншею, — сам летел вниз, а душа и нутро вроде на небе остались. Ну и ну!.. Думаешь, для забавы сел на крюк? Один рахитик, там, наверху меня пихнул. Вот я и полетел. А все-таки приятно летать.

— Ты брось болтать, выполняй свою норму, — оборвал его Маулен.

— Ладно, сейчас.

Муздарапов взял лопату и принялся за работу. Несколь-

ко раз ковырнул в одном месте, потом в другом, зевнул и присел отдохнуть. Скучно копать в земле.

Через некоторое время снова подошел к Маулену.

— Посмотрел на биофак. Даже преподаватели им помогают. А наши наставники где?..

Маулен невольно посмотрел туда, где работали студенты биофака. Среди общей суеты выделялась внушительная фигура доцента Бельгигулова. Держа в кулаке перчатки, он показывал куда-то вперед, распоряжался.

В этот миг Маулену вспомнилось, как Инеш бежала к нему в тот вечер в развевающемся широком пальто. В сердце зашевелилась непонятная ревность. Ему хотелось видеть Инеш, поговорить с ней. Он долго искал ее взглядом в толпе. Но сколько ни смотрел, не мог заметить. Зато Гульшат сразу бросилась в глаза. Она одета в черные брюки и толстый свитер.

Маулен заметил, что именно на Гульшат неотрывно глядит Бельгигулов. «Чего он на нее уставился?» — подумал с неприязнью. Маулен и тут же усмехнулся про себя: «А какое тебе дело до Гульшат и Бельгигулова, друже? Впрочем, оно и к лучшему».

Но Маулен нет-нет да и снова поглядывал на Гульшат. Ее фигура, сильные движения волновали, привлекали парня. «Все-таки хорошая она, Гульшат, умная и простая, не отлынивает от работы...»

Будто почувствовав на себе взгляд Маулена, Гульшат выпрямилась и помахала рукой.

— Не отставать, филфак! — крикнула девушка задорно. И хотя она обратилась вроде бы ко всем филологам, но Маулену показалось — и неспроста! — что улыбка девушки предназначена лишь ему. Эта улыбка была знакома Маулену. Именно так — тревожно-вопросительно, беспомощно улыбалась она тогда... Маулен удивился, что помнит тот случай до мельчайших подробностей и он по-прежнему волнует его, заставляет вздрагивать в непонятной тревоге. Произошло это давненько уже. Было тогда холодно и сыро, а титан с кипятком все еще стоял во дворе. Маулен быстро нацедил кипятку в чайник и, спасаясь от дождя, кинулся сломя голову в помещение, дернул за дверь с силой. И надо же такому случиться: Гульшат как раз взялась за ручку двери с другой стороны. Сильный рывок бросил ее в... объятия Маулена. Опешив от неожиданности, но все-таки сообразив, что кипятком можно ошпарить девушку, парень, остерегаясь, ничего не мог придумать, как обнять и крепко прижать к

себе Гульшат. Он боялся, что она, уступая дорогу, ринется назад и как раз налетит на расплескавшийся чайник.

Побледневшая, зажмурившаяся, она прильнула к нему всем телом, крепкая, ладная, и, открыв глаза, вдруг улыбнулась виновато и беспомощно. Подняв лицо к Маулену, доверчиво, без тени кокетства сказала:

— Как ты меня напугал, Маулен! Сердце чуть не выпрыгнуло.

Ее горячее прерывистое дыхание коснулось подбородка Маулена, рука скользнула по гибкой талии, задержалась на бедре. Парень не торопился отступать. Но и Гульшат не спешила высвободиться.

Так вот они и постояли секунду-другую в дверях. И Маулен запомнил надолго и доверчивый взгляд девушки и застенчивую улыбку.

Быть может, они так постояли и еще, если бы не проходивший мимо остряк: «Эй, что это вы затеяли среди бела дня и на самом проходе».

«Глупенький», — сказала в сторону пошляка Гульшат и спокойно шагнула в сторону, кивнула Маулену — «спасибо» и ушла.

Именно такая улыбка и блуждала сейчас на губах Гульшат, хотя голос ее звенел задорно, с вызовом.

Маулен не заметил, как к нему подошел Ерен и сказал:

— Ух, еле справился с распределением. Пожалуй, организовывать работу едва ли легче, чем орудовать лопатой.

— Нужны и организаторы, — откликнулся кто-то.

— И надзиратели, — съязвил Манап.

— Организующий да будет организуемым.

— Да будет так! — не обиделся Ерен и взял в руки лопату. Он начал с такой энергией ворочать землю, что Маулен испугался:

— Потише, Ерен, разогрейся, выработай ритм сначала, иначе недолго и надорваться. Следи за мной, в окопах кое-чему научился.

— Давай, показывай, — согласился Даиров. — Больше я не организующий, буду работать наравне со всеми, а то чего доброго в бюрократы запишут. Да и хочется просто поиграть мускулатурой. Бумаги, к сожалению, не гантели, хотя бывают и потяжелее гирь.

Маулен улыбнулся. Ему понравился ответ Ерена. Нет, из него не получится кабинетный руководитель. Если и пойдет по партийной работе, то от этого несколько не проиграет ни партия, ни дело. Ерен умеет найти общий язык с людьми.

ми. Собственно, ему его и не надо находить. Он живет своим делом.

Вчера у Маулена с Даириным произошел случайный разговор. Речь зашла о скором распределении выпускников по местам будущей работы. Какой-то дипломант пришел в кабинет плакаться, просил комсомол вступить за него, чтобы остаться в городе, а не ехать в район.

— Не понимает человек своего счастья,— сказал Даиринов Маулену, когда проситель ушел. Маулен не сразу понял мысль Ерена, переспросил:

— О каком счастье идет речь?

— Так в районе работать во всех отношениях лучше. Труд в ауле, конечно, тяжел. Но и интересен. Прежде всего тем, что там сталкиваешься с трудностями, которых в городе нет. Вот и преодолевай их, пока молод и полон сил. Именно в тяжелом труде закаляется человек, приобретает опыт, оптимизм, мужество.

— Но ведь и в городе растут и закаляются люди в труде. Едва ли можно противопоставлять сельский труд городскому.

— Противопоставлять не надо бы, но разница есть. И большая. Противоречия между городом и деревней нами еще не преодолены. Вот если хочешь село поднимать во всех отношениях до уровня города,—иди работать в аул. Тут еще и личный, так сказать, фактор: мне нравится сельская жизнь.

После университета я еду на работу в аул, причем в самый отдаленный, глухой. И там развернусь... Не зря же я столько учусь, кое-что в голове откладывается.

Маулену откровенность Даиринова пришлась по душе. Мечта Ерена нравилась ему. Ерен не из тех, кто подлаживается под обстоятельства. Он при любой обстановке остается самим собой...

Самому Маулену его будущее представляется иным: он мечтает целиком отдать себя науке, исследованиям. Организаторских способностей в нем нет, это точно. Ладить с людьми ему трудно. Куда интереснее копаться в книгах. Хорошо это или плохо?

Маулен не перестает об этом думать даже и здесь, на субботнике. Вот он только что «наставлял» Ерена, и Даиринов охотно принял совет. Что это значит? Однако он поспешил с выводом. Даиринов, приспособившись к общему ритму, вдруг сказал Маулену:

— Вот ты боялся, что я надорвусь. А зря. Каждый

разумный человек должен знать свои возможности. Плох тот работник, который авралом, штурмовщиной изматывает себя так, что затем сразу же выходит из строя надолго, иногда на всю жизнь. Нет, такие «рывки» пользы делу не приносят и не принесут.

— Правильно, — опять согласился Маулен, дивясь тому, что внешне хлипкий Ерен ворочает такие глыбы, что не под силу и Сымбату-богатырю. Вот он отворотил большой комок земли, поддел его лопатой и одним рывком выбросил на верхушку насыпи.

— Уверенность, вера в себя — вот подспорье силе. А если еще приплюсовать ум, сноровку, умение... Ого-го! Одной силой можно сломать черенок вот этой лопаты, а после стоять и ждать, когда принесут новую. А дело, между тем, ни с места. Вон Сымбат так и сделал, забыв, что его обязанность выпускать боевой листок.

Студенты дружно захохотали.

— Но ведь Сымбат отказался от бумажных дел, переложив их на могучие плечи Манапа и Жолтая.

— Верно!

— А сам, сломав лопату, ничего не делает ни тут ни там.

— Он мечтает.

— Тише, он творит. Сейчас из него попрут стихи. Внимание! Начали!

Сымбат отвернулся обиженно, засопел.

— Жди от него стихов, как же! Он их сам боится.

— Не боюсь, — огрызнулся Сымбат.

— А почему зажимаешь, не выносишь на суд народный, а? — подзадоривали его со всех сторон.

Даиров решил поддержать подначку, громко, с иронией в голосе, но серьезно заключил:

— Убежденность у него хромота на обе ноги. Нет у него веры в свой талант. А без веры, убежденности, сами знаете, далеко не уедешь. Вот вам простая политграмота.

— Он страдает от собственной скромности.

— Ну, от его скромности такой дух идет, что все знают, все видят и говорят: вот это скромность!

— Ха-ха-ха!

— Вот это подкосил.

Муздарапов вдруг всполошился, закричал так, что сорвал голос:

— Товарищи, товарищи! Вы своей словесной перепалкой срываєте мне выпуск листка. О чем я буду писать?! Ведь

нас явно перегоняет биофак. Они работают молча и наверняка выйдут победителями в соревновании.

— Едва ли,— усомнился Ерен.

— Ты поменьше ори,— рассердился на Жолтая Маулен,— побольше делай. А то ни Манапу не помогаешь, ни землю не копаешь. Только призывать мастер. Но болтунов у нас и без тебя достаточно. Показывай себя в деле, а не горлом. Ерен успел расставить людей и выкопать, смотри!— сколько. Вот с кого бери пример: с секретаря комитета. Понял?

Сердитая прямолинейность Жандосова не понравилась Даирову, он тронул Маулена за плечо, покачал головой.

Жолтай сник. Подгоняемый насмешками, принялся копать землю.

— Это тебе не на кларнете пикивать.

— Могилу копает для самого себя.

— Только вот найдется ли духовой оркестр за гробом идти.

— К тому времени, когда Жолтай уйдет, как говорится, в мир иной, едва ли сохранится привычка хоронить людей под музыку.

— Ха-ха-ха!..

Маулен посмотрел на соседей. Он думал об Инеш. Почему она не пришла? Выходит, и здесь был прав Ерен, поскольку не надеялся на Инеш и поэтому специально пригласил ее на комитет...

Душа Маулена тоскует по Инеш, а взгляд отдыхает на Гульшат. На девушку можно смотреть целый день.

Гульшат, чувствуя на себе взгляд Маулена, старается держаться как можно прямее и веселее. Ее подхлестывало внимание парня. Ей приятен его взгляд. Не таясь, она отвечала ему признательным взглядом карих, золотистых от солнца и счастья глаз.

20

Инеш на субботник безнадежно опоздала. Накануне она засиделась над рефератом до поздней ночи, легла спать за полночь. Бельгигулов то и дело торопил ее, два раза на дню интересовался, закончена ли работа над статьей? Поэтому Инеш спешила. Подстегивало ее и желание увидеть свой труд напечатанным. Как она вырастет в глазах всех студентов и Маулена, когда имя ее засияет в «Ученых записках университета!» «Инеш Даулеткереева» — будет напечатано черным по белому. *

Вчера она, не поленившись, просмотрела всю литературу, рекомендованную Бельгигуловым, нашла для себя много нового, интересного. Захотелось весь реферат переписать заново. Так бы и сделала, если бы не Бельгигулов со своими ежедневными подбадриваниями.

Вот почему и засиделась почти до утра. Мать то и дело заходила в ее маленькую комнату, где царили тишина и уютная аккуратность. Мадина всегда входила в комнату дочери с непонятным чувством робости перед безгранично любимым дитем, жизнь которого так не похожа на все, что привыкла видеть Мадина в казашке.

Чувство любви и страха за единственную дочь лишало ее сна. Мадине казалось, что в Инеш вот-вот что-то оборвется, надломится и она сразу станет тем, чем должна быть: женой и матерью. И тогда «все эти науки» полетят вверх тормашками.

И желая этого и в то же время боясь этого, Мадина не находила покоя.

Вчера мать была настойчивее обычного.

— Ложись-ка, моя дорогая. Уже время спать. Два часа,— говорила она нежно и тихо.— Ложись, детка, нельзя так долго сидеть и утомлять себя...

Инеш подняла вверх руки, сладко зевнула. Быстро встала, крепко обняла мать, нежно поцеловала и засмеялась:

— Мама, какая ты хорошая!

Инеш сказала, что утром идет на субботник, попросила пораньше разбудить ее и, подойдя к кровати, сладко растянулась на ней. Сон пришел мгновенно.

А Мадина долго не могла заснуть. Зажмурив глаза, она лежала без движения. В последние годы ее мучила бессонница. Ей мерещится небольшой могильный холмик под деревом, она думает о Сабыре и беззвучно плачет.

Проснувшийся Даулеткерей сначала не понял, кто это всхлипывает, потом, дотронувшись рукой до щеки Мадины, заговорил как всегда с иронией:

— Эй, батыр, ты хоть бы ночью дала мне покой. Теперь пошла плакать. Говорю тебе, перестань!

Мадина старается сдерживать слезы. Так, не сомкнув глаз, она встречает рассвет.

За чаем, прямодушный и веселый, Даулеткерей посматривает на нее и думает: «Не обидел ли я ее ночью?». Потом говорит хитрым и добрым голосом:

— Эх, мой батыр, да ты ведь похудела у меня. Не старость ли уже подкралась?

— Мне уже трудно отрицать старость...

— Не говори так, батыр. Есть у нас с тобой еще долги неоплаченные, есть груз, который нужно донести.

— Я никому ничего не должна,— вздохнула Мадина.

— Тогда ты иди. Будешь извещать меня о новостях той стороны,— улыбаясь, двусмысленно сказал Даулеткерей.

Мадина не обратила внимания на эту шутку.

— Я все свои долги заплатила,— повторила она свои слова.— Вырастила сына. А девочка уже заканчивает университет. Что мне еще осталось делать?— Она немного помолчала, потом сходила на кухню, перевернула блины на сковородке.— Мне нечего больше делать.

— Что это, батыр? Печалишься о своей старости?

— Нет, что о ней печалиться? Просто больше не могу. Если ты жалеешь меня, то освободи от забот. Нет у меня мочи. Сам делай домашнюю работу.— Мадина рассердилась, отвернулась и нахмурила брови.

Даулеткерей промолчал. Прищулив свои серые глаза, он долго смотрел в точку, его длинные ресницы нервно вздрагивали.

— Сегодня ты почему-то не торопишься,— заметила Мадина.

— Да... пора идти.— Даулеткерей встал, подошел к зеркалу и погладил белыми жилистыми пальцами остренькую длинную бородку.— Я думаю, что сегодня к обеду не смогу прийти. Так что не жди. Будет совещание.

Он схватил большой портфель, края которого уже пообтерлись, и быстро вышел из дома.

Убрав со стола, Мадина тяжелой поступью вошла в комнату Инеш. Дочь крепко спала, разметавшись на кровати. Выражение ее лица беспрерывно менялось. Она то улыбалась во сне, то капризно хмурилась. На щеках горел яркий румянец.

Красота дочери заставила радостно улыбнуться Мадину. Она долго стояла, с бесконечной лаской глядя на нее. Потом вспомнила, что Инеш просила разбудить ее пораньше. И... снова пошла на кухню. «Чего сегодня захочется моей дорогой?— Она заглянула в шкаф.— Сделай ей вкусную котлетку? Или захочет куурдак¹? Нет, лучше бал-

¹ Куурдак — жареное мясо с гарниром, национальное блюдо.

каймак¹... Ведь сегодня она идет работать, приготовлю ей вкусный лагман²».

Когда завтрак был готов, Мадина снова вошла в комнату Инеш. Выражение лица спящей Инеш теперь было другим. Веки плотно сомкнулись, брови сдвинулись. Эти брови, похожие на крылья маленькой летящей птицы, говорят матери о том, что дочь чем-то недовольна. «Она ведь долго засиделась вчера, устала. Это следы усталости, а теперь, встав, она пойдет снова на работу». Мадина немного постояла над спящей дочерью и решила:

«Пусть поспит еще немного».

Она снова разогрела завтрак, который давно уже остыл. Наконец подошла к Инеш и заговорила:

— Вставай, мой жеребеночек, уже поздно. Откуда только взялись эти субботники, ты даже хорошо не могла отдохнуть.

Инеш проснулась, быстро отбросила одеяло.

— Мама, я уже выпалась.

— Хорошо, что так, очень хорошо... завтрак готов, покушай.

— Ой, мама, сколько сейчас времени?— она достала с тумбочки, стоявшей около кровати, часы и с укоризной поглядела на мать.— Боже! Двенадцать дня! Мама, почему ты меня раньше не разбудила?

— Душа моя, я тебя будила... Все время прихожу к тебе... Дергаю, торможу... все лежишь, да и как тебе проснуться? Ничего не случится, ведь на субботник идут добровольно. На следующий раз пойдешь, а сегодня не ходи.

— Не ходи!— передразнила Инеш.— Ты думаешь, мне нужно это? Просто не хочется отставать от других. Что теперь будет? Если я не просыпалась, то почему ты не сбросила меня с кровати? Думаешь, что у твоей дочки сердце разобьется? Некогда мне теперь завтракать... Я же просила тебя разбудить меня пораньше.

Инеш быстро оделась и, разгневанно хлопнув дверью, выбежала на улицу.

Когда она прибежала на стройплощадку, студенты уже изрядно умаялись с непривычки. Шум поутих, работали механически, не обращая внимания друг на друга.

Соревнование между биофаком и филфаком хоть и продолжалось, достигло своего апогея, но словесная перепал-

¹ Балкаймак — мед со сметаной. Национальное блюдо.

² Лагман — лапша с молотым мясом.

ка между ними поутихла, сменившись деловой сосредоточенностью.

Инеш в предчувствии насмешек и осуждения подошла к однокурсникам с таким видом, словно только что перенесла страшную болезнь. В особенности она опасалась Манапа. Этот не преминет поднять шум, оскорбить и зло высмеять на виду у всех. И ему нечем будет возразить. Но она ошиблась. Балгабаев даже не взглянул в ее сторону. Выпустив наспех листок, он вскоре, подбадриваемый друзьями, взялся за лопату, да так увлекся, что забыл о редакторстве. Устал страшно, но сдаваться не хотел. Шуточки пришлось отложить на другой раз — не до шуток, когда ломит в пояснице и горят от кровавых мозолей ладони.

Инеш, вздохнув облегченно в спину Манапу, подошла к Гульшат, думала, что она заговорит первой и именно ей придется все объяснять. Но Гульшат лишь посмотрела на нее, кивнула не очень дружелюбно. Инеш принялась было оправдываться, но Зада Касимова оборвала ее:

— Лучше бы ты не приходила. Будешь числиться работающей, а между тем... Видишь, мы соревнуемся с филфаком. Еще немного — и опередили бы их.

— А разве я помешаю этому?

— Конечно! Я уже тебе объяснила.

— Каким образом?— заупрямилась Инеш, собравшись в комочек, будто перед прыжком.— В конце концов на одну лопату углубится вот эта яма. А остальное все ерунда.

— Верно, Инеш,— поддержала ее Гульшат.— Бери лопату и становись вот здесь.

Зада фыркнула.

— Ай, Гульшат, какая-то наивная простушка! Она же...— вдруг Касимова просветлела, затараторила заговорщицки:— Это хорошо, что ты пришла, отлично! Ведь теперь у филологов дела пойдут хуже и мы их обставим.

Опять пришлось недоумевать Инеш:

— Что-то не пойму тебя.

— Поймешь, коль взглянешь вправо. Видишь, Маулен уже вперил в тебя взгляд — не до работы ему. Он самый рьяный у них, постарайся отвлечь его от дела, пока мы не перегоним их. Поняла теперь?

Студенты рассмеялись: шутка была свежей и меткой. Но Гульшат возразила:

— Промак! Если на Маулена действуют чары Инеш, то он должен работать с удвоенной силой.

— Психологический момент?

— Наоборот, биологический.

— Посмотрим!

— Ой, Инеш,— испугалась Зада.— Тогда лучше спрячься.

Задор Зады был так искренен, что просто не было сил сердиться на слова ее. И все-таки Инеш внутренне почувствовала к ней глухую неприязнь.

Муздарапов, услышав подначивания, закричал через головы работающих:

— Эй, Инеш, если тебя, как и меня обижают, перекидывайся к нам.

Виновницей этого нежеланного заступничества Инеш посчитала опять же Заду и покосилась на нее с еле сдерживаемым гневом. Но ничего не сказала и повернулась к Гульшат.

— Дай-ка мне лопату. Или можно уходить?.

Гульшат подала лопату. Показала, где копать и куда бросать землю.

Инеш зло схватила тяжелую лопату и начала втыкать ее в землю.

— Нет, так не держи,— сказала Гульшат.— Не ковырай. Посмотри вон на них. Надо нажимать ногой и отваливать куски. Удобнее будет, если возьмешься покорооче... Глину выкидывай энергично, с размаху.

— Но так можно испачкаться.

— Если боишься испачкаться, не надо работать,— усмехнулась Зада. Инеш ничего ей не ответила.

— Если уж взялась за работу, то работай. О грязи поговорим потом,— сказала Гульшат и показала, как надо правильно держать лопату.

Инеш вытерла платком лицо и вонзила лопату в глину. Ничего не говоря, принялась работать. Гульшат взяла другую лопату и стала рядом.

Инеш копала ожесточенно, боялась отстать, и особенно, чтобы кто-нибудь не пришел ей помогать. Насмешки только подзадорили ее, она работала энергично, со страстью. Но видела, что горка выброшенной наверх земли растет медленно. Гораздо медленнее, чем у других.

Скоро она почувствовала усталость. Отчего-то дрожали пальцы. Руки отяжелели и не подымались. Спина онемела.

Инеш села на край вырытой ею ямы и посмотрела туда, где работал Маулен, но не увидела его из-за большой кучи

выброшенной из траншеи глины. «Чье это место? Ага, Балгабаева».

Совсем недавно там мелькала голова Балгабаева, сверкала на солнце его побелевшая от глины лопата. Сейчас не летят навверх комья земли. Все тихо. Инеш посмотрела в другую сторону. «Может быть, он уже все кончил и ушел?» И увидела Манапа там, где только что работала Касымова. У него все те же размеренные спокойные движения. А Касымова сидит справа от Манапа, ест мороженое, что-то говорит своему помощнику и смеется.

Инеш стало немного завидно.

Она с трудом встала. Ладони горели так, что нельзя было прикоснуться к рукоятке лопаты. Но оставить работу было неловко. Превозмогая боль, она снова начала копать. Ей уже не хотелось никуда смотреть. Решила работать, пока хватит сил. «Все ведь видели, что я пришла поздно, кто-нибудь придет и поможет мне». Вдруг сзади зашуршала и посыпалась мелкая сухая глина. Что-то со стуком упало позади нее, раздался звучный веселый смех. Инеш испуганно оглянулась. Перед ней стоял Маулен. Лицо его покрыто пылью. Лишь сверкают глаза и зубы. Взглянув на него, Инеш звонко расхохоталась, сама не зная почему.

— Чего смеешься?

— Посмотри на свое лицо,— нашлась она.

— Сначала ты сама посмотри на свое лицо.

Инеш достала из кармана маленькую зеркальную пудреницу, приблизила ее к лицу и засмеялась еще громче. Кончик носа был испачкан глиной. Полосы на щеках делали ее похожей на клоуна. А пыль, чернеющая под тонкими ноздрями, походила на полоску щегольских усов.

Инеш вздохнула:

— Ой! Боже мой.

— Ты устала?

— Очень устала, Мауленчик.

— Давай лопату, помогу.

Инеш выбралась из ямы и присела отдохнуть.

Лопата у Маулена будто сама вонзается в глину, сверкает в клубах пыли. Инеш смотрела на сильные и уверенные движения парня и думала: «Как хорошо, когда есть человек, который всегда готов помочь тебе, защитить, позаботиться. Но ведь Бельгигулов тоже заботится обо мне. Почему же я с трудом принимаю его помощь?»

Сначала они пошли к горам по улице Уйгурской. Казалось, еще шаг, и горы укроют их в своих таинственных ущельях.

Но Маулен внезапно свернул на перпендикулярную к Уйгурской — улицу имени Курмангазы.

Уличные огни только что зажигались и призрачно белели в вечерних розовых сумерках. Было безветренно. Облака, подкрашенные закатным солнцем, давно уже скрывшимся за деревьями, безучастно висели над городом.

Темнело быстро и неудержимо. И вот уже не видно ни Талгарского пика, ни звезд — исчезли, едва сверкнув в предвечерней зорьке.

Спокойно и душно. Инеш сразу потянуло ко сну. Неудержимо захотелось спать. Спать, спать... Ничего нет прекраснее сна после столь тяжелой работы.

— Мауленчик, я та-ак у-ста-а-а-ла, — не выдержала Инеш и сладко потянулась, вздохнула.

— Ложись, — Маулен вытянул руки, сложенные лодочкой, — и спи на моих ладонях.

Инеш тихо, с трудом улыбнулась:

— Я не помещусь на твоих ладонях.

— Если не поместишься, подложу под твою голову свое сердце.

— Ох, и хитрый ты! Нет, вернее, находчивый.

— Никакой хитрости — чистейшая правда, — серьезно ответил Маулен.

Инеш подняла глаза и посмотрела в смутное пятно лица, заглянула в мерцающие зрачки. Усталость вдруг улетучилась, тело напряжилось.

— Что ж, раскрывай свое сердце, я положу на него свою голову.

Парень распахнул полы пальто и почувствовал, что сердце его действительно готово выпрыгнуть из груди. Маулену стало душно, он раскрыл рот, схватил воздуху, проговорил хрипло, сдавленно.

— Ну, вот...

Инеш показалось, что лицо Маулена запылало в темноте ярко и горячо. Девушка закрыла глаза, качнулась и уткнулась лицом в грудь парня. Маулен обнял ее и прижал к себе с такой силой, что почувствовал ломоту в руках. Но Инеш не ойкнула, не отстранилась.

Промчалась машина, осветив их. Маулен разжал руки,

и Инеш выскользнула из объятий, пропала в темноте вместе с лучами фар.

Маулен, ослепленный светом, вытянул руки перед собой и, шаря в крошечной темноте, жалобно проговорил:

— Иди ко мне, Инеш. Где ты?

Инеш почувствовала, как плавно качнулась земля, все стало смещаться и расплываться. У нее не было сил двигаться. Она снова закрыла глаза...

Долго шли молча. Хлопьями повалил снег, снежинки петляли, кружились, метались в электрическом свете, словно летние бабочки, беззвучно падали на землю и исчезали. Следы проехавшей машины лежат расплывчатым узором. Впереди сквозь хлопья мягкого пушистого снега слабо пробивается зеленоватый свет уличного светофора. Он отражается на черном, блестящем, как стекло, асфальте, и, кажется, куда-то вдаль протянулась голубоватая тропинка.

— Идти бы без конца с тобой по этой голубой тропинке,— тихо сказала Инеш, глядя на Маулена.— Идти долго-долго... И я бы, наверно, никогда не почувствовала усталости...

— Пойдем... что же нам мешает,— откликнулся Маулен.— Кто остановит нас на этой дороге? Ведь даже светофор открыт для нас.

— Да, и светофор открыт,— обрадовалась Инеш.— Хорошее предзнаменование,— говорила она, и глаза ее сияли.— Ну, а если устала бы? Ты бы меня бросил?

— Куда я пойду без тебя? Для меня дорога потеряет смысл...

Инеш кротко взглянула на него и опустила ресницы.

Теплый снежный вечер. В свете электрических фонарей петляют серебристые нити, кружатся редкие снежные хлопья, плавно и тихо падают на землю.

Экзамены Инеш сдала все до одного без осложнений. Наступил день, когда она смогла выйти из аудитории, не думая о следующем предмете — ни о чем не думая, а просто чувствуя себя свободной, бесконечно счастливой. На вопрос сокурсников, торчавших у двери аудитории с утра до вечера, как всегда показала раскрытую ладонь: «пять» и, не задерживаясь, пробралась сквозь озабоченный строй студентов.

Но в вестибюле она остановилась в нерешительности, недоумевая, почему вдруг споткнулась, что забыла... И вдруг густо покраснела, беспомощно улыбнулась. Будто боясь, что ее могут уличить в каких-то неблагоприятных действиях, она оглянулась по сторонам, собралась с духом. «Маулен! Как же я могла о нем забыть! Ведь он сегодня сдает экзамен по античной литературе!»

Инеш торопливо подошла к расписанию и узнала в какой аудитории сдает экзамены курс Маулена.

В конце коридора — привычная толпа у высокой двери. Гул стоит такой, что нельзя услышать собственного голоса. Дверь аудитории время от времени открывается, и строгая девушка в черно-белой одежде снова и снова просит: «Прекратить безобразие, профессор сердится!»

Толпа мгновенно замирает, гул стихает на минуту-другую, но затем постепенно и неотвратно нарастает.

Вот из двери выскользнул высокий парень в поношенном сером костюме. Сдерживая рвущуюся из груди радость, протиснулся к противоположной стене коридора. Какой-то низкорослый паренек в желтой фуфайке буквально прилип к высокому, тычась лицом чуть ли не в живот.

— Ну как? Ты скажи, как? В каком настроении он? Как держится, а?..

Мустан Мыктыбаев — так звали высокого, — однокурсник Маулена, живет с ним в одной комнате. Схватив низкорослого в желтой фуфайке за воротник, он внушительно и сдержанно выговаривал:

— Профессор не любит многословия, понял? Главное: не повторяйся, не мямли. Будь мужчиной. Профессор ценит мужество. Если ты мужественно ответишь на тройку, он тебе поставит четверку. Но если будешь мямлить на пять, он закатает тройку. Так что — крепись.

В дверях появился могучий Сымбат Аскарлов. Взгляд его был жалким. Инеш заглянула в дверь и увидела Маулена, сидящего перед профессором. Он спокойно что-то говорит — не горячится, не жестикулирует. Хороший признак: уверен в себе, знает вопрос.

Инеш облегченно вздохнула и отступила от толпы. В аудиторию проскользнул парень в желтой фуфайке, закрыв прикрыть дверь, поплелся по кривой к столу с билетами. Профессор посмотрел на вошедшего и в этот момент Муздарапов, сидевший поодаль, воровато уставился на

свою раскрытую ладонь. Инеш поняла, что Жолтаю туго и он пошел напропалую.

К ней подбежал Манап Балгабаев, бесцеремонно потянул за руку и попросил:

— Инеш, дай свои конспекты.

Она достала из сумки синюю тетрадь, подала ее и пошла дальше. Неожиданно сумка открылась. Посыпались бумаги, зеркало, пудреница. Она остановилась, чтобы подобрать их, оглянулась и увидела в конце зала Манапа и Заду, стоявших вместе. «Зря я дала конспекты, теперь понятно, для чего они понадобились ему».

Она собрала рассыпавшиеся вещи, встала и увидела, что рядом с ней стоит Маулен и, улыбаясь, смотрит на нее.

Инеш смутилась оттого, что Маулен не помог поднять с пола упавшие вещи.

— Вот, интересно...— проговорила она с осуждением. Маулен с недоумением посмотрел на нее.

— Что интересно?

— Твоя... нет. Ничего. Как успехи?

— Как у тебя, так и у меня,— засмеялся Маулен.

— А откуда ты знаешь о моих?

— Знаю.

Оба, весело болтая, направились к дверям. Вдруг в конце зала раздался громкий голос. Муздарапов тащил за собой Сымбата и обиженно говорил ему:

— Нет в тебе дружеской жалости... Может, ты хотел, чтобы я провалился?

Сымбат слушал его спокойно. Увидев Инеш, Муздарапов сразу заговорил о другом.

— Это он насчет шпаргалки...— сказал Маулен.— Наверное, провалился. И это понятно. Кроме своего кларнета, он ничего знать не хотел. Когда я впервые пришел в общежитие, первым, кого встретил, был Муздарапов. Какой он хвостун. Так держался, что я принял его за старшекурсника. А завтра пришел на лекцию и увидел его в аудитории. Он обернулся назад и моргает. Потом я спросил, почему он моргал. «Это,— говорит,— детская привычка».

— Почему же ты не помог ему? Написал бы ответ на вопрос.

Маулен с удивлением посмотрел на Инеш. Ответить он не успел. Подошел Сымбат.

— Что тебе внушал Жолтай?— спросил Маулен.

— Насчет шпаргалки. Профессор увидел, что он подглядывает, отказался принимать экзамен.

— Интересно!

— Что здесь интересного,— вмешалась Инеш.— Товарищ проваливается, а вам одно удовольствие. А если бы вы на его месте... Неожиданности всегда случаются. А товарищам хоть бы что... Разве не обидно.

— По правде говоря, я не обиделся бы,— не раздумывая, сказал Маулен.

— А я бы обиделась, крепко обиделась.

Маулен несколько секунд молча, пристально смотрел на Инеш.

— Сегодня прекрасный день,— сказала она.— Сдали экзамены. Завтра отдых. А у тебя вид хуже, чем у провалившегося... Мне это не нравится. Мы должны пойти или в театр, или в кино. Нет... на каток... хорошо?

Смеясь, Инеш вопросительно глянула на Маулена. Такое предложение не могло не увлечь его, но на этот раз он улыбнулся скорее из вежливости.

22

Асфальтированная дорога прямо и круто уходит в горы. Она блесит и струится, как река. Впереди, в десяти шагах, по асфальту скользит солнечный блик. Он то уносится в сторону, то бежит перед машиной, подобно неразумному зайчонку.

По правую сторону машины — скалы, будто застывшие облака. А слева — струятся и плаваются стеклянные дали, сливаясь в сплошную выцветшую голубизну. Казалось, что там, где небо и земля сомкнулись, волшебная сила вздыбила яростно кипящие каменные волны. По мере того как синяя машина, напряженно гудя, приближалась к отвесным, нависшим над дорогой скалам, они начали расходиться в обе стороны. Дорога вела в широкое ущелье.

Когда на следующем повороте Инеш посмотрела в зеркала машины, города уже не было видно. Вскоре скалы снова подступили к дороге.

— Как легко, как хорошо, Маулен,— сказала Инеш обернувшись.

— Да,— согласился Маулен без охоты.

За поворотом открылось широкое ледяное поле.

Природа щедро одарила это место всеми своими красотою. Высокие горы, окружающие озеро, сдерживали холод, ветер и грязекаменные потоки. Широкая впадина похожа на дно огромного казана. Снизу виден только кусок широкого

неба, похожий формой на раскрытый голубой зонт. В полдень горы на восточной стороне так сверкают, что режет глаза, их вершины похожи на неотшлифованные алмазные глыбы. Из-за гор не спеша выплывает солнце. Оно так ярко, что кусок голубого неба, похожий на зонт, превращается в золотую крышку, закрывающую этот казан. Некоторое время кажется, что солнце стоит на одном месте. Потом оно быстро опускается и исчезает за горой. Долину заполняют причудливые тени, затем темнота, которая, казалось, пряталась, как вор, в горных пещерах, быстро заполняет все. Но веселый шум не смолкает в долине.

Кажется, вся молодежь Алма-Аты к вечеру собирается на высокогорном катке. Вспыхивают в свете электрических огней стальные коньки. Над ледяным полем разносятся звуки радио. А горы, темные и таинственные, слушают человеческие голоса и шум и, кажется, молча дремлют.

Гульшат, Манап и Жолтай были уже здесь, стремительно носились на коньках.

Маулен сразу заметил Ерена Даирова. Тот быстро мчался в густой толпе, держа за руку Заду.

Ерен ласково смотрит на Заду, и девушка отвечает ему улыбкой. Сделав круг, Ерен и Зада развернулись восьмеркой, описали дугу.

И тут Даиров увидел Маулена, снял шапочку и приветственно помахал. Зада, кивнув, понимающе улыбнулась. Инеш потянула Маулена в толпу, торопя поскорее переодеться и нырнуть в общий поток.

«Какая красота! Ах, как хорошо!»— говорило сияющее лицо Инеш, когда она наконец выкатилась — легкая, нарядная.

Заиграл вальс. Молодежь парами закружилась в мягком плавном ритме. Наиболее умелые и опытные принялись выделять на льду замысловатые фигуры. Инеш тоже не прочь показать свое искусство, но Маулен катится напряженно, скованно.

Настроение девушки постепенно улетучилось, брови вытянулись в упрямую линию, движения стали вялыми, ноги ватными. Она нехотя тащилась за неуклюжим партнером. Долго крепилась, но наконец не выдержала, капризно дернулась, стукнула коньком об лед, протянула тоскливо, нудно:

— Как ты скучно катаешься. Мне не хочется так. Надо вот так.— И вдруг преобразилась, вытянулась, рванулась вперед, описала крутую дугу.— Вот так. Поспевай за

мной — лови меня! — и понеслась — задорная, ликующая. Маулен попытался поспевать за Инеш, но почти сразу же безнадежно отстал. С трудом догнал девушку на краю поля, схватил за рукав, грубо притянул к себе, чуть сам не упав и не повалив Инеш.

— Не умеешь танцевать! — с плохо скрытой неприязнью в голосе сказала Инеш Маулену и сошла с поля на обочину. — Посмотри, какая прелесть! Вон та пара... Даже завидно. Ты у меня какой-то неуклюжий. Не буду танцевать с тобой — стыдно. Я не хочу быть посмешищем.

— Пожалуйста, — улыбнулся Маулен.

В это время перед ними появился Муздарапов. Заговорил быстро, захлебываясь:

— Почему вы такие невеселые?

— Так просто, — ответила Инеш и отвернулась.

— Не годится так стоять молодым людям. Идемте на лед.

— Нет, нам лучше здесь! — бросила Инеш.

— Эх, Маулен, Маулен! Ты все действуешь по-солдатски. Не умеешь ухаживать.

Эти слова подзадорили Инеш. Она благодарно взглянула на Жолтая. Точно злой бес вселился в девушку — хочется ей обидеть Маулена, вывести из оцепенения.

— Он у меня деревянный.

Муздарапов поддержал:

— Ты права, что обижаешься на него. Надо исправить этого истукана. У него ложная прямолинейность. Мы не будем спорить, Маулен, о твоей идейности, признаем, что и в отношении знаний ты человек надежный. Что же касается нежности... здесь ты не отличаешься от Кодара¹.

Инеш рассмеялась.

— Правильно говоришь, Жолтай, в точку попал.

Жолтай улыбнулся Маулену и повернулся к Инеш. Сделал изящный реверанс. Пригласил ее. Она с радостью приняла его приглашение. Муздарапов подал ей руку и победоносно выкатился на середину. Скоро они исчезли в толпе. До слуха Маулена донесся звонкий мелодичный смех. Это смеялась Инеш.

Не зная, что делать, он стоял на месте. Мимо него стремительно мчатся пары. Слышны веселые голоса. Маулену больно и тоскливо.

¹ Кодар — герой эпоса «Козы-Корпеш и Баян-Слу», грубый и жестокий человек, не ценящий красоты прелестной Баян.

Вдруг из густой толпы выскользнула девушка и приблизилась к Маулену. Это была Гульшат.

— Ты что тут делаешь? А где Инеш?— спросила она. Карие глаза насмешливы. Локоны, выбившиеся из-под белой вязаной шапочки с помпоном, трепещут на ветру.

Не ожидая ответа Маулена, она потянула его за руку на середину катка.

— Пойдем. Потанцуем.

— Ведь это невежливо так тянуть,— сказал растерянно Маулен.

— Невежливо? — спросила Гульшат удивленно.— Ты считаешь невежливостью такие отношения между товарищами? Идем! — Она вывела Маулена на лед.

— Гульшат,— взмолился Маулен,— я не могу танцевать. Если мы упадем среди толпы — позор. Меня уже бросила Инеш. Не могу...

— Ничего. Не сразу Москва строилась,— легко и просто пошутила Гульшат.— Научисься.

Маулен неуверенно покатился за девушкой.

Гульшат подбодрила его улыбкой:

— Что ты сторонись меня. Ближе. Рядом. Так. Да ты что, Маулен, притворяешься? Говорил, не умею, а сам. Смотри, какие взмахи, какой ход! Да мне за тобой и не успеть. Нехорошо, Маулен. Прикидывался неумехой из вежливости, что ли? Под меня подстраивался, зная что я, действительно, катаюсь не ахти как. Что за новая форма ухаживания. А может, ты ожидал свою партнершу?

— Да нет же,— засмеялся Маулен, ему стало легко и весело с Гульшат.— Говорю тебе честно: я получил отставку. Признан безнадежно бездарным по части конькобежной. Вот и...

— А я считаю: катаешься ты надежно и крепко.

Маулен рассмеялся громче и веселее прежнего, обрел уверенность и действительно, покатился вольно и размашисто.

Обиды как не бывало. Поглядывая с благодарностью на Гульшат, Маулен крепко держал девушку за руку. Круг за кругом, круг за кругом... Хорошо!..

...Домой возвращались в темноте. В машину Инеш попросился Даиров: «Опаздываю на избирательный участок, затанцевался».

Едва уселись, подбежал запыхавшийся Муздарапов, заговорил с нарочитой наигранностью:

— Кажется, есть одно свободное место. Да? К тому же

еще рядом с Инеш. Божественно! А я спешу, весьма кстати. Надо проводить товарища. Но когда танцуешь с Инеш, забываешь о делах земных, уносишься в небеса.

— Садись,— довольно рассмеялась Инеш. Словно туго натянутые струны домбры, голос ее звенит при каждой остроте Жолтая. А тот старается изо всех сил: фразы так и прут из него — не остановить.

Машина тронулась, поток слов Жолтая усилился. Даиров повернулся к Маулену и с подчеркнутой деловитостью заговорил:

— Знаешь, я думаю — тебе полезно поработать агитатором. Завтра на комитете утвердим твою кандидатуру.

— А если я не справлюсь?

— Не справишься? Очень даже справишься.

— Быть агитатором — почетно! — воскликнул Жолтай. — Мы бы это дело провернули, но других дел по горло.

— Если хочешь быть агитатором, можно тебя освободить от других работ,— усмехнулся Ерен.

Жолтай быстро обернулся.

— Стоит ли прыгать с одной работы на другую? Это неудобно.

Вдали засверкали огни города. Подобно далеким звездам, они то меркли, то вспыхивали. С каждой минутой их высыпало все больше и больше.

Неожиданно мотор зафырчал и заглох. Инеш резко затормозила. Машина с визгом остановилась, Даиров и Маулен, сидевшие сзади, уперлись руками в переднее сидение.

Инеш осветила кабину и обернулась к ним.

— Кто из вас разбирается в машине?

Все молчали. Слышался свист холодного ветра, дующего с гор. В ветровое стекло ударяли тяжелые капли дождя.

Инеш почувствовала себя так, будто оказалась одна на этом ветру. Ей не хотелось выходить из теплой уютной машины.

— Нужно заглянуть в мотор. Что-то с зажиганием. Я не могу его исправить. Да и грязно на улице. Ну, кто из вас смыслит что-нибудь в этом?

— Будем, значит, так сидеть, да? — нетерпеливо проворчал Жолтай. — Я пасс, мотор — не моя стихия.

— Надо ждать встречную машину и позвать на помощь какого-нибудь шофера,— предложил Маулен.

Ерен сразу согласился с ним, Муздарапов, отчаянно жестикулируя, заговорил:

— Разве выезжают на такой неисправной машине? Мы

что, в горах будем ночевать? Придется ждать до утра на дороге. Эх, дьявол, ведь я опоздаю.— Он нетерпеливо заерзал. И выскочил вон, когда из-за поворота, сверкая фарами, показалась попутная машина. Жолтай поднял руку.

Встав на крыло остановившейся машины, он о чем-то заговорил с шофером.

— Он не сказку там рассказывает?— засмеялся Даиров. Инеш нетерпеливо поглядывала на Жолтая.

— Иди, Маулен, узнай, что там.

Тот пошел было, но машина двинулась с места. Стоявший на крыле Муздарапов закричал:

— У шофера нет времени. Ну, а у меня спешное дело, я поеду. А вы как-нибудь доберетесь.— И сел в кабину.

— Такого в разведку не возьмешь,— проворчал Маулен.

— Да, его трудно понять— на дню семь пятниц. И себялюбив чрезмерно,— сказал Даиров.— Надо будет погладить его против шерсти.

Инеш раздраженно бросила:

— Не следует делать из мухи слона. Человек очень спешит, видимо, дал слово, боится нарушить, не поспеть.

— Подождем,— со вздохом уклонился от щекотливого разговора Маулен.

Ждать пришлось недолго. Встречная машина без приглашения остановилась напротив, шофер спросил о причине остановки, заглянул под капот и почти тотчас же махнул Инеш: «Включай».

Мотор весело заурчал. Спустя несколько минут маленькая машина юркнула под защиту высоких тополей. Даиров и Маулен молчали. Не заводила разговор и Инеш. Казалось, она была поглощена своим делом. И в самом деле: водить машину вечером по темным и скользким улицам города не так легко, как кажется со стороны.

23

На следующий день Инеш встала рано, хотя накануне долго не могла заснуть, валялась в постели, уставясь в темный потолок. На сердце было смутно, тревожно. Но проснувшись бодрой, веселой.

За завтраком она еще раз прочитала законченную вчера статью. Статья как статья. Что же скажет Бельгигулов? Вообще-то, над ней стоило поработать еще. Прав Маулен, мне следует более вдумчиво вчитаться в Маркса, Ленина... Макан Бельгигулович напирает в основном на специальные

исследования в биологии, а вот философская основа... Общие положения. Чаще всего притянутые для солидности. Ну и ну! А впрочем...

Инеш решительно отодвинула тарелки, встала.

— Ешь, куда ты вечно торопишься! С отца пример не бери. Ешь. Эти оладьи я для тебя приготовила. Ешь со сметаной, пока не остыли. Оставь ты эти бумаги хотя бы за обеденным столом. Ох, беда мне с вами, учеными! Жеребеночек мой, да я...

— Не хочу, мама. Я сыта. К тому же... Потрогай мое сердце. Видишь, прыгает. Это от радости. Вот статья. Захочу, и завтра ее сдадут в набор, в типографии наберут. Напечатают и деньги выплатят. Гонорар. Что тебе купить на деньги, заработанные мною, а?

— Не нужен мне твой гонорар, лишь бы статью напечатали. Там, наверное, напишут твое имя и имя твоего отца.

— Конечно, мамочка. Большими черными буквами...

— Нет, черными буквами плохо, некрасиво. Лучше бы синими или зелеными...

Инеш торопливо начала собираться.

— Появи на шею шарф. День сырой, можешь простудить горло. На улицах не ешь мороженого. Слушай меня, твоя мать тебе плохого не желает.

Инеш тепло оделась и пошла в университет.

На кафедре дарвинизма ее приветливо встретил Бельгигулов.

— А-а... иди, иди сюда, Инеш... Принесла? Закончила? Очень хорошо. Обязательно поместим в этом номере «Записок». Ну, читай. Учла поправки, о которых я говорил?

— Да, учла.

Усевшись за стол, Инеш дрожащим тонким голоском начала читать.

Бельгигулов слушал и смотрел на девушку. Сейчас Инеш показалась ему сотканной из лучей. Дотронься до нее, и она сразу потухнет. Он вздохнул и заметил про себя: «Все-таки эта чертовка красива». Сам того не замечая, подвинулся со стулом поближе к Инеш, достал из кармана аккуратно сложенный платочек и принялся обмахиваться.

Инеш читала и прикидывала, ловя дрожащими ноздрями тонкий и ясный запах: «Красная Москва?» — Нет, «Кристалл». Впрочем, скорее всего «Манон». Но почему духи?

Постепенно голос Инеш перестал дрожать.

Бельгигулов сначала слушал внимательно и иногда

вставлял краткое «хорошо, хорошо», следил за ходом мысли, потом постепенно потерял интерес. Нетерпеливо двинулся на стуле. Потрогал очки, встал и закурил. А когда Инеш начала читать о методе вегетативного скрещивания, он достал из портфеля свежий номер «Огонька» и демонстративно занялся им.

Инеш решила, что ему не нравится статья, и замолчала на полуслове.

— Макан Бельгигулович, я...

— Ничего, продолжай читать, я слушаю, — ответил Бельгигулов. В этот момент Инеш показалось, что написанная ею статья никуда не годится. Неудачные места, спорные ошибочные мысли... «Ох, как всего этого я не видела раньше?»

Когда Инеш закончила читать реферат, в кабинете наступила долгая тишина. Инеш хотела сейчас только одного: справедливой оценки работы.

Бельгигулов хмуро молчал и, казалось, вовсе не собирался ничего говорить. С улицы тоже не доносилось ни звука. На университетском дворе царила томительная тишина. Инеш захотелось заплакать. Но Бельгигулов вдруг засмеялся, сбросил руку со спинки стула, на котором сидела Инеш, и будто невзначай переложил ее на плечо девушки, притянул ее к себе, прижал дружески.

Инеш еще больше смутилась. Бельгигулов потер пальцем лоб, немного подумал и начал очень мягко и вкрадчиво:

— Пусть будет так: к стволу одного плодового дерева мы прививаем ветку другого дерева. Это называется вегетативной гибридизацией. Правильно? И выводим третий сорт. Нравится? Хорошо. Но попробуем этот способ на животных, «прикрепим», скажем, голову свиньи к туловищу барана. Какая получится порода?

Инеш, не очень глубоко разбиравшаяся в дарвинизме и учении Мичурина, не смогла ничего ответить на это и погрузилась. Бельгигулов, внутренне радуясь, что сразу обескуражил капризную девушку, резко заключил:

— Вегетативная гибридизация — это просто миф!

Бельгигулов помолчал, подумал. Печаль на лице Инеш подсказала ему, что цель достигнута и самая пора теперь подхлестнуть самолюбие девушки, поставить всю ее работу в зависимость от него, Бельгигулова. А то чего доброго она вообразит, что все может сама, осознает свои способности и отвергнет его помощь.

— А я уже договорился: первая страница «Ученых записок» должна была открываться твоей статьей. Фамилия и имя: «Даулеткереева Инеш» — жирным курсивом. Неплохо ведь, а? Но над статьей надо еще поработать. Ты ушла немножко в сторону от того, что я тебе советовал. Неужели ты думаешь, что я советую тебе плохое?! Уж я-то знаю, что и как надо подавать в данный момент. Биология — наука очень сложная, в ней нет проторенных путей. До сих пор реальная наука с ее здоровым материалистическим миропониманием с трудом пробивается через дебри идеализма, метафизики и агностицизма. В наших условиях — индивидуализма, субъективизма, вульгарного социологизма. Бывают такие периоды в развитии науки, когда она почти целиком заслоняется личностью. Должностной личностью. Что делать в таком случае?

— Цитировать классиков, — с дерзким вызовом, цепенея от собственной смелости, неожиданно даже для себя сказала Инеш.

Бельгигулов захохотал. Смеялся он на этот раз искренне, натурально. Хохотал долго, заразительно. Инеш не могла долго быть серьезной. Бельгигулов был смешон в своем веселье, и девушка сначала улыбнулась, затем тихо рассмееалась, а потом закатилась смехом.

Смеясь, она вдруг посмотрела на себя со стороны, как бы увидела весь процесс создания своего реферата от начала до конца, и поняла: все это не подлинное творчество, а скорее игра, словесная эквилибристика. Вот Гульшат, хотя и страшно прямолинейна в своем убеждении, но все-таки более определена, целенаправленна и вдохновенна в деле, которому отдала себя.

Осознав это, Инеш еще больше повеселела, будто тяжелый груз сбросила с плеч. Нет, она продолжит начатую работу, но только иначе, как-то по-другому и прежде всего — добросовестнее.

С этой радостной мыслью она и поднялась, с шутливым ожесточением сгребая и засовывая свои бумаги в сумку.

Да, она напишет и напечатает статью. О ней заговорят. Весь университет будет смотреть на Инеш с удивлением и завистью. И первым удивится Макан Бельгигулович.

Наскоро попрощавшись со своим наставником, Инеш, радостная, возбужденная, выбежала в коридор. И — надо же так случиться! — натолкнулась на Гульшат.

— А, Даулеткереева! — воскликнула Аманова с таким изумлением, что Инеш не заметила того, что Гульшат на-

звала ее не по имени.— Готовься. В каникулы пойдем в горы.

— Ой, Гуля, в какие еще горы?

— На Скрам.

— Гуля, что ты!? Зачем мне все это? Ведь я не на туриста в университете учусь.

— На человека!— обрезала Гульшат.— И, пожалуйста, не пытайся увильнуть. Тебе как раз это и нужно. Ты совсем отошла от коллектива. Готовься в поход, и никаких разговоров! Так решили на комитете комсомола.

— Но я же не комсомолка...

— Да, ты «несоюзная молодежь». Тем более тебя почаще надо втягивать в союзные дела. Такова установка комитета.

— Даирова.

— В том числе и его.

— А я не пойду в горы. Ты подумай, Гуля, зачем вам балласт. Если я заболела? А если сорвусь со скалы? Какой ужас! Нет, Гуля, у меня нет времени. Я только что от Макана Бельгигуловича. Он надавал мне советов — ужас! Я решила начатое дело довести до конца. И доведу!

В глазах Инеш загорелось такое упрямое выражение, что Гульшат поняла: не уговорить, не заставить. Она не стала приставать, холодно кивнула головой и пошла.

Так они и разошлись.

24

Не часто в комитете комсомола было так тихо и пустынно, как сейчас. Ерен сидел один за секретарским столом и от нечего делать рассматривал макет университета. Он вдруг вспомнил о недавнем субботнике. Перед глазами всплыл Маулен. Почему именно он, Даиров не мог дать себе ответа, но решил, что парня этого следует почаще втягивать в университетские мероприятия, ибо человек он надежный, серьезный, безотказный. Скоро каникулы, и комитет комсомола должен организовать для студентов настоящий отдых. Не прозябание, а активное дело. Как там у Чернышевского: «Перемена рода занятий есть отдых».

Даиров потянулся и открыл шкаф. Достал маленький блокнот, пригладил обеими ладонями гладкие черные волосы. Некоторое время сидел, упершись лбом о карандаш, затем начал быстро писать.

Перечеркнул написанное, встал. Подошел к окну, раздвинул шторы из белого шелка и выглянул во двор. Блес-

тел голубоватыми отсветами ноздреватый снег. Кое-где из него торчали палки и какие-то металлические предметы. Толпа студентов окружила длинную блестящую машину новой марки, на которой приехал профессор.

Из соседнего корпуса донеслось жужжание электрического звонка. Через несколько минут двор заполнили студенты. Толпа девушек окружала Аманову, державшую в руках хоккейную клюшку. На груди ее сверкнул маленький значок.

«Что за значок у нее?» — подумал Даиров и тотчас догадался: Гульшат прошлым летом вместе с городскими альпинистами поднималась на Талгарский пик и получила значок «Альпинист СССР».

Осененный неожиданной мыслью, Ерен бросился было к двери, но вдруг махнул рукой, вернулся, подбежал к окну, открыл форточку и начал громко звать Гульшат. Девушка, услышав донесшийся откуда-то сверху голос, удивленно остановилась, но затем, увидев в форточке голову секретаря комитета комсомола, громко расхохоталась.

— Аманова, зайди в комитет, быстрее!

В это время проходивший по двору Викентий Викентьевич взглянул вверх, куда смотрели девушки, заулыбался и покачал головой.

— Девушки, — сказал он, — передайте товарищу Даирову, что двери университета находятся на противоположной стороне. — И пошел дальше.

Аманова вошла в комсомольскую комнату и сказала Ерену, что его торчавшую из форточки голову видел секретарь партбюро. Ерен удивленно спросил:

— Он шел по двору?

— Ну да...

— Значит... посмотрел на меня?

— Посмотрел.

— А потом что сказал?

— Потом засмеялся. Покачал головой и просил передать тебе, что двери университета — на противоположной стороне.

— Ну? — Ерен смутился, покраснел. Потом начал оправдываться: — Я боялся, что ты уйдешь... Ты ведь всегда ходишь, как заводная.

Ерен заговорил серьезно:

— Дело я надумал. Поход в горы. Гора Скрам подходит для восхождения? Подходит? Вот мы пойдем на этот Скрам.

Предложение идти на Скрам вызвало у студентов противоречивые толки. Одним из противников похода был Сарыбеков. Длинный, худой, в черных очках. Он выделялся среди студентов своими познаниями. За это его прозвали «энциклопедистом». Он решил отговорить Гульшат от трудного похода. «Могут быть жертвы,— испуганным шепотом говорил он,— бураны, снегопады, дождь, бешеные бури, снежные обвалы, которые сбрасывают в пропасть людей,— вот все, что ожидает альпинистов в зимних горах».

— Без трудностей не бывает победы. В этом и заключается смысл восхождения,— сказал Даиров, когда Гульшат рассказала ему о сомнении Сарыбекова.

На всякий случай Ерен решил зайти к Викентию Викентьевичу и посоветоваться о предстоящем походе. Но, подходя к кабинету секретаря партбюро, он неожиданно вспомнил недавнее замечание о «двери с противоположной стороны» и, растерявшись, остановился, боясь, что старик пристыдит его. Потом нерешительно открыл дверь.

Хотя время было уже позднее, Викентий Викентьевич работал. Услышав скрип двери, он поднял голову и улыбнулся.

— Заходи, заходи, товарищ секретарь,— громко сказал он.

Викентий Викентьевич поднял рукопись, лежавшую перед ним, и неожиданно заговорил о своем:

— Знаешь, философское значение этого наследства безгранично. Оно бьет по теории расизма сильнее артиллерийского снаряда.

Наследство, о котором говорил Викентий Викентьевич,— труды Мичурина. Даиров сразу понял это.

Викентий Викентьевич давно задумал написать монографию о философском содержании наследства Мичурина, много лет собирал материал и в этом году начал ее писать.

Работа предназначалась для студентов биологического и философского факультетов университета.

— Ваш труд очень нужен студентам,— сказал Даиров.— Современные учебники по биологии путаные.

— Отчасти это верно. Учение Мичурина завоевывает общее признание. Неодарвинизм со временем исчезнет без следа.

Даиров нетерпеливо заметил, что было бы лучше, если бы он исчез немедленно.

— Борьба в науке имеет свои особенности. Здесь не машут саблями. Накапливаются факты и...

— Огонь! — закончил Даиров.

— Да, количество переходит в качество, — почему-то со вздохом сказал Добров и отодвинул рукопись на край стола.

— Скорее кончайте свой труд, — попросил Ерен.

— Я и сам очень тороплюсь. Забыл о выходных днях.

— А мы, к сожалению, помним, — виновато покачал головой Даиров.

Добров рассмеялся:

— И правильно делаете. Я вам не пример. Отдых для молодежи — великий стимул. Только надо уметь организовывать его.

— Вот я с этим и пришел.

— Прекрасно, — потер руки Добров и потребовал: — Выкладывай свои соображения.

Ерен рассказал о задуманном походе в горы.

Добров загорелся:

— Только, Ерен, ты, пожалуйста, пошире и поглубже бери. Поход — походом. Спортивные цели — это прекрасно. Свяжись с городским комитетом физкультуры и спорта. Возглавить поход должны мастера спорта. Это — раз. А два... Второе вот что: познание. Отдых плюс познание. Пснял?

— Почти.

— Ну, тогда валяйте. Нарращивайте мускулатуру, но не забывайте о мускулатуре таланта. Наблюдение за флорой и фауной и прочее. Словом — интерес по специальностям. А затем вот еще какие мысли у меня сейчас возникли...

Добров помолчал, потрогал голову.

— Скрам для большинства студентов очень труден для восхождения. Не лучше ли для начала взять вершину Алмалы, а? Давайте оседлаем Алмалы. Подходит?

— Пожалуй.

— Тогда — по рукам.

Секретарь партбюро и секретарь комитета комсомола, профессор и студент, ударили по рукам и расстались очень довольные друг другом.

Через несколько дней наступили долгожданные дни каникул. Погода не подвела страждущих студентов. Свежий, выпавший накануне снег слепил глаза белизной. Вершины гор возвышались в небе гигантскими минаретами. Путь четырехсот студентов лежал по вертикали вверх и

вверх. Впереди — нетронутая снежная целина. Позади — глубокая тропа в снегу.

Сымбат с тяжелым рюкзаком на спине замыкал шествие. Он то и дело с тоской оборачивался назад, думал: «Вот Инеш увильнула, а я не смог. Слабый я, безвольный, надо будет поработать над характером».

25

В урочище Куюк прошлым летом стоял альпинистский лагерь. Здесь и был намечен по плану восхождения первый привал. С этой целью в Куюк была послана разведка — приготовить помещения, подключить электричество.

Когда отряд добрался до привала, уже вечерело. Шум, смех ворвался в долину и огласил безлюдные окрестности. Эхо заметалось в горах.

Студенты орали, визжали, свистели и гукали, наслаждаясь игрой. Куюкская долина сотрясалась от восторженного рева сотен человеческих глоток.

Однако баловство не мешало студентам делать свое дело: тут и там выросли палатки, задымили костры.

Бледное, отдавшее свое тепло солнце, незаметно упало за четкие контуры горных вершин и истаяло, будто головешка, опущенная в воду.

Студенты разбрелись по урочищу. Наиболее рьяные из них принялись за «исследования». Молоденький географ, видимо, первокурсник, с самым серьезным видом измерил толщину снежного покрова, записал данные в толстую тетрадь.

Одна из девушек быстро вскарабкалась вверх по склону горы, подняла над головой маленький, опутанный тонкими проволочками аппарат с вертушкой.

Долго, не отрываясь, глядела на прибор, записала что-то в блокнот, затем спустилась вниз и объявила:

— Анемометр показывает очень слабую силу ветра. Ветер дует с гор. Это хороший признак. Скоро рассеются тучи...

Высокий задумчивый парень, видимо, из кружка молодых художников, не отрываясь, смотрит на причудливое ярко-красное облако, упавшее на скалу. Облако отливает синим и коричневым светом. На лице парня застыло восхищение.

Эта картина увлекла и Сымбата. Глядя вверх, он подошел к парню и сказал:

— Эх, быть бы поэтом! Как бы описал я это чудо!

— Поэт не сможет полностью изобразить это. Быть бы художником и написать картину! Какие чудесные краски! Красные, красноватые, желто-красные, коричнево-красные, зеленоватые, темно-красные.— Он показал на клубившиеся облака:— Обрати внимание, как один цвет переходит в другой! Какие нежные тона! Красками этого не передать. Может быть... подожди... красный... серый, а потом светло-желтый, а? Нет, сине-желтый...

Сымбат обиделся, что тот принижает поэзию.

— Пушкин или Лермонтов описали бы это облако лучше Левитана,— сказал он с оттенком превосходства.

— Нет, не смогли бы лучше описать!

— Смогли бы.

— А я тебе говорю, что нет. Какие ты найдешь сравнения, метафоры для описания всех этих оттенков? Ты не сможешь сравнить это ни с чем! А Левитан все равно нашел бы краски... Пушкин же...

— Пушкин тоже нашел бы слова...

— Какие слова?

— Я тебе говорю, что сумел бы описать эти облака. И, пожалуйста, говори спокойно!— выкрикнул Аскарров. Всегда мягкий и безобидный, обычно избегавший споров, он сейчас готов был спорить без конца, как будто имя Пушкина давало ему какие-то права на это. Высокий парень дружелюбно рассмеялся.

— Быть бы художником!

— Быть бы поэтом!

Они посмотрели друг на друга и без слов поняли друг друга.

— Талим Бакшаев — студент художественного института,— отрекомендовался высокий джигит...

* * *

Даиров учредил строгое дежурство и ревностно следил за этим. Маулену досталось дежурить ночью. Одевшись, он вышел наружу и увидел, что в щели маленькой палатки, запорошенной снегом, пробивался свет. «Почему они не спят?»— подумал он и вошел в палатку. На полу, на спальном мешке сидела тепло одетая Гульшат и читала книгу.

— Гульшат, надо спать. Вся сегодняшняя философия лишь в одном слове — отдых,— сказал Маулен.— Что ты

читаешь? А, история альпинизма. Захватила с собой все-таки. Тяжелая книга и, должно быть, интересная. И все-таки — спать, спать, спать... Таков строгий приказ руководства. Не обрекай меня на наказание, прошу тебя.

Гульшат притворно вздохнула и улыбнулась. Ей нравилась заботливая настойчивость Маулена. Как далеко до родного очага, никогда уже не испытать приятного бремени родительской опеки!.. Если бы кто-то всегда беспокоился так вот о твоём отдыхе, завтрашнем дне!..

Гульшат еще немножко пококетничала и влезла в спальный мешок. Маулен не уходил до тех пор, пока не убедился в искренности намерения девушки. Для верности он сам завязал шнурки мешка у шеи, деловито осветил фонариком лицо, пожелал спокойной ночи. Гульшат блаженно сощурилась.

Маулен долго стоял посреди лагеря, оглядываясь по сторонам. Вязкая тишина упала в долину. Горы, молчаливые и величественные, спали, как и люди после трудного дня, — крепко и глубоко...

Утром чуть свет долина Куюк взорвалась молодыми голосами. День удавался на славу, и буйной радости восходителей не было предела.

Даиров с трудом навел относительный порядок. Спортивный руководитель похода, мастер-альпинист, еще раз уточнил по карте маршрут восхождения. Решено было идти не по руслу реки, а напрямик, пересекая Малую Алматинку, что значительно сокращало путь, хотя и было несколько труднее. Сколотили группы, отсевая наиболее слабых, сдавших уже во вчерашнем переходе. Не обошлось без споров, криков, обид и даже слез.

Наконец цепочки студентов покинули ночлег. Сразу же пришлось брать приступом крутой склон. Подъему мешало обледенение. Подтаявший снег в расщелинах, горные ручейки, скованные морозом, тонкой ледяной коркой покрыли камни. Идти было скользко.

Горы на солнце сверкали будто алмазные. Тут и там провисали гигантские сосульки, разбрызгивая серебро и синь. Небо стояло синей стеной за пиком Скрам.

Ерен Даиров на правах начальника похода шел впереди передовой группы.

Вскоре подъем замедлился. Стало ясно, что обледенелый склон не одолеть наскоком. Пришлось выдалбливать ямки для упора ног и передвигаться вверх методом траверс, в иных местах почти ползти, карабкаться.

Ведущие все время менялись. Пришлось уступить место и Ерену. Постепенно каждый из цепочки побывал ведущим и замыкающим. Движение студентов напоминало вращение гусениц трактора.

Первую вершину межгорья одолели к одиннадцати часам. Объявили короткий отдых. Студенты присели на холодные камни, где кто стоял, оглянулись.

Впереди лежали новые, более крутые склоны, и при виде их пройденный путь становился ничтожным.

Яркий свет резал глаза. Свежо, ясно и чисто было вокруг. Прямо за ущельем начинался крутой подъем. Горы, горбясь, уходили вперед и ввысь, кончаясь вершиной Скрама. А перед ней, будто сторожевая башня, стоял пик Алмалы.

Спустившись в распадок, альпинисты некоторое время поднимались вверх длинным и глубоким ущельем. Оно быстро сужалось, становилось с каждым шагом сумрачнее. И вдруг путь преградила отвесная скала. Русло реки, сдавленное с обеих сторон, ушло вниз. Два утеса по обеим сторонам его образовали узкие ворота, которые, кажется, вот-вот захлопнутся. Солнце на мгновение бросило свои лучи в узкое ущелье и сразу исчезло. Холодно и темно. Несмотря на свирепый мороз, влаги много, стоит неприятный запах гнили. Огромные валуны преградили путь воде, пробившей русло в крепчайшем граните. Поток бьет белой пеной в высокий отвесный правый берег, поросший арчей. Вода бешено бросается на камень и бессильно откатывается назад. Взлетают белые хлопья пены, похожие на летних бабочек, вихрится жемчужная пыль.

Ведущим шел Манап Балгабаев, отлично владевший техникой скалолазания. Его сменил Маулен. Надвинув защитные очки, он повел людей к водопаду.

Дорога прервалась. Белый валун, величиной и формой напоминающий юрту, застрял, как клин, между двумя скалами. Казалось, две стены не сомкнулись, как ворота, только из-за того, что между ними торчит этот конусообразный белый камень.

У места падения воды кружится неистовый вихрь, способный свалить человека с ног. Альпинисты только сейчас поняли, какие силы порождали движение холодного воздуха.

Вода напоминает жидкую струю свинца.

Ерен не долго любовался дикой красотой:

— Будем искать выход из тупика. Сегодня мы должны добраться до штурмовой базы. Вперед, друзья!

— Вперед — закричал Муздарапов.— Подальше от этого безобразного чудища — он портит мне настроение.

Манап поскользнулся и чуть не упал, едва удержавшись за каменную стену.

Маулен подошел к клиновидному камню и, воткнув в голубой лед железный кол с кольцом, начал забивать его ледорубом. Засверкали длинные искры, будто от точильного диска.

— Даже железо не входит в камень, хорошо бы вернуться обратно,— прошептал стоявший сзади всех Сымбат.

Пятеро студентов под руководством Манапа, вбивая в отвесную стену железные гвозди, поднялись наверх, срубили и спустили вниз десяток елей. Стоявшие внизу связали их канатами и соорудили длинную лестницу. Все по очереди поползли по ветвистым деревьям, держась за веревку.

...Еще один перевал позади. Впереди лежала широкая долина. Сразу же за грядой над ущельем поднималась Алмалы. Предстояла переправа через бешеную горную речку.

Горячие головы предлагали идти вперед. Но опытный инструктор сказал, что выше по течению потока может быть ледяной мост, по которому и удастся переправиться.

Ерен подал команду, и цепочка поползла по прибрежным камням.

Действительно, вскоре студенты добрались до ледяного свода, повиснувшего на восьмиметровой высоте над кипящей водой.

Сразу же была определена толщина льда в своде.

И разгорелся спор, какую тяжесть он может выдержать.

Шум поднялся такой, что пересилил грохот горного потока. Инструктор, отдыхая, выслушал всех, а затем, переглянувшись с Даировым, заключил:

— Свод выдержит слона, не только студента. Кто желает пойти первым?

Гульшат сразу же выпорхнула вперед на том основании, что имела значок альпиниста. Но ее осадил Даиров.

— Гульшат, не спеши.

— Почему?

— Просто потому, что это дело поручено Маулену. Порядок есть порядок.

Довод был основательным, и девушка отступила назад.

Маулен обвязал себя веревкой и осторожно пошел по льду. Стоявшие на утесе студенты другой конец веревки привязали к ближайшей ели и постепенно травили ее. Мау-

лен по-пластунски медленно пробирался вперед. Поверхность льда напоминала шахматную доску. Черные провалы в голубоватой корке льда чередовались с белыми полями. Внизу в мрачной глубине, с глухим зловещим гулом металась среди обледеневших валунов вода мутно-серого цвета. Эта вода без блеска, холодная, мертвая, вселяла в сердце страх.

От гула и грохота покалывало в ушах. Превозмогая гнетущий страх, крепко держась за аркан, Маулен полз тихо и осторожно, распластавшись на скользком льду. Наконец он добрался до противоположного берега. Там, привязав конец аркана к выступу скалы, передохнул и закричал что есть мочи:

— Переходите! Переходите по одному. Телом наваливайтесь на канат.

Окрестные скалы дробили и ломали голос Маулена, бесконечно повторяя: «Пе-ре-хо-хо-хо»...

Цепляясь за туго натянутый канат, Муздарапов пополз по льду. Он крепко зажмурил глаза. Вдруг колено его попало в ледяную яму. Источенный ветрами и водой, лед в этом месте был хрупким, и рухнул вниз, в ревущую реку. Муздарапов повис. Вода окатила его ледяными брызгами.

Веревка выскользнула из-под мышек. Муздарапов судорожно вцепился в нее руками. Он неуклюже барахтался и кричал. С каждой секундой тело цепенело от холода. Волны окатывали его и бросали из стороны в сторону. На берегу всполошились:

— Держись крепче за аркан! Ползи вперед! Ступай ногами на лед!

Но Жолтай с перепугу одеревенел. Ноги не слушались его, пальцы впились в канат намертво. Слабым, обреченным голосом он запищал:

— Умираю... Погибаю...

Его не услышали.

Маулен понял, что Муздарапов обречен. Страх лишил Жолтая рассудка и сил. Малейшее промедление приведет к гибели товарища. И Маулен, не колеблясь, бросился на выручку. Подобравшись по канату к Муздарапову, он, строго глядя в его остекленевшие глаза, отчетливо и громко приказал:

— Не делай никаких движений без команды. Не хватайся за меня. Слушай, что буду говорить. Исполняй то, что скажу. Понял? Иначе погибнешь...

Жолтай закивал головой. Бледное, как полотно, лицо его было безжизненным.

Маулен вплотную подобрался к Муздарапову, повис под ним и обвил ногами за туловище, взял в «клещи». И крикнул властно:

— А теперь перебирай руками по канату, двигайся вперед. Я тебя поддерживаю. Ну, смелее!

Но Жолтай не решился или не мог разжать пальцы. У Маулена не было времени для раздумий. Видя, что Жолтай не шевелится, он потянул его за собой, точно бревно.

Жолтай был тяжел, его вес как бы увеличился, едва мужество оставило его.

Студенты замерли, боясь криком помешать Маулену. Но вот он коснулся головой ледяного нароста, десятки рук подхватили его под мышки и вместе с Жолтаем вытянули на берег.

Маулен разжал ноги, и Муздарапов откатился в сторону поленом.

Студенты заорали «ура» и подняли Маулена на руки. Принялись качать его, подбрасывая высоко над головами.

Гульшат, прижав побелевшие кулачки к горлу, с замирающим сердцем следила за полетом Маулена. И хотя она была радостной, но страх за Маулена, пережитый ею мгновение назад, останется с нею, вероятно, надолго, может быть, на всю жизнь.

Через полчаса студенты двинулись. Жолтая поставили в середине, и он послушно поплелся вперед. Спортивный костюм уже не сидел на нем так щегольски, как перед переходом через горную реку.

Штурмовая база была уже близко. Впереди по-прежнему высился Скрам. Солнце опустилось, стало багрово-красным, косые лучи его скользили по выступам скал и медленно таяли. Наступили серые сумерки. С предгорий подул ветер. Снежная пыль завихрилась, со свистом помчалась куда-то, потом сразу взметнулась вверх... Начался буран. Горы и солнце потускнели, потом исчезли из виду. Белая непроницаемая завеса закрыла все. Студентам казалось, что они падают в какую-то пропасть, окутанную белым саваном, не имеющую ни конца, ни края.

Передние столпились. Инструктор уточнил по компасу направление движения и сказал, что наступил очень опасный момент и что надо крепче держаться друг за друга.

Буран перешел в неистовую метель. Свистящий ветер пронизывал насквозь. Казалось, что за шиворот сыплется мелкий песок.

Студенты перестали видеть друг друга. Теперь только канат связывал их. Шли тесно.

Аскарлов совсем приуныл. Физически он почти не устал, но душа его еле держалась в теле. «Разве это туризм,— думал он уныло.— Это настоящий альпинизм. И будет несправедливо, если нам не зачтут такой поход».

Один за другим сдавали наиболее слабые. Все чаще спотыкалась и падала Зада Касымова. Ее заботливо оберегал Манап Балгабаев. Парень держался молодцом, хотя и не шутил с прежней беззаботностью.

Жолтая поддерживали трое наиболее выносливые из студентов.

Из девушек только Гульшат не сдавалась, шла вперед с полной выкладкой, отказывалась от помощи парней.

Буран продолжал бесноваться. Был, плакал и хохотал ветер, не давал смотреть, забивал глаза колючей порошей.

И все-таки Гульшат сумела вовремя заметить опасность. Остановившись, она пристально вгляделась перед собой. В двух шагах от нее прямо на пути вырисовывалось что-то темное, похожее на шкуру козла. Девушка решила было, что это труп замерзшего зверя, но тотчас отступила, поняв, в какую ловушку чуть не попала.

— Пропать! — крикнула она, обернувшись к позади идущим.

Над черным провалом, точно над колодцем, крутился снежный столб. Будто гигантский бурав ввинчивался в землю, увлекая за собой снежную пыль.

Инструктор и Даиров приблизились к черному провалу и огляделись. Кто-то поднял камень и бросил в пропасть. Звука падения никто не услышал. Быть может, его заглушил ветер. Инструктор решил удовлетворить любопытство студентов, придвинул к краю провала большой камень, посмотрел на часы и засек время. От толчка ногой камень полетел вниз. Только через полминуты донесся глухой удар.

— Примерно пятьсот метров,— сказал инструктор, считав глубину колодца по скорости падения камня.

Колонна свернула направо, обогнула опасный участок. Вскоре вошли в лес. Штурмовая база находилась в этом лесу. Остановились в ельнике. Здесь было тихо, нет ни ветра, ни бурана. Лишь верхушки деревьев качались, напоминая о пережитом и преодоленном.

Туристы разбили палатки, развели огонь, сварили ужин. Жолтай был совсем плох. Кое-как его накормили и уложили спать.

На рассвете проснулись бодрыми. Не поднялся Муздаратов. Около пятидесяти человек отказались идти дальше. Они до этого не бывали в горах и с трудом переносили высоту. Всех их оставили с лишними вещами на базе.

Выходя из лагеря, студенты встретили группу альпинистов, направляющихся на Скрам. Альпинисты подробно рассказали о прилегающей местности. Оказалось, что в скалах Алмалы вбиты гвозди. При необходимости можно было их использовать.

Студенты разделились на два отряда. Одну группу возглавляли Ерен и инструктор. Они решили штурмовать Алмалы с правого склона. А вторая группа, во главе с Мауленом и Гульшат, пошла прямо. Встреча групп назначалась на вершине.

Скоро лес поредел. Впереди были голые скалы.

— Лес прекратил наступление. А мы...— сказал Маулен.

— Наше наступление только начинается!— крикнула Гульшат.

Буран сменился туманом. Скалы потонули в белом мраке.

За лесом склон был усыпан острыми красными камнями. Каждый метр давался с трудом.

Постепенно туман поредел, но с противоположного склона подул ветер и снова начался буран.

Вершина, к которой подымалась группа Маулена и Гульшат, скрылась в белой круговерти. В лицо хлестали острые льдинки. Тела стыли от холода и напряжения, руки деревенели.

Для отдыха выбрали маленькую площадку. Укрыться от ветра было негде. Казалось, ветер дул сразу со всех сторон.

Маулен вбил в щель крюк и к нему привязал канат. Студенты сгрудились, не выпуская из рук веревки. Гульшат сняла с плеч тяжелый рюкзак и опустила рядом с собой. Она не успела отнять руки от ремней, ветер подхватил рюкзак как шар и унес в темную бездну.

Найдет ли рюкзак нового хозяина? Или будет носиться по ветру как метеор?..

Не шутки ради пришли такие мысли в голову Гульшат. И в самом деле, приземлившись на плоском каменном пятачке среди камней над обрывом в вихре, вое и мраке не

напоминали ли студенты затерянное в безжизненном пространстве скопление осколков неведомой планеты?.. Во всяком случае, многие из них чувствовали себя так, словно попали в ад, из крошечной тьмы которого нет выхода.

Пора было двигаться дальше. Маулен подал знак. Студенты, бережно поддерживая друг друга, оскальзываясь и падая, двинулись вперед.

В назначенном месте группа Маулена соединилась с отрядом Даирова. Сколько было радости! Будто сквозь безвременье прошли студенты ради этой встречи.

Едва улеглись взаимные приветствия и разговоры о пройденном, как взоры всех вновь устремились к вершине — конечному пункту похода. Пик Алмалы стоял недвижно и холодно в призрачной вышине. Не подвластная времени, не поддающаяся ни холоду, ни жаре, ни дождю, ни снегу стоит гора голо и немо над вечным движением и покоем. Мечутся вокруг нее вихри снежные, воеет ветер, а она не видит, не слышит, не чувствует ничего. Серебряная и крутая, клином вошла она в выцветшее небо.

Буран внезапно прекратился, снег осел пылью на черные скалы, прояснились дали, выглянуло расплющенное холодное солнце.

Ерен, задумавшись, смотрел на Алмалы. Сомнение раздирало его.

Голые без снега камни, казавшиеся сначала красно-коричневыми, теперь переменили окраску, став зловеще красными.

Беспорядочно торчат они тут и там, казалось, готовые обрушиться вниз от одного громкого крика.

Это насторожило и обеспокоило Ерена. Он поделился опасениями с инструктором.

— Не надо бояться. Если посмотришь внимательнее, то увидишь на всех камнях вбитые железные крючья. Они здорово помогут нам. Конечно, надо быть осторожными.

Бакшаев, споривший с Сымбатом на базе, предложил:

— Давайте вернемся. Не стоит испытывать судьбу. Как мы взберемся туда?

Гульшат взглянула на него и проговорила громко:

— Нет, мы не вернемся с полдороги. Надо достигнуть цели. Тот, кто боится, может остаться. А мы идем!

— Идем! — откликнулись студенты.

Даиров улыбнулся:

— Хорошо, товарищи. На разведку впереди пойдут вместе с инструктором Гульшат, Маулен и Манап.

Четверка смельчаков пошла на штурм пика. Отыскав в отвесной скале расщелину, заскользили по ней вверх. Инструктор внимательно осмотрел её и, размахнувшись, забросил петлю на торчащий из скалы железный гвоздь. Натянув веревку, проверив прочность зацепа, он подал команду:

— Вперед. Не разговаривать, не отвлекаться. Следите за моими знаками. Исполнять указания беспрекословно.

С этими словами он ухватился за веревку и начал подниматься по отвесной стене. Взбирался медленно, оглядываясь и подавая знаки ведомым.

К заходу солнца четверке удалось подняться вверх метров на сто. Быстро потемнело. Достигнув небольшого выступа, посоветовались, прижавшись друг к другу.

Инструктор сказал:

— На сегодня хватит. Спускаемся вниз.

— Разрешите, я останусь здесь, а вы втроем спускайтесь, — неожиданно предложила Гульшат.

Маулен и Манап удивленно уставились на девушку.

— Ничего удивительного. Я переночую здесь, только обмотайте меня веревкой. Зачем лазить попусту туда и обратно. Откровенно сказать, я очень устала.

Маулен покачал головой:

— Тогда остаемся здесь все. Или спустимся все, отдохнем, а завтра по знакомой дорожке...

— На уступе вчетвером так вот не простоим всю ночь. Опасно, — перебил его инструктор.

— Конечно, четверым опасно, — подхватила Гульшат. — Лучше я переночую здесь, а вы спускайтесь. Оставьте мне термос, горячего чайку попью — вот и не замерзну.

Девушка проговорила все это таким тоном, словно не просила, а приказывала. Маулен заглянул в ее глаза. Гульшат была серьезной. Парень ощутил ее близость так остро, как никогда раньше. Маулен нашел руку девушки и крепко пожал ее.

Инструктор коснулся плечом поочередно Маулена и Манапа, получил их согласие и кивнул головой:

— Хорошо. Оставайтесь, Гульшат.

Без лишних слов он обвязал девушку веревкой. Манап вручил ей термос. Маулен протянул бутерброд и пригрозил совсем, как маленькой:

— Смотри, не замерзни!

— Не замерзну! — пообещала Гульшат доверчиво. Маулен показался ей близким и в то же время страшно дале-

ким, недостижимым. Вот он сейчас спустится вниз, а ей будет одиноко. Но ведь его не трогают ее переживания. Да, но все-таки в нем много нежности.

Она ждала, что он положит на ее плечо руку и скажет что-то хорошее и доброе. Но Маулен ничего не сказал, не положил руку. Она вспомнила Инеш и поняла, как та, другая, дорога этому парню! В Гульшат сразу что-то опало, свернулось и увяло. Она чуть отстранилась от Маулена. А он кивнул ей и вдруг опустился куда-то вниз. Ниже и ниже... И вот уже голова его мелькнула под ее ногами.

Девушка поняла, что ребята уходят, подняла руку и бодро помахала на прощание. Маулен крикнул на прощание:

— До утра!

Потом они утонули во мраке, будто опустились под воду, и девушка осталась одна, почувствовала себя свободно и легко. Все-таки трудно быть мужественной на глазах мужчин. В присутствии мужчин женщине всегда хочется быть женщиной. И только.

Ерен, узнав, что «трое молодцов» оставили «одну девушку» на ночь где-то «у черта на куличках», пришел в ярость, пригрозил наказанием.

— Если у вас есть комсомольская честь... то сейчас же спустите Гульшат. Иначе — выговор!

— Мы сейчас не сможем добраться туда. Но если бы и смогли, ты же знаешь упрямый характер Гульшат. Она не пойдет. А если ты считаешь, что мы нарушили наш комсомольский долг, то мы поднимемся обратно и останемся там, — заявил Маулен.

Ерен, ярость которого постепенно утихла, увидев, что парни готовы снова лезть на гору, начал подробно расспрашивать, где осталась Гульшат, кто забил кол, как привязана веревка...

Маулен долго не мог заснуть. Только закроет глаза, как сразу видит падающую с высокого утеса Гульшат, испуганно вздрагивает, долго лежит с широко открытыми глазами. Кажется ему: что или крюк выскочил, или веревка порвалась. Вдруг до его слуха донесся пронзительный крик падающей Гульшат. Вздрыгнув, он поднялся. И до самого утра больше не заснул.

— Ты тоже не спишь? — повернулся он к лежащему рядом с ним Манапу.

— Кажется, я проснулся, чего-то испугавшись во сне. Глаза совсем не смыкаются. Кто-то кричал?

Маулен пододвинулся к Манапу.

— Да, я вроде слышал человеческий крик.

— Я тоже, кажется, слышал.

Маулен еще больше перепугался. Оба молча лежали, глядя друг на друга. Потом встали, бегом побежали к скале.

Темная глыба высилась над ними, пропадала в темноте.

— Гуля-я-я!— закричали они разом, хотя и знали, что их голоса не донесутся до нее. В безмолвной и страшной, как могила, ночи их голоса тонули где-то вдали, вязли. Никто не ответил им, лишь ветер шумел, свистел и плакал.

Это еще больше испугало их.

Они начали торопливо ощупывать подножье скалы.

— Веревки нету,— испуганно произнес Маулен.

— Она же должна быть здесь,— зашептал Манап.

В тревоге прошла эта длинная страшная ночь. Когда на востоке проступила узкая светлая полоса зари, зоркий Манап первый заметил Гульшат. Она помахала ребятам рукой. Оба восторженно закричали «Ура!» Гульшат сбросила вниз конец веревки.

— Вот проклятая баба!— восторженно проворчал Манап.— Ведь она нарочно подобрала веревку, чтобы мы не смогли до утра сомкнуть глаз в тревоге.

— Да нет,— засмеялся Маулен.— Она просто боялась, что Ерен пошлет нас к ней. Она хотела, чтобы мы отдохнули. И не ее вина, что мы, два дурака, ползали у подножья скалы всю ночь. Не девушка — кремь!

На этот раз подъем дался легче. Через несколько минут инструктор, Маулен и Манап оказались на уступе, где была Гульшат.

Парни накормили девушку бульоном, напоили горячим чаем. Только убедившись, что Гульшат весела и бодр, полезли выше.

Чем выше, тем труднее становилось подниматься. Давала знать усталость. Гульшат осунулась. Маулену казалось, что девушка за одну эту ночь стала взрослее.

До вершины рукой подать, а добираться туда пришлось долго. Только когда солнце поднялось над хребтом, смельчаки достигли высшей точки Алмалы.

Для инструктора восхождение на Алмалы было обычным явлением, но и он радовался за новичков, за то, что пока все обошлось благополучно, не было ни увечий, ни жертв.

С молчаливого согласия парней укрепить на вершине голубой флаг с белым голубем доверили Гульшат. Она сделала это тщательно, очень серьезно. Флаг развернулся по ветру, лучи разгорающегося солнца пронзили полотно и оно зарозовело, заголубело.

Студенты на штурмовой площадке запрыгали, подбросили вверх шапочки. Казалось, внизу больше радовались победе, чем наверху.

Снизу хорошо были видны стройные фигуры у развернутого флага: они застыли, словно изваяния. Было патетично и торжественно. Знамя мерно колыхалось, меняло цвет и форму. И казалось, что маленький голубь с зеленым листом оливы в клюве летит вперед и выше, к солнцу.

26

Ерен усадил Маулена на диван и принялся нетерпеливо расспрашивать:

— Ну, рассказывай все по порядку. Как справился? Как слушали? Какие вопросы задавали?

Маулен ответил неуверенно:

— По-моему, вышло ничего. Словом, неплохо. Слушали внимательно.

— А вопросы были?

— Нет, не задавали. Видимо, все и без того понятно и ясно.

Даиров сокрушенно покачал головой, вздохнул:

— Это плохо, Маулен, Если вопросов не задавали, значит, беседа пришлась не по вкусу: остались равнодушными, думали об одном — скоро ли кончится... Просто рабочие тебя пожалели.

— Может быть,— согласился Маулен. Он был уверен, что первую свою беседу провел сносно.— Я все сказал, что задумал. Ничего не пропустил, говорил ясно и громко.

Ерен прищелкнул языком:

— Тот, кто постоянно ясен, тот, по-моему, просто глуп. Это Маяковский сказал, не сердись. Зазубрить материал и продекламировать его с трибуны — дело не хитрое. А надо было так вести беседу, словно ты не учишь, а спрашиваешь у людей о жизни, делах, труде. Не следует держать себя официально в таких случаях. Хорошо бы вызвать слушателей на дискуссию, вместе с ними подумать, поразмыш-

лять над вопросами. Понял?.. Ну да ладно — первый блин комом. А вообще, ты молодец.

Маулен ушел от Даирова в хорошем настроении. Он был доволен и советами и критикой секретаря. И особенно тем, что тот принял к сердцу его агитаторское крещение. Теперь он и сам понял, что не нашел нужных слов, не в том ключе вел беседу с рабочими. Нет, так проводить беседы нельзя. Стыд и срам.

Он не заметил, как оказался на трамвайной остановке, и не сразу догадался, что это его окликает чей-то тонкий, очень знакомый голос.

Обернувшись, чуть ли не столкнулся с подбежавшей Гульшат. Первая мысль: «Не обиделась ли, ведь, кажется, догоняла меня, а я ничего не слышал, не реагировал? Остолоп!»

Но девушка смотрела открыто и доброжелательно, заговорила весело и просто, дружески. Вот Инеш... Та бы упрекнула, надула губы, сказала без обиняков: «грубый».

Гульшат — настоящий товарищ. В походе на Алмалы раскрылся ее смелый характер, простота, трезвость суждений и поступков. И в то же время — обаяние, изящество, какая-то милая непосредственность...

Ах, если бы всем этим обладала Инеш!..

Трамвай долго не подходил. Гульшат взгляделась в лицо, предложила:

— Что-то случилось на линии. Пойдем пешком, а то здесь проторчим час.

— Правда, пойдем, — ответил рассеянно Маулен. Непонятная грусть завладела им. Девушка заметила это, спросила:

— Маулен, почему ты такой грустный?

— Я? Да нет, Гульшат. Это я после... Ерена. Он меня отругал.

— За что?

— Плохо провел беседу. Я же агитатор теперь. И, действительно, я был плох. Очень плох. Ораторствовал. Не надо было пророчествовать.

— Это хорошо.

— Что «хорошо»?

— Да то, что ты понял. Многие этого не понимают, до конца жизни.

— А-а-а...

Только теперь Маулен увидел, что Гульшат несет в руках объемистую сумку, наполненную явно чем-то тяжелым.

Парень покраснел и с торопливой запоздалостью ухватился за ремешок, потянул к себе.

— Дай мне... Извини, не заметил...

— Ничего,— Гульшат отстранилась, улыбнулась, поняв, что Маулен досадует на себя...— Если бы было тяжело, сразу и попросила бы помочь. Не стала бы ломаться — ты же сильнее меня, вот и пользуйся этим с полной отдачей.

Маулен засмеялся, ему стало хорошо и легко.

Незаметно подошли к общежитию. Обогнули здание и очутились перед огромным карагачем во дворе. И будто из-под него вынырнуло вдруг знакомое темно-синее драповое пальто с бобровым воротником. Только у Инеш было такое пальто — броское, нарядное. Да, это она и есть, Инеш! Вот уже и брови свела в одну линию...

Инеш увидела Маулена и Гульшат и даже приостановилась. Но не показала вида, ничем не выдала себя, хотя и подумала: «Я его ищу, а он гуляет по городу с какой-то...»

С веселой беззаботностью сказала то, что думала, но совсем иным тоном:

— Я вас ищу, а вы... Ну и ну!.. А я из терпения вышла. Собралась вот уходить. Хорошо, что встретила!

Инеш была слишком оживлена, и Маулен догадался о ее чувствах. Только Гульшат ничего не заметила. Или сделала вид?

— Не «вас», а «тебя»,— поправила она подругу.— Ты искала Маулена, а я тут с ним разгуливаю, задерживаю.

Откровенность и прямота Гульшат обезоруживали Инеш, делали ее беспомощной и жалкой. В таких случаях лучше всего быть веселой и простой. Инеш так и поступила: взяла под руку Гульшат, затараторила:

— Ай, Гуля, ты невозможная! Но ты не угадала на этот раз. Я к тебе — как это ни печально для тебя. Но не бойся — не с нагрузкой. Просто мне весело и хорошо. Пришла пригласить тебя в театр. У меня груз с плеч свалился.

— Наверное, ты о статье?..

— Ну да! Именно об этом.

Инеш, не глядя на Маулена, заговорила о своей статье. Она вновь пересмотрела реферат. Исправила то, что забраковал Бельгигулов. Добавила все, что он счел нужным.

Она только сегодня — совсем недавно! — была у Бельгигулова и еще не освободилась от впечатления хорошей встречи с преподавателем.

Макан встретил ее, как родную, у самых дверей — она не успела нажать на кнопку, а он уже стоял на пороге и приглашал в дом. Помог снять пальто, провел в комнату.

— Статья готова? Вижу по лицу: готова! Это прекрасно.

Чистота и тишина квартиры Бельгигулова живо напомнили Инеш собственный дом. Казалось, что большинство вещей расставлено в доме по ее советам. Висевший на стене портрет Макана тоже, безусловно, был на своем месте. «Именно здесь должен висеть портрет,— заключила Инеш.— Как я не заметила этого в первый раз. Если бы Маулен имел такой же тонкий вкус!»

— Ну, читай, послушаем,— попросил Бельгигулов.

Инеш читала спокойно, неторопливо. Макан смотрел на нее смеющимся взглядом. Когда она кончила, потер руки и не без самодовольства сказал:

— Макан не ошибся. Макан знает, у кого талант. Очень хорошо. Наверное, до сих пор ты не бралась всерьез за работу. В статье есть центральная, объединяющая все мысли. Молодец. Очень хорошо! Теперь — в печать.

Переполненное счастьем сердце Инеш ликовало. Чтобы поделиться своей радостью, она отправилась в общежитие к Маулену.

И вот, словно боясь, что Маулен и Гульшат не поймут ее, она снова и снова объясняла то, что сделала.

Однако, к удивлению Инеш, Маулен не проявил особенного восторга.

— Очень хорошо, что напечатают,— спокойно одобрил он. Зато Гуля радовалась за двоих:

— Желаю, чтобы вышла хорошая статья, Инеш.

— Ой, спасибо, Гулечка!

— Ну, а в вопросе об изменении наследственности ты, очевидно, руководствовалась работами мичуринцев?

Инеш на минуту замялась и уклончиво заговорила:

— Ой, Гуля, разве здесь место для дискуссий. После поговорим об этом, а сейчас я пришла пригласить вас в театр...— Она ласково посмотрела на стоявшего с безразличным видом Маулена.— Почему молчишь? Или тебе не хочется идти со мной?

На лице Маулена появилось жалкое выражение.

— Инеш, я так рад. Но все-таки... знаешь... я думаю, что сегодня не смогу пойти в театр. Сделаем так: пойдем послезавтра... хорошо?

— Послезавтра?!— Инеш холодно и вопросительно взглянула на Маулена.— Нет, пойдем сегодня.

— Инеш, пойми, у меня завтра беседа. Я должен к ней подготовиться. Первая не удалась. Я не хочу...

— Какую тебе нужно подготовку? Открой газету и читай. Все равно они ничего не понимают.

— Нельзя так думать.

Инеш обиделась, погрузилась. Он не придавал значения тому, что она закончила наконец статью, потребовавшую такого длительного труда.

— Маулен, ты должен понять...

— Понимаю, но не могу же я идти неподготовленным. Тогда лучше вовсе не ходить.

— Ну, хоть раз не пойди.

— Нельзя, Инеш, люди будут ждать меня.

— И впрямь неудобно заставлять многих ожидать себя,— заступилась Гульшат за Маулена.— Пусть он сегодня готовится. Ну, а я вечером свободна. И готова, если хочешь, отправиться с тобой хоть на Северный полюс. Только переоденусь. Идем.

Инеш посмотрела на нее с плохо скрытым презрением. «Что она меня за дурочку принимает, что ли?» Но Гульшат сделала вид, что не замечает холодного взгляда подруги. Девушка боялась, что Маулен не выдержит, пойдет на пятую, и постаралась побыстрее увести Инеш к себе.

Ей это удалось. Когда Маулен скрылся в подъезде, обескураженный и печальный, Гульшат испытала такое чувство, будто ее покачали в люльке, где очень удобно и тепло. Она была счастлива от того, что сумела остаться наедине с Инеш.

Инеш же думала о другом. И, странно, сердилась не на Гульшат, а на Бельгигулова, на свою занятость, на всех на свете. Только не на себя. В основном же — на Маулена.

Ах, люди! У каждого свой гонор!

На пороге комнаты Гульшат Инеш замкнулась. Что-то вдруг ее озадачило, встревожило, что-то постороннее, далекое. Но в следующий момент ей опять стало покойно, уверенность в себя вернулась, и Инеш победительницей перешагнула чужой порог. Все еще было впереди: и слава, и любовь, и интересная работа. Впереди и диплом.

Божжанов по настоянию Доброва стал регулярно читать спецкурс на биологическом и философском факультетах университета. Он добросовестно знакомил студентов с основными положениями своей докторской диссертации.

с самым серьезным видом выслушивал замечания и советы, принимал дельные предложения, вместе с ними вел исследования. Фактов, подтверждающих открытие, накопилось много.

Правда, по мере работы над диссертацией он встречал все больше и больше возражений, даже хулу в адрес его самого и предмета исследования, но не падал духом.

Его не пугали ни трудности, ни кривотолки. Не торопясь, без ажиотажа и рекламы, он верно и упорно шел к намеченной цели. Когда он, на его взгляд, был готов к любым неожиданностям в дискуссионной схватке, в газете появилось объявление о защите диссертации на соискание ученой степени доктора биологических наук...

В день защиты диссертации Гульшат, кажется, пришла в университет раньше всех. Волнение ее было непонятно ей самой. Девушка испытывала такое чувство, будто решалась и ее судьба. Она искала и находила в делах и исследованиях преподавателя собственные задумки и устремления, надежды и радости. Диссертация Бозжанова как бы являлась проверкой правильности избранного ею пути в науке, в деле жизни.

Народу собралось необычно много. Вестибюль гудел от прибывших и прибывающих на заседание. Гульшат узнавала многих из друзей Бозжанова. Но большинство людей ей было незнакомо.

Среди прогуливающих по коридору она увидела и узнала жену Бозжанова, белолицую Енлик, беседовавшую со смуглым молодым человеком. Бросалась в глаза резкая белизна лица этой женщины, редко встречающаяся у казашек. Гульшат невольно припомнила темное, огрубевшее от солнца и ветров лицо Карима.

Тут и там толпились студенты. Их собралось необычно много. Пришли даже с других факультетов. «Наверное, и Маулен здесь», — подумала Гульшат и огляделась, надеясь увидеть его в толпе, но его не было видно. Пробираясь к двери, увидела Балгабаева. Поспешно подошла к нему. Обычно веселый, разговорчивый, Манап сейчас смотрел хмуро и неприветливо.

— Ты что здесь стоишь один?

— Так просто... Жду одного человека.

— А почему невеселый? Наверное, беспокоишься, что не придет?

— Да, — ответил Манап, натянуто улыбнувшись.

— Идем в зал. Если надо будет, она разыщет тебя,— сказала Гульшат.

— В такой толпе? Где там...— Манап быстро оглянулся на дверь.

— Мы же останемся без места. Идем.

Они вошли в зал, уже полный народу, и сели позади,— передние места уже были заняты. Люди все прибывали. Здесь были преподаватели, приехавшие из других институтов, седые профессора, доценты, научные работники, аспиранты.

Вступительное слово сказал ректор университета Аубакир Жабаев. Лица сидевших за столом членов ученого совета были холодны и невозмутимы. Некоторые из них зевали, видимо, утомленные ожиданием. Был весел и доволен лишь Добров.

Бельгигулов, сидевший в стороне от всех, был необычайно бодр и энергичен. Бозжанова не видно. Гульшат обернулась к Манапу, который торопливо и нервно писал что-то на клочке бумаги.

— Что это?

Манап поспешно закрыл рукой бумажку, промолчал. «Что случилось с ним?»— подумала она.

Манап свернул вдвое листок и некоторое время сидел неподвижно. Потом дотронулся до плеча сидевшего впереди студента, передал ему записку и сказал: «Председателю президиума».

Гульшат спросила:

— Ты будешь выступать?

Манап не ответил.

В это время к трибуне подошел Бозжанов. Зал встретил его дружными рукоплесканиями.

Манап написал еще одну записку и отправил ее тоже в президиум.

Бозжанов начал свою речь необычным в столь торжественной обстановке вступлением:

— Я уподобился охотнику, который, отправившись за дичью, нашел драгоценный самородок.

В зале засмеялись. Бозжанов продолжал:

— Я хотел вначале превратить яровую пшеницу в твердую озимую... А сейчас речь идет о возникновении вида. Процесс образования видов, как известно, обоснован Дарвиным. Однако Дарвин предполагал лишь эволюционный путь развития, изменения, возникновения видов. А нами от-

крыт другой, так сказать, революционный путь этих процессов.

Должен сказать, что биология до сих пор блуждает в потемках. Не мне предстоит вывести ее на свет божий. Но кто-то должен пытаться сделать это!..

Мы хорошо знаем учение о диалектическом материализме, но используем его порой формально. А между тем каждый шаг познания природы должен проверяться практикой и через эту проверку приходить к истине. Владимир Ильич Ленин писал: «От живого созерцания к абстрактному мышлению и от него к практике — таков диалектический путь познания истины, познания объективной реальности».

Гульшат не пропускала ни одного слова. Она радовалась логичности и стройности рассуждений Бозжанова, рукоплескала в наиболее впечатляющих местах. На нее оглядывались, но она не обращала внимания на косые взгляды.

Когда Бозжанов закончил, собрал бумаги и сошел с кафедры, зал долго молчал. Но это было затишье перед бурей. В следующий момент раздались неистовые аплодисменты, восторженные возгласы.

Когда рукоплескания стихли, на трибуну поднялся один из оппонентов, высокий седой академик. Гульшат не знала его фамилии, но уже готова была восторженно приветствовать его выступление. Но против ее ожидания, академик монотонным голосом начал высказывать возражения по поводу основных положений диссертации Бозжанова.

Второй оппонент — профессор Казахского филиала ВАСХНИЛ — напротив, горячо защищал диссертацию.

Во время его выступления Манап начал торопливо строчить третью записку в президиум.

— Кто следующий? — спросил председатель и взглянул в сторону Бельгигулова.

Бозжанов ожидал, что Бельгигулов выступит против его диссертации, но Манап не попросил слова, смотрел в окно и, видимо, вовсе не собирался выступать.

— Кто следующий? — повторил председатель Жабаев, удивленный общим молчанием. Прочитав несколько лежавших на столе записок, спросил: — Кто такой Балгабаев?

Манап съезжился и замер. Гульшат, видя, что он молчит, толкнула его. Манап неохотно встал и ответил:

— Я Балгабаев.

— Вы просите слова?

Манап молчал.

— Если писал, то иди, выступай. Иначе стыдно будет перед Бозжановым,— прошептала Гульшат.— Иди.

— Ну, Балгабаев... Думайте быстрее.

Манап встал и понуро поплелся к трибуне.

— Смелее, Манап,— напутствовала его Гульшат.

Взойдя на кафедру, Манап замер. Лицо его побагровело, казалось, он не в состоянии произнести ни слова. В зале кто-то громким, насмешливым шепотом спросил:

— Он что, немой?

Гульшат невольно рассмеялась. «Неужели он не в силах сказать слово?»— подумала она.

— Товарищи!— необычным, хриловатым голосом начал Манап.— Я, ученик Бозжанова, люблю его лекции; они просты и понятны... Но то, что Карим Бозжанович высказывает в диссертации, мне непонятно. Как это так? Один вид пшеницы вдруг превращается в другой. Как могло случиться, что люди, столетиями изучавшие сельскохозяйственные культуры, до сих пор этого не замечали. А Бозжанов вдруг заметил?

Зал зашумел. Ошеломленная Гульшат раскрыла рот.

— А где промежуточные стадии?— продолжал Манап.— Что это, ниспровержение Дарвина? Сегодня «мелянопус», а завтра «эритроспермум». Как же так получается? А эволюция? Переходный процесс?

— Да-да, объясните, как это получается?— повернулся к Бозжанову один из сидевших в президиуме.

— Это, мягко выражаясь, отрицание дарвинизма,— вставил академик, выступавший против диссертации.

Председатель Жабаев, поморщившись, встал.

— Товарищи, прекратите спор. Вы прерываете оратора. Продолжайте, Балгабаев.

— Это все, что я хотел сказать, — неожиданно заключил Балгабаев и поспешно сошел с кафедры. На прежнее место он не вернулся, а ушел в другой конец зала. Гульшат была возмущена. Она вся кипела от негодования, и едва председатель сказал «следующий»,— вскочила и почти побежала к трибуне.

Все произошло неожиданно. Гульшат не собиралась выступать и не обдумала заранее своего выступления. Когда увидела сотни устремленных на нее глаз, на секунду растерялась: «Что говорить?» Она вспомнила возмущившее ее слово «ученик».

— Товарищи!— начала она.— Балгабаев только что уверял нас, что он якобы ученик Бозжанова.— Зал утих.

Гульшат овладела своим голосом и заговорила спокойнее:

— Не нам, студентам, решать судьбу диссертации Бозжанова. Мы, действительно, всего лишь ученики. Но мне хочется сказать, что Балгабаев, несмотря на то, что он учился у Бозжанова, умудрился ничего не воспринять. Спрашивает, как один вид пшеницы превращается в другой, а ведь сам своими глазами видел, когда мы осенью ездили в Каскеленский район, в колхоз «Социализм», зерна ржи в пшеничном колосе. Председатель колхоза Сексенбаев и агроном Модест... Забыла его отчество...

— Владимирovich — подсказал сидевший в зале боро-
датый человек. — Я потом выступлю. Продолжай.

— Модест Владимирович, вы здесь, оказывается?! Так разве вы нам не показывали этот колос?

— Точно, показывал. Все студенты видели. Правильно говоришь, доченька. Давай дальше.

— Вот видите, Балгабаев просто... лжет. А ведь сам он делал доклад колхозникам, защищал мичуринскую биологию. Почему же он вдруг так быстро перестроился? Едва ли его научил этому Бозжанов. Балгабаев пляшет под чужую дудку. Кто-то его натравил!..

Гульшат пошла было с кафедры, но ее остановил вопрос Бельгигулова:

— Кто же мог его натравить?

— Вы, наверное, — отрезала Гульшат. Зал загудел. Бельгигулов, точно получив пощечину, откинулся на спинку стула и зло прищурился:

— Вы ответите за это. Неслыханная наглость.

Сидевшие за столом президиума переглядывались, посмеивались и перешептывались.

На кафедру поднялся Модест Владимирович. После его выступления уже никто ни слова не сказал против диссертации Бозжанова.

Объявили перерыв. Гульшат разгоряченная выскочила на улицу и увидела Манапа. К нему подошла Инеш.

— Ты хорошо выступил. Очень хорошо. Я так обрадовалась, что чуть-чуть не захлопала в ладоши.

Гульшат, порывавшаяся было окликнуть Инеш, остановилась и задумалась. Медленно повернулась и пошла в обратную сторону. Манап и Инеш исчезли в вестибюле.

После перерыва председатель Жабаев объявил, что Кариму Бозжанову большинством голосов присвоена ученая степень доктора биологических наук.

Выходя из зала, Карим Бозжанов увидел Бельгигулова в окружении нескольких приверженцев. Один из них, курчавый и, должно быть, молодой, громко говорил на ухо Макану:

— Не ново, не ново. Существование мощных химических мутагенов давно показано. Хотя и не доказано. Гены не испытывают развития и не меняются под воздействием внешних и внутренних факторов. Теория же Бозжанова строится на признании возможности изменений и беспредельного развития любого гена. Мутагенная селекция — это вульгаризация материалистической диалектики. Мы это очень просто и основательно докажем.

— Может быть, — отмахнулся недовольно Бельгигулов.

Бозжанов посмотрел вслед своему товарищу по кафедре и подумал: «Почему он не выступил, не высказал свою точку зрения?»

Его окружила шумная толпа студентов. Со всех сторон посыпались поздравления. Но Карим так устал, что уже не мог радоваться победе. Ему вспомнились бессонные ночи, сомнения и муки поисков. Сколько прочитано книг, проведено опытов, исхожено земли!.. Шесть долгих лет он отдал докторской диссертации! И если говорить начистоту, то сам Бозжанов во многом не удовлетворен достигнутым. Каковы конкретные пути создания иммунных пшениц? Мутагенная селекция — это ведь пока что мечта. Предстоят трудные дороги в практике., а значит, — новые поиски и трудности, потери и поражения... И все-таки — хорошо.

В победе нового дела Бозжанов не сомневался ни на минуту. Не пугали его и противники: противоположные мысли способствуют рождению искры, из которой возгорается пламя истины!..

Но Карим очень устал сейчас, хотя в душе был спокоен.

— Пойдемте, поздравим Енлик-женгей! — крикнул кто-то из студентов. — Она ждет-не дожждется...

— Она здесь, — сказал Карим, внезапно засмеявшись.

При упоминании имени жены Бозжанов преобразился. Будто и не было усталости, весь так и просиял, расцвел. И совсем стал другим, когда сквозь толпу пробилась Енлик, подошла к мужу и тронула его за плечо.

— Карим, — сказала она тихо и счастливо, — почему ты стоишь и не приглашаешь людей в дом?

Карим раскрыл объятия, как бы пытаясь обнять всех, поклонился и проговорил:

— Прошу ко мне. Не обижайте Енлик, она готовилась к этому дню, может быть, всю жизнь.

— Всю жизнь,— подтвердила охотно и нежно Енлик.— Пойдемте же к нам, дорогие!

И шумная ватага двинулась по улице, смеясь и переговариваясь на ходу. Какой-то юркий студент изловчился и поцеловал руку Енлик, сострил:

— Мы соскучились по вашим пальцам.

Енлик рассмеялась, чтобы не портить настроения людям, сказала с шутливой угрозой:

— Бесбармак вкуснее моих пальцев, вот увидите!

У дома Бозжанова стоял черный ЗИС Доброва. Машину еще издали узнали вездесущие и всезнающие студенты. И действительно, из машины вышел шофер и сказал:

— Викентий Викентьевич велел мне не возвращаться без вас.

Енлик нашлась первой:

— Поезжайте и скажите Викентию Викентьевичу, что у Карима собрались гости и везите — быстро, быстро!— Викентия Викентьевича сюда. Гости не против?

— Не против, не против!— закричали все в один голос.

Шофер нерешительно потоптался:

— Может, Карим Бозжанович со мной съездит, уговорит его, а?

— Правильно. А мы тем временем в саду погуляем.

— Чудесно!

— Ура!

Карим согласился:

— Не задержусь долго, уговорю. А может, у него дело ко мне. Словом, Енлик занимай гостей, а я мигом.

— Вези сюда старика, скажи, мы ждем,— попросила Енлик.— Без него лучше и на глаза не показывайся.

Добров сам открыл двери дома и, шагнув к Бозжанову с широко раскрытыми объятиями, обнял, повел в комнату. Стол был накрыт. В центре возвышалась бутылка коньяка.

— Это для тебя!— Добров взял бутылку и угрожающе потряс ее над головой.— Жаль, что мне нельзя пить из-за гипертонии. Ну да ради такого случая...

Викентий Викентьевич налил по полной рюмке, сказал тост:

— За победу передовой науки!

Выпили, помолчали чуток. Бозжанов не спешил с приглашением, уважая дом старшего. Викентий Викентьевич покачал головой задумчиво:

— До сих пор не пойму, почему не выступил Бельгигулов. В чем дело, как ты думаешь?

— Не могу понять,— пожал плечами Карим.— У него несколько иные взгляды, так интереснее было бы сопоставить суждения, мнения. А он ни слова.

— Быть может, он согласился с твоими выводами, но не сразу решился на признание, а?

— Не думаю. А впрочем, чужая душа — потемки.

— Вот это меня больше всего и тревожит: не хитрит ли?

Карим покачал головой, проговорил печально:

— Меня больше всего поразило выступление студента Манапа Балгабаева. Он мой ученик, принимал деятельное участие в исследованиях, сам выступал с докладом в колхозе, был убежден, что идем правильным путем. И вдруг... такая метаморфоза. Ну, я понимаю— под давлением каких-то новых фактов, данных исследований он мог бы отказаться от прежних взглядов... Но здесь-то совсем другое. Человек пошел на фальсификацию.

Добров задумался.

— Да, он колебался. Жабаяев показал мне три его записки. В одной он просил дать ему слово для выступления, в другой отказывался от выступления. Но затем прислал третью записку: «Все-таки прошу слово, решил выступить». Вот это-то и наводит меня на размышления. Гульшат Аманова, конечно, сгоряча обвинила Бельгигулова в подстрекательстве, но тут что-то есть, надо будет разобраться. Плохо, если кто-то использует служебное положение в личных целях.

— Очень плохо,— погрустнел Бозжанов.

— Ну ладно, не стоит пока гадать и впадать в крайности,— повеселел Добров.— В такой день! Это ведь не только твой успех, Карим! Это важно для всего нашего университета. И скажу без преувеличения: будущего науки. Во всяком случае — это шаг вперед. Крепкий и новый шаг! Мы уже решили с ректором: будете читать спецкурс по своей диссертации не только на пятом, а на всех курсах. И не в порядке дискуссионном, а как обязательный предмет. Программный. Хороший удар по начетчикам и консерваторам в биологии. Разве не так, Карим Бозжанович?

— Пожалуй.

— Не скромничай, не к лицу коммунисту такая вот скромность,— от которой дух идет за сто километров.

И Добров заразительно захохотал, сотрясаясь всем своим полным телом и откинув крупную голову назад.

Бозжанов почувствовал себя просто и легко, будто прибавилось в нем силы. И, забыв о своем намерении не торопиться с приглашением, вдруг без предисловий сказал:

— Викентий Викентьевич, а ведь нас ждут. У меня в доме. Я ведь за вами поехал. Собирайтесь, пожалуйста.

28

Комната была заперта. Но на доске у дежурной под ключом была подколота записка. Гульшат взяла ее и прочла вслух для Инеш, с которой пришла в общежитие. Писала Зада: «Гуля, Аллочка ушла в библиотеку. Я думала отдохнуть дома, но совершенно неожиданно появился известный тебе субъект и уволок меня в кино. Что поде-лаешь?! На электрокухне (новой!!!) я оставила варево, не сняла с плиты — так торопилась!!! Знаю, что ты придешь вот-вот. Бери готовенькое и подкрепляйся, не дожидаясь меня!!!»

Гульшат прочитала записку, увидела за восклицательными знаками настроение и пожелания Зады, тепло улыбнулась и с добрым чувством подумала о подруге. Зада вот уже неделю не отрывалась от книг — зарок себе дала не прекращать зубрежку добровольно. И как рада была, что нашлась причина для перерыва. Восклицательные знаки вопили этой неожиданной радостью!

Инеш вошла в комнату вслед за просветлевшей Гульшат, но не успела присесть, как кто-то постучал. Студент из соседней комнаты попросил посуду для чаепития: приехали родные из аула.

Приход соседа за чашками явился словно бы сигналом для остальных студентов: дверь поминутно открывалась и закрывалась, входили и уходили один за другим незваные гости. И у всех были неотложные дела то к Заде, то к Ажар, то к Гульшат. Понятно, шли не девушки — парни.

Вошел черноволосый кудрявый парень, без всяких предисловий сел за стол и развернул какие-то бумаги, принялся говорить о чем-то длинно и обстоятельно. Как поняла Инеш, раздражаясь все больше и заметнее, парень был членом студенческого совета и вместе с Гульшат ответственен за культурно-бытовой сектор. Он, то и дело поправляя пышный чуб, поведал Гульшат о том, что ходил в какой-то кинопрокат, что вышла путаница с денежными документами, что там, в кинопрокате, долго не хотели да-

вать картину, но он, парень, все-таки «вырвал у них из глотки настоящий шедевр».

Затем пришли двое студентов за книгами, а вероятнее всего затем, чтобы увидеться с Аллочкой. После них явилась Анна Григорьевна. Закурив, она стала рассказывать новости. Потом началось обсуждение в мельчайших деталях предстоящей побелки.

Инеш не выдержала.

— Сколько можно говорить об этих прачечных, побелках?!

— Как же не говорить об этом!— возразила Гульшат,— Анна Григорьевна вчера получила новую стиральную машину. Ты ведь не знаешь о том, что белье студентов не успевают стирать тридцать прачек.

Анна Григорьевна пристально посмотрела на Инеш своими прозрачными кошачьими глазами и заметила:

— Удивительно, как рассуждает человек, для которого все делают родители! А ведь среди прачек есть такие же красивые, как ты.

Инеш невольно поморщилась, и Анна Григорьевна рассмеялась.

— Не можем мы не говорить об этом. Это тоже важно.— Она повертела в пальцах потухшую папиросу и бросила ее в пепельницу.— Хотя я сама и не ученая, зато помогаю учиться другим.

Инеш нетерпеливо посмотрела на часы, потом на Гульшат. Так и не поев, Гульшат поспешно начала переодеваться, продолжая разговаривать с Анной Григорьевной.

— Я готова,— сказала она, причесавшись.— Но мы еще успеем посмотреть электрокухню Анны Григорьевны...

— Ой, некогда осматривать кухню. Мы опоздаем в театр.

Гульшат молча вышла, заперла комнату и, переглянувшись с Анной Григорьевной, отдала ей ключ.

Маулен увлекся работой агитатора. Было трудновато и хлопотно, но он постепенно втянулся в дело. Добросовестно готовился к каждой встрече с избирателями. Первое время, хотя они и встречали его приветливо, но разговаривали неохотно, присматривались. Маулен давно уже понял, что казенных речей здесь слушать не будут. А если будут, то только из вежливости.

Однажды, беседуя с избирателями, он заговорил о культурном наследстве. Тема вызвала интерес. Последовали вопросы. Беседа приняла непринужденный характер. После этого Маулена встречали уже с радостью.

Чаше других на собраниях задавала вопросы уйгурка Айшан Саттарова, работница кондитерской фабрики. Она работала там заместителем начальника цеха, и хотела обо всем знать. Надо сказать, Маулен первое время не переносил ее и даже слегка побаивался. Она не зубоскалила на собраниях, не прерывала его. Все, что он говорил, внимательно выслушивала. Едва он спрашивал: «Какие будут вопросы!» — поднимала руку. Девушка задавала разом столько неожиданных вопросов, что ответить на них нельзя было и в четыре вечера. То она спрашивала, к чему поведут текущие международные события, то просила рассказать об архитектуре Рима, то интересовалась экономическим устройством капиталистических стран.

Однажды она задала на первый взгляд легкий вопрос:

— Что такое коммунистическая культура и в чем ее преимущество перед буржуазной культурой?

Маулен сказал, что беседа была на другую тему и вопрос задан не по существу.

— А кто же будет отвечать, если ты не ответишь? Студент должен все знать.

Хотя Маулен много готовился, но обстоятельно ответить на этот вопрос так и не смог.

— Эти общие слова мы и сами знаем, вы объясните на примерах... — сказала Айшан, выслушав его ответ.

Маулен развел руками:

— Больше ничего не могу... Не знаю.

— Так бы сразу и сказал, что не знаешь. Мы бы не задавали такого вопроса, не неволили бы тебя.

Сказав это, Саттарова рассмеялась. Все сидевшие в комнате дружно захохотали.

Смех этот обидел Маулена. Вернувшись в общежитие, он не стал ужинать, а сразу лег спать. Едва закрыл глаза, перед ним опять замелькали смеющиеся лица, в ушах зазвучал голос Саттаровой. Он решил отказаться от агитаторской работы. Заснул с тяжелым мучительным чувством. Но на следующий вечер он пошел прямо домой к Саттаровой. В снегу возле дома возился малыш. Он колотил молотком по железке и был так увлечен, что вспотел. Маулен сразу узнал его. Это был сын погибшего на фронте брата

Айшан Сафар. Мальчик частенько прибегал к тете на занятия, встречал ее на улице.

— Ты что делаешь, Сафар?

Малыш показал на санки и объяснил:

— Вот сюда я устанавливаю мотор. И покачу! Могу и вас подвезти.

— Ну-ка, подвези,— с улыбкой попросил Маулен, что бы испытать мальчика.

— Нет, сейчас нельзя. Мотор не готов. А если я поставлю сюда мотор самолета, то полечу. Правда? Вот только места нету, где работать.

Маулену понравился ответ Сафара. Осмотрев двор, он увидел, что малышу негде действительно играть.

— Мотор надо сделать.

— А где?

— Во дворе сделаем. Место найдем.

— Сейчас?

— Нет. Немного погодя.

— Когда я вырасту, да?— догадался мальчик.

— Да, нет. Скоро, сегодня. Подожди здесь.

Маулен вошел в дом, а Сафар остался на улице. Он терпеливо ждал, не отводя глаз от двери. Наконец Маулен вышел. В руках у него была лопата. Сафар бросился к нему. Они прошли в угол двора к угольному ящику.

— Вот здесь,— сказал Маулен и начал быстро бросать к забору снег. По мере того, как росла снежная гора, возле нее собралась детвора. Все кричали, бегали, тащили лопаты, суетливо помогали Маулену. Выровняв крутой склон горки, он принес несколько ведер воды.

— Дядя, это ведь горка для катания, а не мотор,— заметил Сафар.

Маулен не ответил. Подняв санки на горку, он посадил в них малыша.

— Для таких маленьких, как ты, это мотор. Ледяной мотор. Ну, съезжай вниз!

Маулен прыгнул с горки и тотчас услышал за спиной женский голос:

— Оказывается, ты умеешь прыгать. Как козленок.

Маулен резко обернулся, увидел смеющуюся Айшан, растерялся и в первую минуту не мог ничего ответить. Девушка подошла ближе.

— Очень хорошая горка, спасибо, Маулен. Это как раз то, что нужно было нашим ребятам. Ну, идем в комнату, угощу чаем,

Поставив на плитку чайник, Айшан сказала:

— Если ты не возражаешь, то проводи беседу у меня. Места хватит, а?

Маулен согласился, и Айшан побежала созывать соседей.

В день выборов Айшан Саттарова пришла к Маулену прямо в общежитие рано-рано утром.

— Обычно агитаторы ищут своих избирателей,— смеясь, сказала она Маулену.— А мы, видишь, сами ищем тебя.

— Я, наверное, проспал?— всполошился Маулен.

— Проспал? Ну, конечно, опоздал.

— Правда?

— Правда, правда,— засмеялась Айшан.

Теплый зимний день едва занимался. Медленно рассеивался сумеречный туман. Воздух сырой и мягкий. Выпавший ночью снег осел, превратился в кашицу. На тротуаре остались заполненные водой следы.

— Скорее, Маулен,— торопила Саттарова.— Другие агитаторы уже там, а ты проспал, и избирателей твоих не видно.

— Неужели никто не пришел?— испугался Маулен.

— Если бы пришли, то зачем мне нужно было бы являться к тебе?

«Проспал,— с досадой подумал Маулен.— Уже восемь часов».

— Теперь тебе придется будить избирателей, начиная с моей матери. Она меня не слушается. Пойдем скорее.

Айшан открыла дверь и пропустила Маулена в комнату. Он увидел спокойно смотревшую на него из-под одеяла старушку, мать Айшан, и всплеснул руками:

— Бабушка, как же так? Почему вы не голосуете?— укоризненно заговорил он.

— Что такое?— удивилась старушка и приподнялась на локте.

— Ведь сегодня день выборов. Вы должны отдать свой голос, бабушка. Я прошу вас.

— Э-э, уже отдала, душа моя. Айшан разве даст проспать? Чуть свет всполошила всех и повела на избирательный участок. Все вместе давно уже проголосовали.

Маулен едва не сел, услышав это. Айшан весело расхохоталась.

— Разве так можно шутить?— сказал он.

Они отправились на избирательный участок. Оттуда

доносились звуки казахского вальса и шум голосов. Однако по мере того, как они подходили к избирательному участку, Айшан становилась все более грустной и сбоку молча поглядывала на Маулена большими черными глазами.

Ему почему-то стало жаль ее. Он сейчас не понимал, как мог недолюбливать ее за бесконечные вопросы. Она была просто очень любознательна.

— Маулен,— сказала она тихо и грустно.— Хорошо, что ты был у нас агитатором. Ты рассказал столько интересного...

Маулен с удивлением посмотрел на нее. Айшан ответила ему виноватым печальным взглядом. И невесть отчего торопливее, беспокойнее забилося его сердце.

— Ты не забывай нас. Приходи, если сможешь, восьмого марта.— Она помолчала и, чуть опустив голову, добавила:— Если у тебя есть... девушка, приходи с ней.

Маулен взглянул на Айшан. Она подняла на него глаза, полные загадочного блеска. Сердце его стучало быстрыми неровными толчками. Он еще ничего не понял, но ему стало жабко. Поддавшись неосознанному порыву, Маулен обнял девушку и притянул к себе. Но Айшан отклонилась и серьезно сказала:

— Ты не шути. Я говорю серьезно. Ты для всех нас очень многое значишь. Правда, Маулен. Я всегда рада твоим беседам.— Я ведь окончила всего четыре класса. У меня рано умер отец. Брат не вернулся с фронта. Его жена уехала от нас и оставила ребенка... Сейчас я работаю и учусь в вечерней школе, заканчиваю девятый класс... Времени для учебы совсем нет. Мать больна, дома много работы, нужно стирать, готовить обед, смотреть за ребенком... А как хочется учиться...— Айшан замолчала.

Маулену стало стыдно, он опустил голову и покраснел.

— Так ты не забудешь прийти восьмого марта?— с улыбкой спросила Айшан, заметив, что глаза Маулена стали грустными.

— Приду. Честное слово. Приду. Прости меня, Айшан. И про себя подумал: «Ах, какой я олух!»

Казалось, таким и должен быть философ: застенчивым, углубленным в себя, рассеянным и чудаковатым.

Галим Сарыбеков и был таким — нескладным, самым простым и молчаливым человеком на факультете. Его тем-

ные большие глаза всегда смотрели сквозь толстые линзы очков мягко и доверчиво. Он мог часами неподвижно сидеть над книгой и целые дни проводить в библиотеке. В конце концов непрерывное чтение стало действовать на его здоровье. Бледно-желтые щеки Галима ввалились, под глазами появились тени. Всякий, видевший Галима впервые, мог принять его за неизлечимого больного. И все-таки несмотря на его худые руки, на бледные щеки, он никогда не болел даже насморком и ни разу не был у врача. На лице Галима никто не замечал следов усталости, равнодушия или недовольства. Его глаза всегда полны мысли, взгляд их часто бывает беспокойным, пронзительным, словно он что-то выискивал в самом себе, а значит, и в окружающем мире. Ибо давно и верно замечено мудрецами: человек — есть вселенная, вобравшая в себя весь мир...

И как положено истинному философу, Галим становился неистовым в спорах. На диспутах он преображался. Остроумные саркастические речи его восхищали всех оригинальностью и эрудицией. Часто его мнения встречали в штыки, завязывались споры, из которых Галим выходил победителем. Если же он терпел поражение, то всегда без спеси и упрямства признавал свою ошибку, погружался в изучение данного предмета.

Обычно победа в споре окрыляет победителя. Он ощущает свое превосходство над побежденным. Но если побежденным оказывался Галим, такого чувства никто не испытывал. Он привлекал к себе всех глубокими знаниями и немногословием.

Поэтому не случайно он к пятому курсу был единодушно избран председателем студенческого научного общества и успешно справлялся со своим сложным делом. Но, как часто у нас бывает, парня не берегли. Каких только обязанностей он не выполнял!.. Руководил даже литературным кружком. Вот от этой обязанности он и решился наконец освободиться. Пришел к Даирову.

— Кого, по-твоему, нужно назначить на твое место? — спросил у него Даиров.

Галим долго смотрел сквозь очки куда-то в сторону, пожал плечами.

— Сымбата, может быть?

— Сумеет ли? Больно уж он стеснительный.

— Да, это есть. Но ничего, привыкнет, думаю.

— «Привыкнет...» Впрочем, почему бы нет? Он сам пишет стихи, отчего же не сможет руководить кружком?

Ерен решил посоветоваться с Добровым.

Викентий Викентьевич встретил его, по обыкновению, приветливо, выслушал, подумал, спросил:

— Скажи, а он действительно пишет стихи или ему только приписывают талант?

— Пишет.

Викентий Викентьевич недовольно взглянул на Даирова.

— А почему он свои стихи прячет от всех?

— Наверное, стесняется,— неуверенно ответил Ерен.

— Стесняется? А вы это принимаете как должное? Не пытаетесь вникнуть в его характер, воздействовать на него. Здесь виноват, по-моему, комитет комсомола. Среди вас появился молодой талант. Почему это не радует тебя? Может быть, у Аскарова нет условий для творческой работы. Его застенчивость, возможно, следствие недоверия друзей. Вам нужно вникнуть во все это.

— Вот поэтому мы и решили назначить Аскарова руководителем литкружка.

Викентий Викентьевич вопросительно посмотрел на него:

— Не понимаю, как может быть руководителем кружка человек, скрывающий от всех свои стихи?

— Если у него будет желание работать, то справится.

— Нет, с таким выводом я не согласен. Ты понимаешь, что такое руководитель? Видимо, нет. Руководитель должен обеспечить и идейную сторону работы и организационную. А у Аскарова как раз не хватает этих качеств. Сначала нужно добиться, чтобы он стал активным членом кружка, а потом... потом будет видно.

— Кого же мы назначим?— растерялся Ерен.

— Комитету комсомола виднее, кого назначить. Вы лучше знаете студентов,— недовольно проговорил Добров.

Ерен задумался.

Добров улыбнулся и сказал:

— Ты мне несколько раз рассказывал о студенте Маулене Жандосове. Он хороший агитатор, имеет способности к литературной критике... Почему бы не назначить его?

«Как я раньше о нем не подумал?— изумился своей недальновидности Ерен.— Ведь каждый день виделся с ним, разговаривал...»

— Да, Жандосов будет неплохим руководителем,— согласился он.

— Но не взваливайте на него всей работы. Помогайте ему. У многих из нас есть отвратительная привычка: ду-

маем о месте, о должности, а о работе забываем. Назначить легко, но добиться хорошей работы трудно.

Добров проводил Ерена до двери кабинета и дружески, с приветливой улыбкой пожал ему руку.

Ему откровенно нравился Даиров «Из Ерена получится толковый организатор», — подумал он и, не выдержав, выглянул в дверь и прокричал весело вслед Ерену:

— Давай, давай действуй в том же духе! Все будет очень хорошо. Молодец! — и торжествующе захлопнул дверь.

31

Манап Балгабаев чувствовал себя скверно с того самого злополучного дня, когда он решился выступить на заседании ученого совета против диссертации Карима Бозжанова. Парень терзался, не находил себе места, стыдился смотреть товарищам в глаза. Клял и корил себя, но вина от этого не сваливалась с сердца. Наоборот. С каждым днем на душе становилось муторнее, не было покою ни днем, ни ночью.

Однокурсники, казалось, не замечали его. Всеобщий молчаливый бойкот был страшнее громогласных обвинений, даже ругательств. Манап потемнел и осунулся. Предателем он себя не считал, но чувство гадливости совершенного он ощущал все определеннее и тяжелее.

Нельзя было долго держать в себе все это, невыносимо хотелось объясниться, просто выговориться, исповедаться, выплакаться. Но слез не было.

Злое омерзение замораживало чувства, душило мысли.

И злился Манап на Бельгигулова, на всех и вся, на все сущее.

Однажды он, сам не зная зачем и как, без стука толкнулся в дверь комнаты Зады, Гульшат и Ажар. Аллочка, увидев его первой, фыркнула и отвернулась, демонстративно сняла пластинку с проигрывателя, показала спину и больше не пошевелилась.

Зада склонилась над книгой. Ее высокая прическа свесилась над столом, дрожа и покачиваясь.

Гульшат же уставилась на вошедшего с таким видом, словно увидела жабу, безвредную и уродливую. Молчала, смотрела холодно и презрительно. Равнодушие, гадливость на лице Гульшат огорошили Манапа, лишили его языка. В полной прострации он присел к столу, помял в руках скатерть, трудно дыша, поднялся и ушел, пришибленный, раздавленный. Словно забыв, куда открывается дверь, дол-

го беспомощно возился у порога, тупо, вяло тянул за ручку вместо того, чтобы толкнуть от себя.

Гульшат не выдержала, поднялась, подошла и, сторонясь Манапа, словно прокаженного, ногой ударила в дверь, распахнула и, отступив, прислонилась к стене. Манап шагнул за порог и тотчас же дверь резко захлопнулась за его спиной. Он вздрогнул, оглянулся и вдруг, мыча немо, глухо, бросился вон бегом.

На следующий день он вообще не явился в университет. Только через два дня объявился, бледный, похудевший, виновато сгорбленный.

Он искал, с пугающей настойчивостью спрашивал Инеш, но ее не было нигде. Манап, не мешкая, побежал к ней на дом, словно одна она могла спасти его от тоски, душевной боли и самоистязания.

Перед дверью, обитой черной кожей, он остановился. Огромный пес, ростом с теленка, метался на цепи, не сводя с прищельца налитых кровью глаз. Он лаял с таким трудным удушливым ожесточением, словно пытался заговорить по-человечески.

Манап косился на пса и думал: «А вдруг оборвется цепь». Именно боязнь этого заставила его нажать на кнопку звонка.

Но вот дверь открылась и появилась Инеш, свежая, доброжелательная, обаятельная.

— Ой Манап! Как хорошо! Заходи, заходи! — произнесла она, и парню показалось, будто он в один миг переродился. «Как она красива!» — подумал он благодарно и впервые за последние несколько дней улыбнулся.

Манап, переступая порог, не сводил с Инеш внимательных, почти замороженных глаз. Его гладкие черные волосы блестели и на лице была написана полнейшая покорность. Как это он не догадался раньше прийти к Инеш!..

В гостиной за столом сидел спиной к окну плечистый парень с длинными волосами и крючковатым носом. Манап почему-то не сразу узнал Маулена, долго настороженно присматривался к сидящему.

Инеш удивленно представила их друг другу:

— Маулен, познакомься: мой товарищ Манап Балгабаев.

Маулен, протягивая руку, иронически сощурился. Он щурился так всегда, когда готовился кого-нибудь поддеть словом.

— М-м... Тот самый товарищ Балгабаев. Видел и слы-

шал,— с пренебрежительной веселостью проговорил он. Манап растерялся, и тоска вновь овладела им. «Гульшат, наверное, ему рассказала о моем выступлении, эх! А ведь мы с ним хорошо сошлись в походе на Алмалы».

Прижав к туловищу руки, словно по команде «смирно», Манап скованно сел в кресло и замкнулся, не зная, куда деть руки и с чего начать разговор.

Манап вспомнил, что сегодня экзамен по предмету Бельгигулова, вскочил и заговорил со спасительной поспешностью.

— Инезилия, у тебя есть материал по спецкурсу Бельгигулова? Я как раз за этим к тебе и пришел. Ведь сегодня экзамен.

Инеш с готовностью дала ему то, что нашлось у нее. Ежась под косыми молчаливыми взглядами Маулена, парень наконец встал и, неловко раскланявшись, двинулся боком к выходу.

— Посиди еще,— неуверенно попросила Инеш.

— Надо идти,— промямлил Манап. Инеш не стала его удерживать, хотя и вела себя с ним ласково, с подчеркнутой приветливостью. На прощание спохватилась:

— Да, чуть было не забыла. Сегодня тебя искал Бельгигулов. Велел зайти к нему.

«Зачем бы это?»— с досадой подумал Манап. Увидев, что он поморщился и еще более нахмурился, Инеш спросила:

— Ты отчего такой квелый?

— Так.

— А скажи, что побудило тебя тогда выступить против Божжанова?

Манап ничего не ответил. Он вспомнил одобрительные слова Инеш, сказанные после защиты диссертации, и подумал: «Инеш такая же двуличная, как все». Торопливо прощившись, пошел в университет, недоумевая, зачем его вызывал Бельгигулов.

В университете возле дверей аудитории, где Бельгигулов принимал экзамен, толпились студенты. Увидев Балгабаева, они наперебой начали просить его с какой-то издевкой:

— Манап, ты должен идти первым. Без тебя мы завалимся...

И начали тихонько теснить его к дверям.

— Не упирайся, Манап. Тебе ведь нечего бояться,— тоненьким голоском просила Зада.— Бельгигулов твой кровный родственник.

— Как это понять?— взъерошился Манап.

— А никак,— резко ответила Гульшат.

— Перестаньте. Если Бельгигулов услышит, он всех нас зарежет из-за своего приспешника.

— Между прочим, я знаю, как сдать на пятерку,— сказал другой.— Нужно поугодливее согнуться, робко подойти к Макану и сказать: «В вашей диссертации, Маке, сказано, то-то и то-то, а диссертация Бозжанова — черт знает что, ничего в ней не могу понять». Бельгигулов, конечно, ответит: «Давайте вашу зачетку. Вы умница».

Все рассмеялись, а Манап посерел, точно парализованный.

— Ну, что ж, заходи,— подзадорили парня, предлагавшего хвалить диссертацию Бельгигулова.

— Нет, я пойду потом, после Манапа.

Дверь аудитории распахнулась, вышла женщина-ассистент.

— Пожалуйста, пять человек.

Подталкиваемый студентами Манап оказался в аудитории, рядом с ним — Гульшат и Зада. Ничего не оставалось делать — Манап взял билет. Бильгигулов сказал приветливо:

— Ну, Балгабаев, отвечай.

— Я хотел бы немного подумать,— растерялся Балгабаев. Он сел за стол, несколько раз прочел первый вопрос.

— Ну, кто будет отвечать? Пожалуйста,— широким жестом пригласил Бельгигулов, глядя на Манапа.

Манап, так и не прочитав второго вопроса, махнул рукой и подошел к доске.

— В селекции,— начал он,— огромное значение имеет инзухт. Обычно при внутривидовом скрещивании через несколько лет потомство вырождается. Поэтому производят межвидовое скрещивание. В этом случае вид теряет свои старые свойства и может перейти в другой вид. Вот тогда-то инзухт...

Бельгигулов поморщился и оборвал его на полуслове.

— Хорошо, а что говорили по этому поводу Мичурин, Ламарк, Лысенко?

Манап опешил. Таких вопросов преподаватель никогда ранее не задавал. Собравшись с духом, начал говорить о мичуринской теории изменения видов.

Макан слушал недолго, внезапно оборвал:

— Вы не знаете вопроса, несете какую-то чушь. Стыдно, Балгабаев. Я о вас думал иначе.

Манап обреченно замолчал, уставился на преподавателя

с глупым видом: «Чего он хочет от меня?» Парень силился понять Бельгигулова и не расслышал нового вопроса. Макан ждал недолго, с сокрушенным видом покачал головой и заключил:

— Вы не подготовлены к экзамену, Балгабаев. Совершенно. Очень сожалею, но... Словом, подготовьтесь и приходите на пересдачу. Можете идти.

Манап долго не мог сообразить, чего от него хочет этот человек, понять которого так же трудно, как разобраться в теории наследственности.

— Идите!— с непонятной резкостью, будто демонстрируя свою непреклонность и объективность, повторил Бельгигулов. До парня наконец дошел смысл всего происходящего, он уронил руки, опустил голову и поплелся к выходу.

Зада и Гульшат переглянулись. Когда дверь за Манапом закрылась, Бельгигулов, глядя в сторону, проговорил:

— Больно, очень больно. Человек способный, а вот... Видимо, кто-то повлиял на него... нехорошо, сбил с толку.

Гульшат вдруг поняла, что последние слова явно предназначены для нее. У нее мелькнула смутная догадка, но тотчас же пропала — преподаватель вызвал ее к столу:

— Готовы, Аманова?

Очутившись в коридоре, Манап беспомощно огляделся. На него надели с той же подчеркнутой издевательской заинтересованностью:

— Что получил?

— Какой был билет?

Манап молча пошел прочь.

— Конечно, пятерку получил. Макан, наверное, не спрашивая, поставил?

Манап вышел из университета, сел на ступеньку лестницы.

«В чем дело? Что случилось с Бельгигуловым? Утверждает, что я не знаю, как ответить на вопрос, что я не читал ничего...» От негодования и обиды он кусал губы.

В это время из университета вышли Добров и Бозжанов.

Карим увидел сидящего на ступеньках Манапа, показал на него пальцем и улыбнулся.

— А-а, товарищ дезертир. Здравствуй.

Добров хмуро ухмыльнулся, поправил:

— К дезертиру слово товарищ не подходит.

Бозжанов переменял тон:

— Как дела? Почему не показываешься? Совсем исчез... Я уж подумал, что ты из университета сбежал.

Манап не ответил, сгорбился и опустил голову.

— Ты не смущайся. Очень хорошо, что у тебя есть свое мнение и ты не боишься его высказывать. Приходи ко мне, поговорим.

Божжанов быстро сбежал с лестницы, догнал Доброва.

Манап облегченно вздохнул. «Ушел. А все-таки Карим замечательный человек. Не обиделся на меня. Говорит, что я смело высказал свое мнение... Свое...» На лице Манапа вспыхнул багровый румянец. «Эх, что я наделал... Но почему Бельгигулов завалил меня, зачем велел прийти в другой раз? Разве я не был подготовлен? Он просто эгоист и предатель. И зачем я связался с ним? С чего все началось?»

Манап принялся вспоминать, как однажды зимой он засиделся в кабинете анатомии животных. Он любил эту большую комнату, населенную гигантскими скелетами доисторических чудовищ, чучелами птиц, многочисленными рисунками и схемами.

Мерно стучат стенные часы. Время близится к полуночи, за дверью все реже звучат голоса.

Манап заработался, забыл о времени.

В тишине коридора послышались нетвердые, шаркающие шаги. Дверь отворилась, вошел Бельгигулов. Его вид ошеломил Манапа. Густая черная шевелюра была растрепана, массивные очки на носу сидели косо, галстук съехал набок.

— А, Балгабаев! — воскликнул он, весело ухмыляясь. — Грызешь? Это хорошо. С такими студентами, как ты, университет не оскудеет. Правильно. Хорошо. — Он похлопал Манапа по спине и грузно сел на стоявший возле стола стул. Полез в карман за папиросами, качнулся, ладонь его дважды скользнула мимо кармана. Наконец закурил, пустил дым прямо в лицо Манапа.

«Э, да он вроде тяпнул малость», — догадался Балгабаев. Бельгигулов тяжело поднялся.

— Ну, будь здоров. Не буду тебе мешать.

Манап снова остался один. Вспомнил слова Бельгигулова: «С такими студентами, как ты, университет не пропадет», — и удовлетворенно хмыкнул: «Хоть он и пьяный, но голова работает как часы».

На следующий день Манап встретился с Бельгигуловым у дверей книжного магазина. В руках у него было две огромные связки книг. Он едва тащил их. Манап поспешно подошел к нему.

— Маке, давайте помогу. Вам ведь не донести такую тяжесть.

Бельгигулов обрадовался:

— О, спасибо. Мне действительно тяжело.

Манап взял одну связку.

Проводив Бельгигулова до двери его квартиры, Манап попрощался и направился было прочь, но Макан остановил его:

— Куда бежишь? Заходи в дом. Нехорошо убегать так вот сразу. Заходи, будь гостем.

Манапу показалось неудобным отказаться от приглашения. Они прошли в кабинет Макана. Манап с изумлением оглядел набитые книгами полки, шкафы. Хозяин тем временем развязал принесенные книги и начал рассовывать их по полкам. Потом повел Манапа в столовую. На полу и на стенах были дорогие ковры, на широком буфете стояли многочисленные резные фигурки. «Вот это ученый!» — восхищенно подумал Манап.

Бельгигулов поставил на стол тарелку с лимонами, принес казы, курицу. Затем перед Манапом появилась бутылка с темно-золотистым вином. На этикетке Манап прочел: «Двин» и подумал, что это какое-то легкое марочное вино.

Вокруг стола хлопотала женщина, очень похожая на Макана. «Наверное, сестра», — подумал Манап. Бельгигулов представил его сестре:

— Это наш студент, Манап Балгабаев. Талантливый человек, на которого мы возлагаем большие надежды, — и разлил вино по рюмкам — маленьким, с наперсток. Манап усмехнулся про себя: «Детские игрушки. Видимо, особый шик».

Бельгигулов поднял наперсток:

— За успешное окончание университета!

Манап чокнулся, рюмка звякнула, как крошечный серебряный колокольчик. Он даже не подозревал, что стекло может так звенеть. Он выпил и... едва не задохнулся. Ему показалось, что в желудок покатился комок огня.

— Закусывай, вот лимон, — подвинул к нему тарелку Макан.

Манап взял ломтик лимона, сунул его в рот и снова изумился. На пылавший в горле огонь словно брызнули водой. «Вот интересно! И вино какое-то необыкновенное».

— Лимон к коньяку — лучшая закуска, — улыбаясь сказал Бельгигулов.

«Ага, значит это коньяк. Как я сразу не догадался...»

— Ты не стесняйся, бери мясо.— Бельгигулов снова наполнил рюмки.— Теперь выпьем за мое здоровье. Этот тост во всех случаях обязателен,— добавил он игриво.

— О да, за ваше здоровье!— воскликнул Манап. По его телу уже разливалась приятная истома. После второй рюмки все стало расплываться, в глазах зарябило от красных ковров, красного шелкового абажура.

Манап что-то говорил. Как весел его голос, как все хорошо. Манапа словно тихо укачивали. Душу заливал удивительный покой, светлая истома.

— Ну, что ж, выпьем еще по одной,— предложил Макан.

Манап хватает рюмку, до его слуха доносится тихий хрустальный звон. Он пьет, расслабленно улыбается какой-то очень знакомой физиономии с расплощенным, симпатично вздернутым носом, блаженно улыбающимися губами — подковками, между которыми сверкают белые крупные зубы... Зубы... зубы... Как много зубов!..

С трудом Манап догадался, что перед ним он сам, вернее, его отражение в большом зеркале. И догадавшись, громко захохотал. И покатился куда-то — приятно, смутно, блаженно...

Когда он проснулся, то не сразу разобрался в обстановке. Казалось, что его перенесли на другую планету. Стены горели радугами. С трудом разглядел Манап, что радуги — это умело, спектрально подобранные по цвету обложки книги на полках.

В окна лился солнечный свет. В голове у Манапа вдруг все прояснилось, он понял, что находится в кабинете Бельгигулова, поднялся. На столе стояла пустая бутылка из-под коньяка. Манап внимательно, с робким уважением изучил этикетку... «Двин... выдержка 12 лет, крепость 50°...»

Манап покачал головой, поцокал языком, но вдруг спохватился, оглянулся. Никого нет. Тихо в квартире.

На столе заметил записку: «Манап. Я ушел в университет. Будить тебя не стал, чтобы выспался как следует — коньяк дополняется крепким сном. Встанешь, выпей чаю (термос на столе). Уходя, плотно прикрой дверь. Дома никого, очевидно, не будет. Дверь на замке-автомате — закроется сама. Эта книга — мой подарок тебе. Макан».

Парень почти с благоговением раскрыл толстую книгу в красном переплете с золотым тиснением: «Резервы мутации». На титульном листе размашистым почерком выведено: «Дорогому Манапу — от учителя Макана. Зри в корень!»

Манап точно вырос в собственных глазах. Какое это чудесное свойство — человеческое достоинство, признанное достойным другом, достойным человеком!..

Гордая радость подняла Манапа. «Какой человечище Макан Бельгигулович! Глыба! Ум и душа. Красота души и красота ума!».

После того дня Манап частенько бывал у Бельгигулова. Он терялся в догадках, чем обязан такому вниманию большого ученого, но вскоре отнес его доброту за счет прекрасной, щедрой, благородной души настоящего человека.

Студент и преподаватель стали почти друзьями, вместе ездили в горы и даже на рыбалку.

Однажды Бельгигулов, оглядев одежду Манапа, повел его к себе домой и без обиняков вынул из гардероба новенький костюм, сказал строго и просто:

— Манап, этот костюм я сшил для себя, но не рассчитал, пополнел чуть-чуть. На похудание надежды не питаю — все-таки возраст дает знать о себе. Словом, костюм мне мал, а тебе будет впору. Купишь?

У Манапа загорелись глаза при виде дорогого модного костюма. Его одежда давно требует замены, но... Парень развел руками.

Бельгигулов не стал ломаться.

— Я знаю, денег у тебя нет. Но будут. Вот только окончишь университет. Так что забирай и считай себя в долгу. До первых получек.

Не нашел слов признательности Манап, молча взял костюм, решив про себя отдавать деньги частями, выкраивая из стипендии.

Через месяц так и сделал — притащил несколько десятков. Бельгигулов кровно обиделся, ошарашил студента словами:

— Если костюм не подходит, занеси как-нибудь. Я же тебе ясно сказал, что деньги потом... с первых получек. Защити сначала диплом.

— Маке, я хотел потихоньку выплачивать, — робко, с почтением проговорил Манап. — А костюм очень хорош, ребята от зависти лопаются.

Макан улыбнулся, смягчился, потрепал развесистый чуб студента:

— Ребенок ты еще! В деньгах я не нуждаюсь, но твои побуждения оцениваю высоко. Только не торопись с возвратом долга. Если ты настоящий парень, то поймешь меня

и не будешь докучать этими десятками... впредь до получки. Ясно?

— Ясно, Маке, я не знаю что и сказать. Я благодарю вас от души.

— Ладно, ладно, без нежностей. Дело обыкновенное, мужское, между нами. Все!

...И вот теперь... Что же случилось с Маканом Бельгигуловичем? Чем ему не угодил бедный студент? Страшно не то, что провалился на экзаменах. Хуже всего отчуждение и даже неприязнь такого человека!.. Ведь кажется совсем недавно...

Обхватив голову руками, Манап долго сидел на лестнице в горестном недоумении. Обидно и больно было на душе. К незажившим ранам прибавилась еще одна, глубокая, быть может, неизлечимая рана. Парень терзался неизвестностью, недоумением, предчувствием еще больших обид. За что? Почему? Одна беда тянет за собою другую. Несчастье не ходит в одиночку. Эх, судьба-злодейка, злой рок!..

За спиной Манапа послышались шаги. Он поднял голову и увидел Гульшат, посмотрел на нее с такой виноватой болью, что девушка остановилась. И вдруг присела рядом на ступеньку, вздохнула сочувственно. Это Манапа удивило и насторожило. Гульшат ведь еще на заседании резко осудила его поведение, а в последнее время вообще игнорировала его. А сейчас на лице ее Манап прочел сострадание. Что бы это могло значить? Не подвох ли какой?

Испуганный взгляд Манапа не ускользнул от Гульшат, она со вздохом спросила:

— Не пойму, почему Бельгигулов засыпал тебя? Он явно зол на тебя за что-то. А мне казалось, что он должен быть благодарен тебе. Неужели это я накликала на тебя беду своей напраслиной?

Из груди Манапа вырвался стон:

— Ах, Гульшат, я сам ничего не понимаю...

— В чем ты провинился перед ним? Преподаватель, видный ученый и вдруг так грубо обошелся с тобой. Просто обидно было слышать, как он ругал тебя,— вздохнула Гульшат.

Манап беспокойно заерзал, обхватил голову в отчаянии.

— Ты не обижайся на нас. Когда ты выступил против диссертации Божжанова, мы, грешным делом, подумали, что тебя подослал Бельгигулов. Когда ты ушел сейчас, Бельгигулов сказал: «Не учится, а делает вид знатока, и

тогда во время защиты диссертации выступил со своей невразумительной речью на общее посмешище».

— Он так и сказал?— подскочил на месте Манап.— Вот сейчас? Значит, вот для чего он засыпал меня! Чтобы не подумали на него. Ах, зараза! Но ты не выдумываешь? Так и сказал?

— Конечно. А мы тебя зря обижали. Оказывается, все было совсем не так, как мы думали...

Но Манап уже не слушал ее, задыхаясь от злости, шептал:

— А, собака, подлец! Я ему, гаду...

Гульшат испуганно схватила его за руку.

— Что с тобой, Манап?

— Меня Макан вынудил на это выступление. Не прямо, а намеками: «Мы в твои годы спорили с академиками, почему же ты не можешь отстаивать свои убеждения?» Ха, свои! Теперь я понимаю, что они были вовсе не мои. Пойду и расскажу все Доброву! Я ему покажу!

* * *

На следующий день Манап встретил Бельгигулова в университете. Тот, заметив на перемене студента, сам позвал его с собой, повел в пустую аудиторию, потребовал зачетную книжку и молча поставил хорошую оценку. Затем, зло прищурившись, спросил:

— Донес Доброву на меня? Разве я требовал от тебя дурацкого выступления на защите диссертации?

Манап понуро опустил голову.

— Я просто не могу понять тебя, поступаешь бестолково.

— Я тоже не понимаю, почему вы завалили меня на экзамене, тогда как я все знал. Потом высмеяли меня, едва я вышел за дверь.

Бельгигулов презрительно сморщился.

— Глупец, это все делалось ради тебя. Разве ты не слышал, что говорили стоявшие у двери: «Бельгигулов друг Балгабаеву, поставит оценку, не спрашивая».

Манап посмотрел в лицо преподавателю, промямлил убито:

— Простите, Маке. Я совсем не подозревал об этом. Я думал...

Бельгигулов решил доконать парня. Он с уничтожающим презрением сплюнул на пол, сказал зло, с напором:

— Предатель. А я-то над ним пекусь, не жалею времени и сил. Змею на своей груди пригрел.

— Маке...— простонал Манап.

Бельгигулов саркастически рассмеялся, кажется, он и впрямь поверил в свою правоту.

— Дурак и доносчик. Сам себя высек на манер гоголевской унтер-офицерской вдовы. Эх, пентюх,— и, с безнадежной обреченностью махнув рукой, Бельгигулов вышел вон из аудитории. Подавленным, остановившимся взглядом парень уставился на захлопнувшуюся дверь.

32

Маулен опоздал к назначенному времени. Спихватился и ахнул. Даже не заскочив в общежитие, чтобы переодеться, он побежал по улице длинным спортивным шагом, словно собирался побить рекорд.

Но когда он взлетел на крыльцо особняка, сомнение взяло его. «Может, вообще не стоит появляться, раз уж так безнадежно опоздал...»

Он постоял в нерешительности у массивной, вызывающей почтение черной двери.

За ней слышался веселый шум. Смеялись, пели и играли на пианино. Кто-то играл легко, броско, с чувством. Торжествующие аккорды налились силой и оборвались, мелодия, казалось, умерла. «Неужели это Инеш?!»— подумал восторженно Маулен и ему неудержимо захотелось заглянуть в ее огромные, блестящие и всегда чуть-чуть равнодушные, даже печальные глаза.

Колебания кончились. Когда он услышал за дверью аплодисменты, рука сама потянулась к кнопке звонка. Дверь распахнулась почти тотчас же. Инеш, румяная и восторженная, в длинном светло-голубом платье, которое делало ее выше и еще стройнее, протянула к нему обе полные красивые, чуть смуглые руки. С игривой капризностью Инеш проговорила:

— Причину опоздания, надо думать, ты уже обосновал дорогой, поэтому не спрашиваю ни о чем.

Маулен, мгновенно очарованный счастливым видом Инеш, одурманенный волной тонких запахов, чуть отшатнулся.

— Засиделся в библиотеке, зачитался Чернышевским. А когда вспомнил о тебе, побежал сюда, забыв даже переодеться. Извини. Я просто олух.

Инеш звонко и весело рассмеялась.

— Чернышевского он ставит выше моего дня рождения!— Да, из него выйдет толк. Человек, зачитывающийся философскими трактатами, когда его ждет девушка, достоин не только... прощения.

Гости, собравшиеся в передней веселой гурьбой, воздали должное остроумию виновницы торжества оглушительными аплодисментами.

— Входи же, будущий «философ нежный и пиит, парнасский счастливый ленивец...»

Инеш потянула ошеломленного Маулена за рукав и с милой непосредственностью закинула руки на его плечи, чтобы снять пальто. Парень увидел совсем рядом ее удивительно выразительные глаза, почувствовал горячее дыхание девушки и задрожал.

Смущаясь и краснея, Маулен с трудом вытянул из тесного кармана неподдающийся сверток и виновато протянул его девушке:

— С днем рождения. Это от меня.

— О, он все-таки не забыл. Как мило, страшно чутко. Спасибо. Но, Маулен, может быть, ты и развернешь подарок?

Раздался теперь уже не столь дружный смех, скорее сдержанный. Маулен поспешно, бестолково сорвал газету и все увидели книгу. Инеш довольно безразлично взяла книгу в левую руку, а правую протянула парню, поворачиваясь к двери и намереваясь идти. Маулен понял жест иначе, с пугающей искренностью схватил руку и поднес к губам.

Многие сидевшие за столом были знакомы Маулену, других он видел мельком в университете, третьих вообще не знал. Гульшат, Сымбат, Манап само собой разумеется сидели рядом, плотно и уверенно.

В небольшом зале, предназначенном для таких вечеров, стояло пианино цвета слоновой кости, купленное еще до войны, при Сабыре. В воскресные дни товарищи Инеш приходили сюда, развлекались, танцевали.

Сейчас здесь собралось немало разного люда. Стол был богато накрыт. В белых фарфоровых блюдах колбаса и казы¹, маринованные огурцы, винегрет, свежие яблоки, шоколадные конфеты...

¹ Казы — национальное блюдо.

Инеш усадила Маулена рядом с собою и с прежней вызывающей веселостью спросила:

— Какое наказание опоздавшему придумать бы?..

Движение и разговоры прекратились. Взгляды гостей обратились к Маулену. Парень смутился, закашлялся, покраснел, начал искать в карманах платок, оставленный в пальто. Для тех, кто не знал пришедшего с опозданием, Инеш представила Маулена довольно ясно:

— Это фронтовой друг моего брата, сейчас учится в университете... Зовут Мауленом.

— Штрафную ему за опоздание, — опередив тамаду, предложил Муздарапов. — Полный бокал.

— Правильно... Инеш! Налей ему побольше коньяку.

Перед Мауленом поставили высокий бокал, до краев наполненный золотистым напитком. Ему до сих пор было нехорошо от внезапного холодного взгляда Инеш, поэтому он, чтобы заглушить неприятное чувство, без обиняков ухватился за тонкую ножку, поднял бокал и залпом выпил.

Гости смешались. Но Муздарапов опять взял на себя роль тамады, поднялся, налил в бокал Маулену еще коньяку, не забыв, понятно, и о своей рюмке, затем с деловым видом оглядел собравшихся.

— Кажется, пора, — начал он бестолково, но уверенно. — Мы забыли об очень важном событии в жизни Инеш. Да, событии. И не столько в жизни, сколько в карьере. Вернее, в будущем биолога товарища Инезилии Даулеткереевой. Короче говоря, выпьем за первое научное достижение Инеш. Точнее сказать — первый, но внушительный шаг в науке.

— Понятно, — незлобиво, про себя, но достаточно внятно одернула Гульшат Жолтая. Он покосился на нее, но закончил с еще более вызывающей церемонностью:

— За двойную радость Инеш. Не все еще знают, что ее статья, над которой она корпела почти всю зиму, пренебрегая даже танцами и прочими общественными делами... Короче, статья Инеш только что опубликована в наших «Ученых записках». И я предлагаю за это тост. Ура Инеш!

Тост-сообщение Муздарапова имел успех. Многие из гостей были поражены, слышались восторженные ахи и охи, поздравления. Жолтай не стал ждать и повторяться, опрокинул рюмку в рот и на всякий случай налил еще. Мавр сделал свое дело — взоры всех присутствующих снова обратились к «новорожденной».

— Неужели?!

— Вот это достижение!

— А ни слова, ни гу-гу. Скромница!

— Голова, вся в отца!

Инеш молчала. Она была смущена, но глаз не потупила. Наоборот. Взгляд ее был устремлен куда-то между потолком и головами сидящих.

Жолтай молчал недолго. Он не умел молчать.

— Макан непосредственно руководил, да?— повернулся Муздарапов к Инеш.— Говорят, он очень удивительный человек: ради молодых он не жалеет ничего. Высиживает молодые таланты, как цыплят.

— Действительно ничего не жалеет,— неопределенно улыбнувшись, поддержала Гульшат.— Макан Бельгигулович подложил молодежи много яиц. Но неизвестно, что из них вылупится,— воробы или дятлы...

Все громко рассмеялись.

Манап, молчавший все это время, злобно бросил:

— Если бы это были только безобидные яички... Бельгигулов не устает взбалтывать их. Но ему не попадутся в руки больше такие яички, как я...

— Ты просто пьян,— оборвала его Инеш.

Гордое выражение исчезло с лица ее. Она вздохнула, передернула плечами, свела брови в сплошную линию.

Женщина со смуглым лицом и двойным подбородком, сидевшая направо, рядом с офицером в парадной форме, сказала, демонстрируя свой открытый, прямой характер:

— Хватит вам болтать об отсутствующих. Не положено. Давайте общую тему. Даю слово вот этому джигиту,— он ничего еще не говорил. А ну, друг мой!

— Я пью за здоровье родителей Инеш!

— Правильно.

— Ну-ка, чокнемся.

— А сами они где?

— Надо их позвать.

Из другой комнаты позвали Даулеткерей. Он быстро вышел — маленький, худой и насмешливый. Его острая небольшая бородка при каждом слове быстро двигалась. Юрко подошел к столу и присел бочком.

— Спасибо, дорогие... Эй, батыр, где ты?— громогласно позвал он замешкавшуюся Мадину.— Иди быстрее.

Все в ожидании смотрели на дверь. Мягко и тяжело ступая, вошла Мадина. На немного опухшем лице строгое и в то же время радостное выражение.

Даулеткерей сначала выпил налитую ему рюмку, а потом сказал:

— Дети мои, не знаю, стоит ли говорить родителям спасибо за то, что они вас произвели на свет. Но за то, что они вас воспитали,— стоит. Да и только ли родители вас воспитывали? Ваш воспитатель — сама жизнь. Зот Мадина этого не понимает. Считает: одевай, корми, пои, празднуй дни рождения... И все. А вопросы воспитания? Не-е-ет... Мы — люди с грузом старого мира. И незачем перекладывать этот груз на плечи молодых. Вот так. Что бы еще сказать? Теперь я выпью, пожалуй. Высказался вполне. Тем более, что сам я воспитанием детей не занимался, некогда было.

— Даке, вы правильно сказали,— поддакнул Муздарапов.— Я поддерживаю.

Речь Даулеткерей поддержали, заговорили о педагогике, о воспитании, о многом другом.

Муздарапов уже подошел к пианино и торжественно объявил:

— Дорогие мои, я сыграю любимый танец Инезилии... Зазвучал медленный, унылый танец.

Гости шумно встали. Инеш подошла к Маулену, сидевшему в стороне.

— Ты что надулся? Идем танцевать.

Маулен равнодушно вышел на середину.

— Инеш, мне этот танец совсем не нравится.

— Почему?

— Тоскливый какой-то.

— Значит, ты не понял,— Инеш обиженно отвернулась от него.— Какие же ты любишь?

— Все веселые... Скажем, тарантеллу, венгерку. Они полны огня. Танцуешь и набираешься энергии.

Инеш натянуто рассмеялась:

— Грубые танцы... Вульгарные. В них нет неги. Это танцы для людей исключительно физического труда.

Маулен не стал спорить. Он подал руку Инеш, будто сделал одолжение самому себе. Инеш закрыла глаза и перестала о чем-либо думать. Она танцевала — и только! И Маулен был благодарен ей за ее самозабвенность.

Делая круг за кругом, он, сам не зная почему, старался не выпускать из поля зрения Гульшат.

Вот она подошла к Даулеткерей, сидевшему в кресле, о чем-то заговорила.

В следующий круг Маулен услышал, что Гульшат приглашает старика потанцевать.

— Аксакал, почему вы не танцуете?

— Давно не танцевал, позабыл,— неуверенно отвечал Даулеткерей.— Но с удовольствием.

Мадина, стоявшая сзади у порога и смотревшая на танцующих, шутливо сказала:

— Ты что, дорогой, вправду будешь танцевать? Нечего тебе среди молодежи делать! Ну-ка, иди в сторону.

— Мадина! Ты что говоришь? Или ты думаешь, что танцы убежали от старика? Нет, я еще не спотыкаюсь, я на празднике детей моих — и станцую. Только пусть переменят пластинку.

Зазвучала бодрая «полька-кокетка». Старик подал руку Гульшат, вывел ее на середину зала. Путаясь и сбиваясь с такта, начал танцевать.

Все весело захлопали в ладоши. Когда танец кончился, старик вытер лоб большим платком и, отдышавшись, сказал:

— Давно я не танцевал, совсем забыл...

— Нет, вы хорошо танцуете. В свое время, видно, танцевали просто замечательно.

— Да, я родился не сразу с седой бородой...

Инеш увлекла Маулена на террасу во двор.

...Зимняя ночь. Небо, белое и туманное, кажется, опустилось на верхушки деревьев. В городе царит тишина. Издалека донесся дрожащий, замирающий гудок. Недвижно застыли яблони, ветви их пышно разукрашены инеем.

Скользкая тесная аллея с хрустящим снегом убегает мимо пышных яблонь в серебристую муть. Окон дома уже не видно за деревьями, свет не доходит сюда.

Инеш вдруг остановилась.

— Дальше я не пойду. Страшновато.

— Да ну? Инеш, ты много выдумываешь. В крайнем случае, если уж так страшно,— я готов защитить.

Инеш не поняла или не приняла иронии.

— А ты сумеешь защитить?

Маулен увидел ее глаза — они мерцали во тьме неясным таинственным светом — забыл об обиде... Но он сдержал себя, вспомнив Айшан. «Я все-таки эмоционально неграмотен. Это верно».

— Ты скучен, Маулен,— сказала с грустью Инеш,— никак не проявляешь своих чувств.

Маулен усмехнулся.

— Я просто не разбираюсь в чувствах.

— Хорошо разбираешься, очень хорошо. Как и я.

— Если разбираешься, то должна понять...

— Ты стал настоящим философом. Хорошо, если всех твоих чувств не поглотит рассудок. Как холодно, я замерзла.

С террасы позвали:

— Инеш, Инеш!..

— Это мать. Ты подожди здесь, я сейчас вернусь, захвачу и тебе шарф. Ты не замерз?

— Нет.

— А я замерзла. Подожди меня, я сейчас.

Инеш убежала. Маулен ждал ее долго. Подул холодный ветер. Потемнело. И вдруг вынырнул бледный месяц, стали видны очертания гор. Луна коснулась далекой вершины и неторопливо скрылась за ней. Серые отблески скользнули по ледникам. И снова все потонуло во мгле.

Маулен начал мерзнуть. Он тихо пошел по газону к террасе и увидел в окно, что гости сели за стол. Инеш смеясь разливала вино. Видимо, забыла, что ее ждут. Маулен вошел в дом и сел на свое место.

— Мы сидим и удивляемся: что это за человек — поздно приходит и рано уходит, — пустила шпильку женщина с двойным подбородком. — Где ты был, друг мой, весь заиндевел?

— На улице... Там очень хорошо... Я подышал свежим воздухом... И вам рекомендую.

К нему подошла Инеш, налила в рюмку вина и прошептала на ухо:

— Вот я тебя и проучила! Будешь знать, как надо ухаживать за девушкой! Другие часами ждут на морозе своих возлюбленных, а ты... Пей, бука, и люби меня, как Отелло Дездемону. Боже мой, ты как лед холодный! Пей до дна. Сейчас же.

— Только не вино. Коньяку.

Маулену почему-то стало вдруг страшно весело и хорошо. Он выпил вина и коньяка, затем еще... Жизнь все-таки сложная штука, несмотря на то, что мудрость эта стара и банальна.

Гульшат предложила спеть песню и, не ожидая приглашения, сама исполнила знакомую арию из какой-то оперы. Голос у Гульшат сильный и густой. И хотя она не смотрела на Маулена, но парню казалось — поет она не только для себя, быть может, совсем не для себя...

Раз начав, пели много и с воодушевлением. Пели по-казахски и по-русски, старые и новые песни: «Сырымбет»,

«Озерные камыши», «Черные глаза», «Ласточку»... Пели по очереди.

Наконец очередь дошла до Сымбата. Он уже порядочно выпил, и к удивлению всех заявил, оттопыривая губы:

— Я не могу петь, у меня нет голоса.

— Если ты не знаешь песен, прочти свои стихи, ты же поэт.

— Поэт?

— Ой-бой, так что же мы поем, когда среди нас есть акын! — весело проговорила женщина с двойным подбородком.

— Читай, читай! — начали просить все Сымбата.

Чуть пошатываясь, он встал, немного подумал и начал сильно, с завыванием:

Как семена осеннего цветка,
Я медленно и тихо осыпаюсь.
Не в силах отстранить
Безвольная рука
На сердце наступающую старость.

Погаснет ум. Земля возьмет меня.
Заплачет ветер над могилой громко.
Какой же след оставлю в жизни я,
Что передать сумею я потомкам?

Патетический вопрос поэта прозвучал вовсе не риторически. Сымбат смотрел на присутствующих с таким грозным видом, что даже воинственная женщина с двойным подбородком не посмела щегольнуть своей прямотой. Вид у него был внушительный. Богатырь, казалось, изготовился к прыжку на всякого, кто посмеет ответить на вопрос отрицательно. Взбывшись, взбугрив широкие плечи, Сымбат стоял таким образом до тех пор, пока тишину не нарушила Инеш. Она первая оценила по достоинству стихи поэта, ее маленькие руки, вскинутые к лицу, затрепетали белыми голубями. Никто, кроме Муздарапова, не поддерживал ее. Но Сымбат не заметил равнодушия других, коль уж сама Инеш была в восторге. Парень опустил плечи и перевел дух.

Но стихи были вовсе не плохи. Просто их мрачный пессимизм не подходил к обстановке и настроению подвыпивших людей. Инеш первая уловила в стихах проблески поэзии, и Сымбат был благодарен ей за это. Больше того — он был покорен Инеш.

Но постепенно остальные поняли и оценили мысль молодого поэта. Раздались совершенно искренние возгласы:

— Да, он поэт!

— А молчал, скрывал свой талант!

— Это он из скромности.

Наконец решилась высказать свое суждение женщина с двойным подбородком. С фамильярной простотой она сказала:

— Ты, мой друг, задумываешься над глубинным смыслом жизни, ищешь ответ на вечный вопрос! Похвально, весьма здорово,— и, женщина с завидным проворством обернулась к Сымбату.— Ты спрашивал, что оставить в наследство потомкам? Я думаю, твои стихи со временем придутся по сердцу и потомкам. Почитай еще. Послушаем.

Сымбат выпрямился на этот раз с готовностью, предвзвешенно опрокинув в рот чужую рюмку с вином. Вытерев губы тыльной стороной ладони, набрал воздуха.

— «Окровавленный платок»,— мрачно бросил он, обведя стол свирепым взглядом.

Офицер изумленно поднял голову и повторил с недоумением:

— Окровавленный платок?!

Жена с живостью повернулась к нему.

— А что? Да ты не пугайся. К чему такая щепетильность? Читай, молодой человек. Платок может быть окровавлен не только кровью...

— Нет, этот — кровью,— с пугающей настойчивостью повторил Сымбат.— Вы сейчас все поймете.

Он вскинул голову, раскрыл рот и замер. Видимо, он забыл первые строчки, похлопал веками, опустил глаза, снова взял чью-то наполненную рюмку и вылил содержимое в себя.

— Я забыл... Не могу припомнить... Вначале я описывал голубой Дунай, рай земной, а потом... Да, вот.

Вскинув голову, Сымбат унылым речитативом продекламировал:

У старой, заросшей полынью межи
Девичий платок у дороги лежит.
Не влагой весенней — он кровью намок! —
Старательно вышитый вязью платок.
Лежит на земле он, как небу укор,
И кровь на нем вывела новый узор.
Растоптан, расхлестан и ветром измят,
Лежит у межи окровавленный плат.

Ну как залетел ты в чужие края?
Где плачет, тоскуя, хозяйка твоя?
Я взял в свои руки кровавый платок
И сразу услышал за далью дорог,
Как пики свистят и звенят стремена,
Как плачет в ауле героя жена.

Теперь уже никто не сомневался в одаренности Сымбата. Жаль только, что стихи свои он портил манерой исполнения. Бог ведает, у кого он перенял эту заунывность, глухую монотонность!

Инеш снова восторженнее остальных оценила Сымбата. Что-то укололо Маулена, он смотрел на поэта неопределенным туманным взглядом. Ему немножко неудобно было за непомерную восторженность Инеш и жаль чрезмерно восхваляемого Сымбата. Маулен, задумчивый и скучный, встал и отошел в сторону. Его маневр заметил офицер и с радостью присоединился к коллеге по молчаливости. Два молчальника вместе — это же целый парламент.

Офицер кивнул на расцветшего Сымбата, который опять потянулся к чужой рюмке.

— Не спился бы. Поэт, а?!

— Поэт,— согласился Маулен,— но в стихах его очень уж много мрачности.

— Это от войны.

— Он не воевал.

— Все равно.

— Но война шла ради жизни, света. Поэт обязан сейчас петь победу.

— Замечательно!— оживился офицер.— Хорошо бы вам об этом написать. И передать.

— Кому?

— Ну, скажем, мне...

Маулен посмотрел на офицера с явной подозрительностью и ответил с негодованием:

— Я не занимаюсь слежкой за чужими мыслями... Есть партийные и комсомольские организации, поправят, если ошибается.

Офицер вздрогнул:

— Вы не поняли меня! Хотя я и политработник, но...

— Я не ребенок, незачем меня втягивать...

— Ух!— сокрушенно пожалел офицер.— Да что вы в самом деле! Парень прочитал хорошие стихи. Их мне просто хочется выучить наизусть. Они воспевают мужество и верность. Чем плохо, а? Но ведь они нигде не напечата-

ны — услышал раз и забыл. Вот о чем я толкую: надо бы записать эти стихи.

— Извините,— смутился Маулен и покраснел до корней волос.

Между тем, Сымбата завалили просьбами. Он стал центром внимания и изнемогал под тяжестью собственной значительности.

— Я хочу стихов о любви!— с шутливой капризностью пьяно потребовала женщина с двойным подбородком и искала глазами своего благоверного.— Эй, Карабас, куда ты сбежал! Иди сюда, не затевай политических споров по углам.

Офицер пожал плечами, дотронулся до локтя Маулена и отошел к своей супруге.

— Стихи без названия, под тремя звездочками,— густо и невнятно проговорил Сымбат. Жолтай подхватил многозначительно:

— Под тремя звездочками! Вот это намек! А сам он уже...

— Тише!— прикрикнула на него Инеш. Сымбат одарил девушку поворотом головы и с силой вздохнул:

Когда смотрю на спелый куст смородины,
На черных ягод солнечный агат,
То вижу снова грозовую Родину,
Родной аул и твой тревожный взгляд.
Ах, Дарига! Где те часы далекие,
Когда сгибалась на ветру лоза
И я смотрел, как смотрят в мир широкий,
В твои большие черные глаза.
И отражался мир в зрачках больших,
И я себя, счастливый, видел в них...

Сымбат задумался, уставившись в стол. Маулен решил было, что он снова хочет выпить, но ошибся. Поэт нашел продолжение.

— Забыл середину,— сказал он.— Хорошо же, я прочитаю последние строки:

...И вспоминая то, что было пройдено,
Когда душа цвела, как майский сад,
Я вновь смотрю на спелый куст смородины,
На черных ягод солнечный агат.

Но черный цвет не вызовет волнения,
И я опять с домброй сижу один
Без счастья, без любви, без вдохновения,
Без тех незабываемых картин.

Сымбат изнеможенно плюхнулся на свое место. Женщина с двойным подбородком тотчас же налила коньяка в его рюмку, не забыла и о себе, обошла супруга и протянула почти пустую бутылку Жолтаю. Подняв рюмку, провозгласила:

— Он поэт. Так выпьем за поэзию.

— За Сымбата!

— За здоровье его стихов!

Пошатываясь, Сымбат потянулся с рюмкой к Инеш.

— Инезилия... Все это благодаря тебе. Ты меня вдохновила...

— Обманщик! — притворно рассердилась Инеш. — Обо мне ты и не подумал! Как мог ты, поэт, упустить такой случай — день рождения мой! Отвечай, поэт, увлеченный славой! — девушка с шутливой угрозой выхватила из хрустальной вазы цветок и воткнула его в карман.

— Вот тебе! За отсутствием лавра!

Сымбат вздрогнул, выпрямился. Торопливо отставив рюмку, он усталости куда-то в потолок — серьезный, побледневший, потерянный. Все притихли.

Поэт недолго витал в облаках с мрачной отрешенностью на лице, глаза его внезапно вспыхнули радостным светом, словно он нашел то, что искал. Сымбат заговорил, бережно замыкая в свои огромные ладони подаренный Инеш цветочек:

Что может быть краше степного цветка?
Смотри, как легко его держит рука!
Над ним полыхали весенние зори,
Рассветы рождались в крутых лепестках.
Цветы сбросят с сердца тяжелое горе
И вспыхнут зарницей в любимых глазах.
Цветы озаряют мой разум и сердце,
В цветах наслаждения ищет душа.
За этот цветок одарю тебя песней,
О девушка, что, как цветок, хороша!

Экспромт удался. Теперь уже ничем не сдерживаемое одобрение высказывали все присутствующие. Инеш в порыве признательности обняла поэта и звучно поцеловала в щеку.

Сымбат еле стоял на ногах: его качало от счастья и вина.

В два часа ночи гости дружно засобирались домой.

Первой вышла пара — молчаливый офицер Карабас и его красивая, неунывающая, полная и энергичная жена с решительными манерами. Кажется, они ссорились.

Дни проходили за днями, а желанного ответа из Москвы не приходило. «Неужели шайыр не оправдывает надежд!»— думала Гульшат. Ее не переставала беспокоить судьба растения, она верила, что рано или поздно шайыром заинтересуются и найдут ему применение в производстве.

Но вот, кажется, прошли все сроки, необходимые для ответа на письмо студенток, а его все не было. Зада и Аллочка, раньше без умолку с утра до вечера разговаривающие на эту тему, вдруг как-то сразу охладели к начатому делу, с завидной легкостью занялись другим.

Сомнение закрадывалось и в душу Гульшат. «Видно, я ошиблась и приняла желанное за действительность, плохо, поверхностно провела исследования».

Однако покорность и покладистость не в характере Гульшат; она или добивалась своей правоты, либо выясняла причину неудачи. В любом случае начатое доводила до конца. «Придет все-таки ответ,— решила она.— А пока я буду заниматься подготовкой к докладу о Мичурине и его научном методе».

Научная конференция студентов была не за горами, и она целыми днями просиживала над книгами и опытами.

Свой доклад она подготовила вчерне очень быстро и решила показать его заведующему кафедрой дарвинизма доценту Бельгигулову. Тот сначала сослался на занятость по кафедре и подготовкой к защите докторской диссертации, но, подумав, взял материалы и пообещал просмотреть на досуге. Гульшат день за днем с нетерпением ожидала вызова Бельгигулова. Но он всякий раз с невозмутимо равнодушным видом отвечал на приветствие студентки и не заговаривал о докладе.

Оскорбленная Гульшат вновь составила доклад по оставшимся у нее черновикам, но к доценту больше не пошла. Она очень жалела, что в университете нет Карима Божжановича: он надолго уехал в командировку в район.

Совет преподавателя нужен был Гульшат дозарезу, в особенности в том месте доклада, где она делала обзор различных течений в современной биологической науке и давала свои выводы. На конференции ей могут задать самые неожиданные спорные вопросы, а она не во всем была уверена, не по всем проблемам имела ясные и более или менее исчерпывающие знания.

Однажды Ерен спросил о причинах ее озабоченности и, получив ответ, тут же предложил:

— Слушай, а почему бы тебе не сходить к Викентию Викентьевичу Доброву?.. Он пишет книгу «Философское значение учения Мичурина» и, думаю, подбросит тебе много полезного и интересного. Ступай к нему без промедления.

В маленькой секретарской комнате перед кабинетом Доброва сидела хорошо знакомая Гульшат девушка — армянка Сато Шираз. Крупная, стройная, большеглазая, правда, с несколько, на взгляд Амановой, великоватым носом, она вот уже второй год училась заочно на отделении журналистики филологического факультета. Горячая, отзывчивая, очень экспансивная в разговоре, Сато частенько сталкивалась с Гульшат в библиотеке. Большая любительница книг, она несколько раз схватывалась с Гульшат в оценках прочитанного. На этой почве они и сошлись.

Работая помощницей секретаря партбюро, учась в университете, Шираз, однако, не утратила темперамента и поवादок горянки.

Она искренне обрадовалась, увидев Гульшат.

— Я к Викентию Викентьевичу.

— У него много народу, подождите, пожалуйста, немножко.

Через некоторое время Гульшат вошла к Викентию Викентьевичу. Добров сразу же заметил девушку, чуть-чуть привстал, кивнул головой на свободный стул.

— Проходите, садитесь,— и с улыбкой посмотрел на собеседника, как бы приглашая его сделать перерыв в их разговоре. Мужчина повернулся к девушке. У Доброва было правило: студента выслушивать и решать его дело прежде всего, в первую очередь.

— Как с учением, товарищ Аманова?— спросил Добров.

Гульшат удивилась тому, что секретарь партбюро помнит ее по фамилии, растерянно промолвила:

— Хорошо.

— Я слушаю вас.

Девушка чувствовала себя неудобно от того, что своим появлением прервала беседу. Чтобы не слишком занимать профессора, коротко изложила суть своей просьбы.

— О, вопрос серьезный и сложный,— с радостью заключил Викентий Викентьевич.— Вот это дело, а?— обратился он к посетителям с самым искренним удовольствием.— С кондачка его не решить. Поэтому, Гульшат, прошу вас немного подождать, пока я отпущу других товари-

щей. Они пришли пораньше, да и мы уже почти обсудили то, что нужно. Можете подождать?

— Да, конечно,— поспешно закивала головой польщенная Гульшат,— но если вы заняты, Викентий Викентьевич, то я зайду попозже. Мне не к спеху.

— Тут вы ошибаетесь. Ваше дело нельзя откладывать до греческих календ,— щегольнул он чисто по-студенчески, и девушка, совсем освоившись, улыбнулась в ответ.

— Мы постараемся быстро. Так что сидите и слушайте. Или думайте — как вам угодно.

С этими словами Добров повернулся к веснушчатому парню, сидевшему на краю дивана:

— Слушаю вас.

Парень, как видно аспирант университета, просил о командировке в Ленинград, где, по его словам, наиболее полно собран материал по теме его исследования.

— Вы об этом говорили с ректором? — спросил Викентий Викентьевич.

Аспирант нехотя ответил:

— Говорил...

— Что он сказал?

— Сказал, что командировка не предусмотрена сметой.

Добров начал подробно расспрашивать, какие материалы нужны аспиранту. Затем подумал о чем-то и сказал:

— У нас есть аспиранты, которые не выполнили своих творческих планов и просили отсрочить их командировки до следующего года. Поэтому, я думаю, ректор найдет возможным выделить для вас свободные средства.

Аспирант поблагодарил Доброва и ушел.

Тотчас же встала другая посетительница, пожилая строгая женщина и молча положила перед Добровым пухлую папку. Гульшат чуть не прыснула в кулак.

— Что это? — спросил Викентий Викентьевич.

— Это диссертация Айдарова «Философско-эстетические взгляды Абая». Кафедра казахской литературы назначила вас оппонентом.

— Это следует дать кому-нибудь, занимающемуся вопросами эстетики. Нельзя же валить все на меня! Но дело не во мне. Просто ваша кафедра очень уж много... сомневается, что ли.— Добров вернул папку и жестко заключил.— Скажите им: не следует заниматься перестраховкой. Они не так давно сделали промах, а теперь вот и самое очевидное превращают в объект, извините, об-

сасывания. Ожегшись на молоке, на воду не дуют. До свидания.

Добров встал и церемонно поклонился. Не узнать было всегдашнего добряка. Женщина с невозмутимым видом приняла папку и вышла. Добров неожиданно остановил ее:

— Одну минутку. Сегодня-завтра вы, быть может, увидите Айдарова, так скажите ему, — пусть он зайдет ко мне. Скажем, во вторник следующей недели. — И перекинув настольный календарь, сделал пометку.

Только после того как женщина скрылась за дверью, Добров сел и покачал головой, еще раз повторив с сердцем:

— Перестраховщики, — обведя взглядом оставшихся, объяснил, словно отчитываясь: — Эта кафедра совершенно не самостоятельна. Она неуместно осторожна и похожа на Беликова, который ходил в калошах и носил зонтик, полагая, что ясная погода может испортиться в любую минуту. Есть ли в науке проторенная дорога? Нет такой дороги... Наука прокладывает себе дорогу по целине. Дорога эта не устлана коврами. Но смелость и уверенность, вера в успех дела ведут исследователя вперед. Твердость духа нужна научному работнику не меньше, чем доблесть воину.

Профессор устало откинулся большим телом на спинку кресла, смахнул что-то невидимое с глаз и висков и снова улыбнулся. Но глаза его по-прежнему смотрели строго.

Профессор вдруг встал и с непостижимой для его до-вольно-таки грузной фигуры прытью прошелся до двери, приоткрыл ее и громко сказал Сато Шираз:

— Чтобы не забыть: на следующем бюро будет заслушиваться работа кафедр марксизма-ленинизма и геолого-почвоведческого. Поставьте их в известность.

Он семенящей торопкой походкой вернулся к столу, а Сато чего-то ждала еще в дверях. Но Добров больше ничего не сказал, и Шираз прикрыла дверь. Профессор этого не заметил и продолжал тем же тоном:

— Да, чуть было не забыл: не поступил ли список агитаторов? — но, увидев, что дверь закрыта и Шираз могла не услышать, не стал нажимать на кнопку, а снова с той же прытью, с каким-то даже удовольствием подкатился к двери и повторил вопрос:

— Не поступили ли списки агитаторов?

— Нет, не поступали, Викентий Викентьевич.

— Передайте в комитет комсомола: я жду их. Я хочу ознакомиться с агитаторами.

Гульшат пришлось ожидать довольно долго, но она ничуть об этом не жалела. Ей было очень интересно в кабинете секретаря партбюро. Она не сводила глаз с профессора. Добров уселся на диван и позвал девушку к себе, похлопав ладонью рядом.

— Ну, я вас слушаю. Теперь поподробнее. Кое-что — самое главное — почитайте вслух.

Голос Гульшат слегка дрожал. Но она поборол волнение и закончила читать совершенно спокойно. Добров слушал внимательно, кивал головой, бросал быстрые и одобрителные взгляды на тетрадь в руках девушки.

Когда Гульшат закончила читать реферат, Добров помолчал немного и заметил:

— Ценность всякой научной работы в ее общедоступности. Это надо помнить... А у вас академично, тяжело-вато...

Гульшат сгоряча возразила:

— Викентий Викентьевич... — и осеклась.

— Да-да, говорите. Что вы хотели сказать?

— Разве ценность научной работы не определяется в первую очередь ее содержанием?

Добров весело расхохотался и откинулся на спинку дивана.

— Вот что, Гульшат...

Девушка поняла, что секретарь партбюро хочет назвать ее по отчеству, и сказала:

— Просто Гульшат.

— Вот что, Гульшат Аманова, всякая работа, не поднимающая нового, с точки зрения марксизма, вопроса, не является научной. — Он поднялся, взял из шкафа том Тимирязева и начал медленно перелистывать страницы. — Я думаю, вы читали Тимирязева... Возьмем к примеру его статью «О возникновении органических видов». Какое мастерство изложения! Как стилист Климент Аркадьевич мог бы поспорить со многими нашими писателями... Так вот, читая подобные работы, следует обращать внимание не только на содержание, но на язык, на их стиль. Прежде чем вы приступите к переработке доклада, прочтите Тимирязева, хотя бы одну его статью...

Викентий Викентьевич закрыл книгу, взглянул на тетрадь, которую вертела в руках Гульшат, и спросил:

— Что, по-вашему, главное в учении Мичурина?

Застигнутая врасплох, Гульшат не смогла сразу ответить.

— Главное в науке Мичурина...— Она покраснела и встала.

— Сидите, сидите,— замахал руками Добров.— Ну, так что же?

— Главное в науке Мичурина — преобразование природы.

— Правильно, но не конкретно. Самое главное в этой науке...

Добров не договорил. Дверь широко распахнулась, и вошел Бозжанов. Загорелое лицо его было обветрено, небрито, шагал он размашисто, свободно.

О, Карим Бозжанович! Приехали? А мы уже начали тут скучать... Домой не заходили? Ну, докладывайте, каковы итоги работы.

Бозжанов сел на диван, неторопливо закурил. Потом, переводя свои широко расставленные глаза с Викентия Викентьевича на Гульшат, улыбнулся и начал рассказывать о результатах поездки.

— Работа идет хорошо,— заключил он.

— Отлично. А мы вот с Амановой обсуждали доклад. Очень хорошо написан. Но допущены ошибки в определении роли мичуринской науки.

Бозжанов взглянул на Гульшат.

— Прежде всего нужно понять содержание, самый дух этого учения. Путь к пониманию мичуринской науки — путь размышлений, поисков, упорной работы. Вы покажите мне потом, я тоже прочту.

— Разумеется,— заметил одобрительно Добров.

Гульшат попрощалась и побыстрее вышла из кабинета, боясь помешать беседе двух уважаемых ею людей. Сато проводила ее до самого порога и шепнула на прощание:

— Выдам вам секрет, но при условии — ни гу-гу, ни слова никому, а?

— Да разве я... Что вы, Сато...

Шираз наклонилась к уху и быстро, горячо проговорила гортанно, с придыхом:

— Идет подготовка к распределению студентов-выпускников. Уже организована комиссия. Похоже на то, что всех — почти всех! — заканчивающих в нынешнем году, отправят в села. Если есть думка остаться в городе, позаботьтесь об этом сейчас. Потом поздно будет.

Гульшат поблагодарила за сообщение скорее из вежливости, чем из признательности.

— Только ни слова никому, прошу вас,— еще раз на прощание сказала Сато и неожиданно поцеловала девушку в щеку.

Гульшат все еще была под впечатлением беседы с Добровым. Сразу же без проволочек решила продолжить работу над докладом и направилась в библиотеку.

Пересекая улицу, она услышала гудок, прыгнула на тротуар. И тотчас с ней рядом у обочины резко затормозил «Москвич». Звонкий смех Инеш остановил Гульшат.

— Привет, Гуля. Откуда и куда?— прокричала Инеш в открытое боковое окно.

— Да все оттуда. А сейчас иду в библиотеку.

— Тогда по пути. Садись, подброшу.

Только усаживаясь, Гульшат заметила Мадину, поздравлялась. Рядом с матерью Инеш лежала громада книг. Инеш была явно очень весела, что называется в приподнятом настроении.

— Ты откуда?

— С почтамта. Получила выписанные из Москвы книги.

Гульшат оглядела корешки.

— На каком они языке, что-то не пойму, кажется, на французском?

— На французском, на французском, душа моя,— почему-то со вздохом подтвердила Мадина.

Инеш засмеялась.

— Мама, ты не переживай,— и разъяснила Гульшат:— Книги на французском, да. Джорж Роденбах, Артур Рембо, Бальзак, Мериме... Представляешь, если я их буду читать в подлиннике!..

— Ты собираешься изучать французский?

— Не только собираюсь. Я всю зиму брала частные уроки у преподавателя французского языка.

— А как с немецким? Ведь надо сначала как следует овладеть каким-нибудь одним языком.

— Надоел мне этот немецкий. Кроме того, на курсе у нас все его изучают. И вообще немецкий знают многие, а по-французски редко кто говорит. Сейчас другая пора.

Гульшат невольно поморщилась от такого ответа. Есть мода у модниц на наряды, а Инеш вот модничает и в том и в другом. Быть может, завтра, когда на французском станут говорить многие, она займется английским?..

Впрочем, мода на языки, пожалуй, не так уже легкомысленна... Но все-таки какая надменная эта Инеш!..

— Ты о чем задумалась?— спросила Инеш.

— Так просто...

Инеш лихо затормозила у библиотеки. Гульшат отворила дверьцу.

— Ты слышала разговоры о порядке распределения выпускников?— спросила Инеш у Гульшат.

— Да. А ты откуда слышала?

Инеш сделала гримасу, оттянула нос и очень похоже проговорила голосом Сато Шираз:

— Вы только никому не говорите, ни гу-гу об этом!..

Гульшат рассмеялась.

— И мне сказала о том же. Но я не понимаю, в чем здесь секрет: студентов распределяют на работу. Правда, на этот раз будто все будут направлены в село. Ну так что?! Это же даже к лучшему. Я рада.

Мадина, сидевшая молча с закрытыми глазами, вдруг подняла тяжелые веки и протестующе затянула:

— И не говори, душа моя! Кому же хочется в деревню? Там очень плохо живется сейчас. Очень плохо. Вот и молчать надо. Иначе буря будет, все полезут с просьбами оставить в городе.

— Что-то я не знаю таких, которые стремились во что бы то ни стало остаться в городе,— возразила Гульшат.— Я первая за село.

— В аул поедешь?— удивленно спросила Мадина.— Добровольно?

— Конечно. У меня там мать. Ждет не дождется. Я вот, живя в городе, сколько раз была гостьей в вашем доме. Теперь и Инеш пусть порадуется своим посещением мою мать,— не то шутливо, не то всерьез сказала Гульшат.

Инеш надула губы.

— В аул? Даже не думай. Не поеду я туда. Там я не смогу заниматься научной работой в полную силу. Да и вообще аул не по мне.

Мадина подтвердила:

— Не по ней, не по ней,— и стала упрашивать Гульшат, будто от нее зависело распределение студентов:— Ты уж, пожалуйста, не толкай Инеш, не сманивай туда. Как я могу ее отпустить? Душа моя иссохнет от тоски и беспокойства. Как она сможет жить без моего надзора? Она зачахнет в незнакомом месте, умрет от тоски и печали. Ой-бой, зачем губить молодую жизнь!? Не соблазняяй ее, Гульшат.

Инеш вдруг с непонятным ожесточением перебила мать:
— Перестань, мама! Не принимаешь ли ты меня за глупого беспомощного птенца? У меня своя голова на плечах, слаза аллаху. Я прекрасно знаю жизнь аульную. Но будь там и рай земной, все равно мне делать в деревне нечего. Я житель сугубо городской...

Гульшат, забыв попрощаться, захлопнула дверцу. Инеш рванула машину с места, как скакуна.

34

На доске объявлений университета рядом с оповещениями о занятиях, собраниях и сборах студенческого научного общества и кружков по языкознанию, химии, искусству, стенографии, мотоциклетному спорту появилась целая программа действий вновь созданного литературного кружка. Сообщалось о будущих докладах по текущей литературе, эстетическим принципам искусства, теории стихосложения и драматургии, обсуждениях стихов и рассказов начинающих поэтов и прозаиков университета.

Руководителем кружка был избран Маулен, и он взялся за дело с радостью. Ему нравилась эта работа, и он вкладывал в нее всю душу.

Первое собрание, посвященное творчеству Сымбата Аскарова, состоялось вскоре после создания кружка.

Сбор его состоялся в читальном зале общежития. Народу набилось тьма-тьмущая. Маулен не доверил Сымбату самому читать стихи: «Плохо у тебя получается, стихи проигрывают в твоём исполнении, извини».

Недолго думая, Маулен сам взялся их прочитать. И, надо сказать, сделал это не без успеха. Он прочитал только те стихи, которые сам отобрал, которые счел интересными для затравки, спорные.

Желающих высказать свое мнение по прочитанным стихам оказалось много. Не нужно было раскачивать людей. Первому слово представили Жолтаю Муздарапову, признанному творческому мужу в области искусства — как-никак, а на кларнете играл, в драмкружке был отличным исполнителем отрицательных характерных ролей...

Жолтай будто заранее подготовил выпретенный дифирамб. Но своей речи он придал более или менее сносный «научный характер».

— Стихи Аскарова, — сказал он, — не стоят на трибунном постаменте, они — не голая декларация, не повторение

пройденных азбучных истин. В этом отношении они выгодно выделяются на фоне серых, дидактических, притворно морализующих, извините, творений иных из почтенных поэтов, печатающихся не только в периодике. Стихи Аскарובה — поэзия, он сам — поэт. Голос его самобытен, мягок, лиричен, задушевен. Конечно, он не труба, не барабан, не контрабас. Но разве оркестр на одном барабане держится? Нет! Далеко не так. Хотя многие думают иначе. В большом оркестре нужен и кларнет. Пастушеская свирель Сымбата Аскарובה пришлось мне по сердцу. Приветствую тебя, поэт, — новая восходящая звезда на поэтическом небосклоне. Увы, пока еще бледном и смутном небосклоне. Тем решительнее мы должны поддержать новое имя в поэзии и всеми силами способствовать продвижению его творений в печать. Все! Можете возражать, я выслушаю все, но останусь при своем мнении.

И стихи Сымбата, но в особенности вызывающая речь Жолтая Муздарапова заварили такую кашу, что ее не расхлебать бы за весь вечер, если бы не решительная рука руководителя кружка.

Сам Сымбат сидел точно ошпаренный. Не глядя на собравшихся, он яростно грыз ногти.

Собравшиеся начали спорить. Маулен долго стучал стеклянной пробкой по графину, утихомирая споривших. Вдруг на стол упала записка. Он развернул ее и начал читать:

«Дорогой Маулен, приходи к нам 8 марта.

Ждем. Твой слушатель».

Маулен не смог определить, что это за слушатель. Вгляделся в почерк. Написано нарочито неуклюже и коряво.

Долго раздумывать не пришлось.

К столу подошел Сарыбеков.

— В стихах Сымбата есть одно достижение: он умеет выразить мысль красочно и ясно. А если мысль стихотворения ярко и точно выражена, то это стихотворение, безусловно, художественно. Но что за мысли высказываются в стихах Аскарובה? Вот в чем вопрос. Я не хочу обидеть нашего поэта, но надо сказать прямо: то, что хочет выразить Сымбат, — глубочайший, ничем не обоснованный пессимизм. Он видит только черные тучи, закрывающие солнце. Мастерство языка Сымбата служит для того, чтобы сгущать краски. Лирического героя Аскарובה в жизни не существует. Бездоказательные, необоснованные утверждения всегда бывают

фальшивыми. А фальшивое никогда не бывает художественным. Красота — в правде.

Вся лирика Аскарова проникнута тоской, упадничеством. Даже стихотворение «вечно буду ждать тебя», написанное на оптимистической основе, навеивает уныние, не говоря уже о таких стихах, как «Окровавленный платок», «Что я оставлю после себя?», «Памятник». Вся поэзия Аскарова напоминает мне бесконечную, унылую песню дряхлой старушки над колыбелью внука в зимний вечер.

Последние слова больно задели Аскарова.

Выступавшие за Сарыбековым согласились с ним. Поэзия Аскарова сравнивалась с нескончаемой погребальной процессией. Не скупилась на беспощадные аналогии. В то же время все хвалили мастерство поэта.

Последним выступил Маулен.

— Здесь было много сказано в адрес стихов Аскарова, — заговорил он, глядя в зал. — Он должен сделать из всего сказанного выводы. Что за пессимизм? Слушайте, мне хочется прочесть одно стихотворение Аскарова, чтобы услышать ваше мнение о нем. Называется оно «Цветок». Я прочитаю его вновь:

Где ветры, как меч палача, тяжелы,
Где молнии дремлют в объятиях мглы,
Как солнце степное, красив и багрян,
На голых песках распустился тюльпан.
Он шепчется с ветром, цветет без весны,
Холодные ветры ему не страшны.
Пусть буря нагрянет, развеет песок,
Не дрогнет под яростной бурей цветок.
Он Солищем взлелеян, Землею рожден,
Он только сильнее распустит бутон.

Едва Маулен закончил, вскочил Жолтай Муздарапов и заорал с мальчишеским восторгом:

— Я знаю, что воспеваешь поэт! — Цветок — это образ нашей Родины.

Посыпались смешки не столько в адрес выступления, сколько по поводу инфантильности самого оратора.

— О любви к родине надо говорить открыто. Ни к чему тут иносказание.

— Бросьте вы!.. Просто стихотворение о цветке, о мужестве и упорстве!

Маулен постучал по графину, потребовал порядка. И сам взял слово:

— Я не могу согласиться с таким сверхглубокомысленным выводом. Во-первых, нелепо сравнивать нашу могучую

страну с одиноким чахлым цветком, дрожащим под напором бури. С дубом сравнить — еще куда ни шло. У поэта Гали Орманова есть такое сравнение. Но уже, конечно, не с одиноким дубом... Во-вторых, меня поражает убожество тематики твоих стихов, Сымбат. В них усердно сгущен осенний сумрак, но нет ясной солнечной погоды, много печали и тоски, но мало радости и веселья. Есть и листья, и любовь, но нет человека. — Маулен пристально посмотрел на Сымбата и продолжал: — Смешно даже напомнить тебе о том, что главное в художественной литературе — человек. Подумай об этом.

После собрания Сымбат первый ушел из читального зала. Ему, вероятно, не хотелось ни говорить, ни видиться с Мауленом.

Придя в комнату, Маулен увидел Аскарлова. Он, не раздевшись, лег в постель и притворился спящим.

Только сейчас Маулен почувствовал усталость от бесконечной беготни, споров, книг. Он достал из кармана пиджака платок и вместе с ним вытащил клочок бумаги.

Развернул его и снова прочел странную записку. «Кто бы это мог быть? Почерк не Инеш...»

35

Инеш сидела и грезилась о недалеком будущем. Мечты были радостные, светлые — о предстоящем лете. Придет ведь оно, последнее студенческое лето. Инеш решила, что проведет это лето с Мауленом. Поедут вместе в Крым. Но вдруг остро резануло где-то у сердца: «А поедет ли Маулен? Вообще, любит ли он меня? Как и Гульшат, его тянет в этот самый аул. Боже мой!»

Инеш стало зябко от мысли, что Маулен не очень ее любит. Если бы любил, давно признался бы и сделал предложение...

Макан ее пугает. Странно, но стоит Инеш остаться с ним наедине, как она становится похожей на ягненка: сердце замирает в предчувствии чего-то нехорошего, против чего, однако, она не в силах устоять. Что есть тайного и влекущего в нем, Макане Бельгигуловиче?..

Не желая его, всей душой отвергая его, Инеш все-таки помимо своей воли иногда страстно, до боли в груди жаждет встречи с ним. Но увидев, заглянув в алчущие глаза Бельгигулова, бежит прочь, будто ягненок от волка.

В комнату вошла Мадина.

— Звонила Гульшат, говорила, что вы вместе должны готовиться. Говорит, чтобы ты быстрее приходила, она ждет.

— Да, да, я совсем забыла об уговоре. Только не о подготовке речь. На лекцию Макана Бельгигуловича мы собрались. Вернее, я попросила Гульшат сходить вместе со мной. Это последняя лекция доцента Бельгигулова. Скоро ведь государственные экзамены. Скоро конец университету, мама. Конец! Ну, я пошла. Если припоздаю немного, не волнуйся, не звони. У нас сейчас горячая пора... Последние экзамены.

На лекцию Инеш все-таки опоздала. Когда она вошла в аудиторию, там стоял такой гвалт, что нельзя было ничего разобрать. Обсуждались способы подготовки к экзаменам. Речь шла о том, как побыстрее и успешнее избавиться от последних экзаменов, как выручить друг друга в случае провала кого-либо из товарищей. От общих методологических проблем перешли к частным, наиболее каверзным вопросам по тем или иным предметам. Перекрестными вопросами усваивались наиболее тяжелые темы.

Засиделись, заспорились, забыли о еде.

Гульшат закричала, перекрывая шум:

— Прекратить засорять мозги, приступить к отдыху!

— Один вопрос! Уясним его — и все! Кто желает растолковать воззрение Аристотеля на зарождение жизни?

— Я знаю этот вопрос, — откликнулась Инеш. Но студенты уже настолько устали, что не хотели ничего принимать всерьез. Им хотелось подурачиться. Поэтому, когда Инеш сказала, что, по Аристотелю, душа дает вещи форму и цель, то есть — жизнь, и подобно лягушке — производной от грязи, женщина «вышла» из прекрасного растения, а мужчины, наоборот, имеют животное начало, одна из студенток, перебила:

— Да, правильно, мы зародились из растения, а такие оболтусы, как, к примеру, Балгабаев, свой род ведут прямоком от животного, точнее, медведя.

Балгабаев не обиделся. С неожиданным торжеством заорал:

— Правильно! Мы, по Аристотелю, всему корень, от нас все сущее на земле. Мы — сеятели и производители. Мы — медведи. И всех вас пришибем одной лапой. Прекратить шум!

Парни возрадовались:

— Ай да Аристотель!

— Вот это башка!

— Философ!

Инеш, смеясь, вскочила на парту:

— Но из всего этого выходит все-таки, что вы должны нас почитать и лелеять.

Ее дугообразные тонкие брови заиграли под высоким белым лбом, как крылья буревестника.

— Ах, только бы избавиться от этого предмета, бог с ними, с цветами и животными,— сказала одна из девушек. Но Манап не дал разговору потухнуть, закричал:

— Да, все мы приходим от цветов и животных. А как вы думаете, из чего или кого я вышел?

Вопрос заинтересовал девушек и парней.

— Ты же медведь,— повторила высокая девушка.

— Ну нет!— возразил кто-то.— Он из хамелеона...

— Бросьте! Дело прошлое.

Инеш спасла Манапа, приняв огонь пересмешек на себя:

— А я? Из какого я цветка?

Балгабаев не остался в долгу:

— Ты зародилась из лотоса.

— Фи! Банально,— возразила Гульшат.— Почему из лотоса? Молчишь. А по-моему Инеш — ландыш.

Инеш, вначале насторожившаяся, рассмеялась с явным удовольствием.

Манап опять ввязался в разговор с самыми благими намерениями.

— Если сравнивать людей с растениями и животными, то, очевидно, надо брать в расчет поведение, характер каждого. Вот для Гульшат подходит сирень или инжир. В ней есть мягкость и стойкость запахов сирени и инжира.

— Ну, друзья мои,— желая повернуть разговор в другом направлении, предложила Инеш,— чтобы узнать тот же характер каждого из нас, не лучше ли выслушать откровенные соображения присутствующих о себе. Вот тебя, Манап, сравнивали с медведем и с хамелеоном, кажется. Я считаю это неверным. А сам как ты думаешь? Из кого ты вышел по Аристотелю?

Манап растерялся лишь на секунду, но тут же принял независимый вид и ляпнул внушительно:

— Я от льва, это точно!

Студенты повалились от смеха на парты. Тут к нему с неожиданным вопросом обратилась высокая девушка:

— Слушай, Манап, ты случайно не знаешь, что такое любовь?

Манап сразу нашелся, тут он садился на своего конька:
— Ты даже этого не знаешь? Вот ты вечно пристаешь ко мне с разными вопросами и претензиями. Почему? Чтобы почаще разговаривать со мной? А это признак чего? Любви твоей ко мне. Вот!

Девушка вспыхнула, полезла с кулаками:

— Проклятый!

Манап упал на руки парней, будто сраженный наповал.

— Не насмехайся над любовью,— сказала до сих пор молчавшая Зада Касимова.— Любовь — одно из сокровеннейших и сложнейших условий существования природы, вернее, проявлений ее.

Инеш вставила не без кокетства:

— Николай Гаврилович Чернышевский писал: «Когда пишешь о женщине, невольно думаешь о любви». Верно ли это, джигиты?

— Вопрос требует обсуждения,— глубокомысленно изрек Манап.

— Любовь подчиняется общему закону диалектики: она форма проявления жизни,— сказал кто-то.

— И страшно молвить,— вставил Манап,— что влюбленность может быть следствием повышенного напряжения половых гормонов.

— Не своди высокое чувство к биологии,— возразила Инеш.— Любовь нечто более высокое, чем сама жизнь.

— Чепуха!— возразила Гульшат.— И слепота! Нет жизни — нет и любви. Это же элементарно.

Определение Данте: «Любовь — основной закон космоса». «Любовь управляет солнцем и вселенной». Любовь же всегда конкретна, то есть принадлежит тебе или мне. Субъективность...

— Остается лишь свести любовь к голому расчету,— перебила ее Инеш.— Она, чистая любовь, ничему не подвластна. Даже насилию.

— Ты, Инеш, и ты, Гульшат, разговариваете на разных языках,— ввязался снова Манап.

— Верно,— согласилась Гульшат.— Я говорю на языке человеческого, а Инеш... ангельском. Правда, иногда у нее ангел оборачивается демоном.

Инеш точно током ударило: вытянулась, напряглась, на белом лице выступили пятна, густые и длинные черные ресницы нацелились на Гульшат, будто стрелы.

— Кончай дискуссию!— крикнул Манап и первым выскочил из аудитории. За ним гурьбой повалили все остальные.

ные. Гульшат и Инеш вышли последними. Когда они остались вдвоем, Инеш сказала со злостью:

— У тебя мелкая душа, Гульшат. Вот уж не думала, не гадала...

Гульшат не ожидала такого поворота, смутилась, проговорила виновато:

— Не понимаю, чего ради ты так.. Если я перегнула в споре, то прости, исправлюсь.

— Мне хочется выяснить наконец: кто я для тебя? — требовательно и холодно спросила Инеш.

Гульшат пожала плечами:

— Видимо, подруга.

— Что значит «видимо»? Я тебя без всяких оговорок, без «видимо» считаю своей подругой.

— Ну, и ты моя подруга.

— А Зада? Она тоже подруга?

— А как же? Конечно.

— Вот твоё великодушие! — Инеш круто повернулась к Гульшат. — Что такое, по-твоему, дружба? — спросила она.

— Ты начинаешь экзаменовать меня? — улыбнулась Гульшат.

— Нет, ты не вилай. Отвечай прямо.

— Дружба? Дружба — это, по-моему, чувство, которое сочетает все лучшее... Не знаю. Во всяком случае дружбу рожают общие идеи, общие цели...

Инеш презрительно фыркнула, с сарказмом заговорила:

— Только такие люди, как ты, не знающие цену вещам, могут давать дружбе подобные определения. Дружба — это второе имя любви. А можно ли любить многих? Нельзя. Дружба, как и любовь, ищет одного избранника. И ей также присуща ревность. Если смотреть поверхностно на дружбу, то можно подумать, что часто дружат три — четыре человека. Но стоит к этим друзьям приглядеться внимательнее, как окажется, что из четверых лишь двое по-настоящему близки друг другу. Вот это истинная дружба. А с остальными только товарищеские отношения.

— Что ты хочешь сказать этой теорией? Хочешь, чтобы я только тебя считала своей подругой? Предпочла всем остальным?

— Да! Я ведь тебя считаю лучше всех.

— А как же Зада и Аллочка? В самолюбии тоже есть хорошая сторона. Но всему должна быть мера. Что же, ты считаешь их ниже себя?

— Правильно, мера должна быть. Они просто не стоят твоей дружбы. Они ниже меня!

— Ошибаешься, Инеш!

Разговор становился похожим на ссору. Прохожие стали обращать на них внимание. Гульшат ничего этого не замечала:

— Зада тоже, как ты, одна у меня. Аллочка тоже. Правда, в год поступления в университет ты была выше по знаниям и культуре Зады, Аллочки, всех нас вместе. Но теперь мы выросли, получили образование...

Инеш, закусив верхнюю губу, задумалась. Она вдруг как-то обмякла вся, вяло сказала:

— Все понятно... Теперь все понятно. И это и то, о чем ты умолчала.

— Инеш, что это с тобой? Выслушай меня внимательно...

— И слушать тебя не хочу,— почти простионала она и, боясь расплакаться, ускорив шаг, побежала прочь. Каблуки ее туфель застучали дробно, словно капли дождя по железной крыше.

36

На следующий же день после собрания литературного кружка обычно молчаливый и отрешенный Сымбат вдруг поднял бунт.

Утром чуть свет все и началось. Маулен еще спал. Гвалт, поднятый в комнате общежития, заставил его вскочить с постели, будто солдата по боевой тревоге.

Около койки Сымбата сгрудились полуодетые ребята и что-то шумно обсуждали. Самого Сымбата видно не было. Да и койка оказалась другой. На ней сидел студент, который раньше никогда и не заходил сюда.

— Понимаете,— рассказывал он.— Сымбат буквально силком перетащил меня вместе с койкой. А свою поставил на мое место. Я глазом не успел моргнуть. Думал — он меня раздавит. Я спрашиваю его: «Почему?» — «Не могу,— говорит,— больше жить с ними!» — «Ребята там плохие, что ли?» — спрашиваю. «Нет, они хорошие и умные. Зато я дурак. Не могу жить с шибко образованными и умными. Переселяйся туда, а я на твое место». Вот и все. Сгрел меня и перетащил сюда. Ну, я не стал медлить, подумал, что утро вечера мудренее. Вот и...

— Попал как кур во щи.

— Да уж. Впрочем, мне у вас нравится. Я не жалею.

— Ну и живи. А Сымбат — изменник и паникер.

Маулен похолодел, наскоро оделся и кинулся в коридор. Сымбата он нашел очень скоро, тот был уже одет, наверное, и не спал, стоял около своей койки и с насупленным видом, не глядя ни на кого, расставлял книги по полкам этажерки. Увидев Маулена, он повернулся к нему спиной и опустил голову: его внезапно ссутулившаяся спина вывела жалость и сожаление у Маулена.

Только сейчас он понял, что привык к своему соседу по комнате, и его побег как бы является молчаливым укором совести — не наладил добрых отношений, не нашел с человеком общего языка, не уважил его достоинства. Он был для Маулена «как все», один из многих, ни плохой, ни хороший, студент вообще. А сейчас, глядя в ссутулившуюся спину и затылок Сымбата, Маулен увидел в нем человека самого по себе — Сымбата Аскарлова — и никого другого, реального человека с реальными интересами, со своим характером. И надо научиться уважать именно его, Сымбата, а не вообще соседа, однокашника, однокурсника.

Обида на себя, на своих товарищей и даже на Сымбата кольнула сердце. Он испугался подступивших неожиданно слез и выбежал в коридор. Но тотчас же вернулся. Он не понимал и не соображал, что делает. Сымбат все еще стоял у этажерки, и спина его ожидала удара. Веселье обуяло Маулена. С приятельской фамильярностью, но, ощущая робость и тревогу, он закричал зазывно, по-мальчишески:

— Эй, Сымбат! Как это ты додумался! Ну и ну! Простулся — глядь, а тебя и след простыл. Вот здорово! С новосельем, значит.

Сымбат ничего не ответил, не шелохнулся. Маулен вздохнул, погрузился и опустился на койку, потянул к себе за рукав Сымбата. Тот сел рядом, но продолжал молчать и смотреть в сторону.

— Сымбат, что же это такое? — с горечью вздохнул Маулен.

Опять помолчали. Маулен видел и чувствовал, что Сымбат очень тяжело переживает свой поступок, сожалеет, но упрямо стоит и будет стоять на своем. И чем настойчивее будешь уговаривать его вернуться, тем больше укрепится в нем желание остаться при своем. Маулен внезапно встал, схватил Сымбата за упругие щеки, поднял лицо к своему лицу, заглянул в черные грустные глаза. Ни злости, ни обиды, ни страха — ничего в них не было, кроме боли и переживания.

— Ты в самом деле беглецом стал?— сказал Маулен шутливо и в то же время с волнением.

Сымбат отвел от него свои печальные глаза и ничего не ответил.

— Давай обратно. Возвращайся, Сымбат, не пори горячку.

— Я теперь буду здесь жить... А там у вас пусть остаются одни умники. Я как-нибудь и здесь проживу...

— Почему ты обижаешься, Сымбат? Разве тебя обидели или оскорбили? Говорили только о твоих стихах.

— Моя честь и совесть в моих стихах. Если вы их ругали, значит, и я оскорблен.

Маулен понял, что Сымбат сейчас не изменит своего решения. Студенты начали прислушиваться к их разговору. Он вышел из комнаты.

Придя в университет, он отправился к Ерену и рассказал ему обо всем случившемся.

Вечером перед общежитием университета остановилась длинная черная машина ЗИС-101. Вышедшая из нее стройная, высокая женщина с бледным лицом направилась прямо к дверям комнаты, куда утром перебрался Сымбат, и постучала. Это была Сато, она подошла к Сымбату, сказала, что приехала по поручению партбюро, и что Добров просит его стихи, прочитанные на вчерашнем заседании кружка.

«Маулен уже донес,— подумал Сымбат, протягивая Сато свою тетрадь со стихами.— Дело, видно, ухудшается».

Он начал беспокоиться. Только сейчас он глубоко задумался о судьбе своих стихов, о своей судьбе. Перед его глазами вырастает фигура Викентия Викентьевича. Два слова — «есть» и «нет». Одно из них вознесет Сымбата в небо, а другое сбросит в ничто.

Он ждет решения партбюро, ждет нетерпеливо, с томлением, иссушающим душу. Часто хлопают двери, и сердце Сымбата каждый раз замирает. В нем борются сомнения, он еще не верит в свои силы. Долгие ночи напролет думает только об этом.

Как примет его Викентий Викентьевич? Возможно, заставит ждать в приемной? Или, вызвав помощницу, скажет: «Пусть приходит завтра, сегодня мне некогда». Нет, Викентий Викентьевич не должен так делать. Спросит, почему ушел из комнаты Маулена? Может быть, начнет советовать, скажет, что надо учиться, искать. Нет, это все

и так известно. Викентий Викентьевич должен сказать совершенно другие слова. Но что же все-таки он скажет?

Каждый день, приходя в университет, Сымбат задерживался у двери с маленькой табличкой «Партбюро». «Зайду, спрошу... Нет, как-нибудь в другой раз. Может быть, он сам вызовет». Сымбат поспешно отходил от дверей, боясь, чтобы они вдруг не открылись.

В партбюро его не вызвали. Дело разрешилось совсем просто.

Однажды вечером, когда общежитие студентов шумело, как улей, голоса и смех в коридоре вдруг смолкли. Издали слышались тяжелые шаги торопливо идущего человека. Вот он остановился перед комнатой, где теперь жил Сымбат, постучал в дверь. Стук уверенный, но не громкий. Дверь открылась, и вошел Добров. В комнате возникло беспокойное движение. Двое студентов начали быстро убирать со стола свою еду: то была дешевая колбаса, яблоки, куски хлеба. Писавший письмо студент растерянно поднял голову и застыл в таком положении. Остальные поправляли постели, одергивали одеяла.

Сымбат сидел на кровати, упершись локтями в колени, и читал.

Он позже других заметил Викентия Викентьевича и сразу вскочил. Книга упала на пол. Посмеиваясь над этой растерянностью, Добров немного постоял у дверей, потом подошел к Сымбату и поднял упавшую книгу. Как бы не замечая остолбеневших студентов, он начал перелистывать книгу.

— О, Тютчев! Потому-то, значит, и «свистишь, и бурлишь, и играешь?»— сказал Добров на чисто казахском языке.

Все студенты поняли, что профессор цитирует стихи самого Сымбата, и зафыркали, сдерживая смех.

Парень перепугался: «Значит, не понравились. Он пришел меня отругать».

Лицо Доброва стало серьезным.

— Стихи твои, Сымбат, я прочел,— сказал он.

Внешне спокойный, Сымбат внутренне трепетал от нетерпения: «Боже! Что он скажет?»

— Есть вещи, которых или я не понимаю, или ты. К такому выводу я пришел, прочтя твои стихи. Поэтому мне хочется побеседовать с тобой. Возможно, эти товарищи... будут нашими критиками, слушателями? Как ты смотришь на это?

Сымбат подумал: «Он говорит, что, якобы, не понял, но разве есть что-нибудь непонятное Викентию Викентьевичу?»

— Я уже двадцать пять лет занимаюсь философией. А ты всего год как начал писать стихи, не так ли?

Ошарашенный Сымбат кивнул головой и подумал: «Что хочет сказать этот человек?»

— Когда двадцать пять лет назад я поступал на философский факультет Московского университета, передо мною стояли вопросы: «Что такое марксистская философия?» «Какую работу выполняет марксистская философия?». Я искал ответы на эти вопросы. И нашел их в трудах классиков марксизма. Поняв роль философии, я яснее представил свою роль и место на философском фронте. Ну, а ты? Ты пробовал искать ответа на вопрос: «Что такое литература?» Я не имею в виду тех определений, которые сформулированы в учебниках. Это сегодня зазубривается, а завтра забывается.

Сымбат не был готов к этому вопросу. Он замялся.

— Литература... Литература? Литература, ну... это есть литература.

Дубров, улыбаясь, подошел к нему.

— Я знаю, что ты вспомнишь и скажешь заученные слова. Не печалься, что не смог ответить. Все равно твой ответ не удовлетворил бы меня... Представь себе такую картину. Громадный пароход отплывает от пристани. Народ хорошо знает, куда идет пароход. Но если едущие на пароходе будут знать лишь только то, что знают оставшиеся на берегу, то катастрофа неминуема. Ты — матрос на корабле литературы. По этой причине будь не провожающим, а будь матросом-поэтом. Тогда не попадешь в беду. У тебя есть стремление. Но все-таки ты недостаточно знаешь, что такое литература. Ты не совсем представляешь себе ее великую цель. Поэтому ты матрос, который хотя и взошел на корабль, но не знает, чем заняться. Кочегар знает, что если он накидает побольше угля в топку, то пароход быстрее пойдет. Капитан, правильно взяв курс, будет знать, что корабль придет в пункт назначения. Разумеется, цветы, любовь, природа — все это хорошо. А ты думал о каждом предмете в отдельности, о его значении? Нет, не думал. Что такое содержание художественной литературы? Содержание — это осуществленная цель. Я так понимаю содержание. В бесцельном произведении нет и содержания, это не произведение. Ты об этом не подумал. И стихи твои

написаны по принципу: «Литература? Литература это... есть литература!»

Студенты, безмолвно слушавшие Викентия Викентьевича, громко захохотали. Добров улыбнулся. Он подождал пока студенты успокоились и продолжал:

— Литература — это человековедение, сказал Горький. В центре внимания наших поэтов должен быть человек, советский человек. Если ты поэт, пиши о человеке, о его труде, мечтах и думах. Пиши и о цветах, и о природе. Но пусть в твоих стихах всегда присутствует человек. Понятие «прекрасного» сейчас изменилось. Мы можем назвать прекрасным лишь внутренне содержательное и прекрасное по форме произведение. У тебя есть отличные рифмы. Хорошо, что рифмы удачны и оригинальны. Но они кажутся лишь пустым украшением ущербных мыслей. Не надо допускать, чтобы мысль хромала.

Сымбат слушал Доброва не шелохнувшись.

Викентий Викентьевич не сразу ушел из общежития — беседа затянулась допоздна. Среди ночи, окружив его плотным кольцом, студенты проводили профессора до самого дома. Прощаясь, Добров открыл свой толстый черный портфель и протянул Сымбату две маленькие книжки.

— Прочти. Экзамен приму сам.

Сымбату не терпелось узнать, что это за книги. При свете фонаря он прочел: «Маркс и Энгельс о литературе», «Ленин о литературе».

Прошло несколько дней.

Сымбат по привычке проснулся рано.

И вдруг он совсем отчетливо увидел Гульшат стоявшую на скале со знаменем. Большие голуби, вышитые на голубом полотнище летели, обгоняя солнце.

Сымбат быстро вскочил, торопливо оделся, как будто открыл что-то новое и пошел в общежитие художественного института. Он разбудил Бакшаева. Талим удивленно спросил спросонок:

— Ты чего примчался?

— Вставай быстрее, есть интересное дело!

Сымбат рассказал Бакшаеву, что он задумал написать о студентах-альпинистах.

— Сам подумай, разве не удивительная тема?

Талим равнодушно выслушал его, достал из-за кровати картину, протянул Сымбату.

— О, ты уже успел написать?

— Я задумал ее еще там, в горах.

— Ну?

— Правду говорю. Но еще не все удастся. Много раз исправлял, а до завершения далеко.

— Честное слово, ты молодец!— закричал Сымбат.— Это как раз то, что задумал и я! Гульшат, кажется, только что взошла на вершину. Эх, нет... всё-таки... я так не сделаю. Я буду писать обо всем... Опишу трудное восхождение... обледенелые скалы... ночь на краю пропасти... все, все!

Сымбат захлебнулся. Глаза его горели, он дрожал, передергивая широкими плечами и оглядываясь по сторонам.

— Я напишу!— воскликнул он и, сорвавшись с места, побежал прочь, будто боялся потерять что-то заветное.— Я обязательно все опишу. Ведь это уже... Этого нельзя не описать. Сейчас же опишу.

37

Инеш своим демонстративным уходом, криком «И слушать тебя не хочу!»— не обозлила Гульшат. Девушка не перестала ценить и жалеть подругу. Раньше она не замечала в ней эгоизма и честолюбия, не придавала значения фразам, считая их просто игрой, но не убеждением. Теперь Гульшат призадумалась. Почему она ее так безудержно хвалила раньше, возносила до небес, была в восторге от ее смелости в суждениях, раскованности в поведении, броскости в одежде, независимости в действиях? Считала Инеш образцом для себя, примером для подражания. Наверное, на этой почве они и сблизились. Но, по-правде говоря, настоящей близости, полного взаимопонимания, подлинной дружбы между ними никогда не было.

Гульшат испытывала неловкость и раскаяние, к которым примешивалось чувство досады.

Неужели она была с Инеш лишь в поверхностных приятельских отношениях?.. Приятие или неприятие— как мало этого для Гульшат, которая по своей натуре была человеком искренним, глубоким, очень серьезным.

Именно поэтому ссору с Инеш она не считала настолько глубокой, чтобы она могла послужить причиной окончательного разрыва.

Давала знать и привязанность: Инеш была по-человечески дорога Гульшат, девушка желала видеть подругу, наслаждаться близостью с ней. Красота Инеш радовала и восхищала Гульшат, она всегда находила в ней поддержку своим добрым помыслам и благородным намерениям.

Гульшат не в силах была вынести тоску и горечь разговора с Инеш и поведала о своем несчастье Ерену, Заде и Аллочке.

Зада без колебаний заявила:

— Инеш очень самолюбива и изнежена родителями, считает, что ей все доступно и все возможно. Самонадеянность ее не знает границ: я выше всех! Я думаю, что она нас, к примеру, просто презирает. Другом настоящим она никому не сможет быть.

Ерен подумал и возразил:

— Нет, не самолюбие правит ею. Инеш, думаю, больше честолюбива. «Я» для нее не самоцель, а средство выдвинуть себя из толпы на видное место, стать в центре внимания. И опять же не ради себя только. Ей хочется обратить всех окружающих в собственную веру, она искренне желает видеть всех похожими на Инезилию. Кто не желает быть похожим на нее, тому отлучение от дружбы. По-моему, она никого не сможет полюбить.

— Неправда,— воскликнула горячо Гульшат,— она любит Маулена!

Зада тряхнула прической:

— А я думала— любит Бельгигулова. Если я ошибаюсь, тем лучше для Инеш. Плохо, если она близка с Бельгигуловым, очень плохо. Но все-таки это, видимо, так.

Гульшат почему-то вспыхнула, словно ей лично нанесено оскорбление.

— Ложь! Ты лжешь, Зада! Не надо сплетен, догадок. Я знаю: Инеш на сделку не пойдет— она любит Маулена. В любви она чиста.

— Чиста? Может быть,— возразила уверенно Зада. Ее рассудительность вызвала любопытство Ерена и Аллочки. Мнение девушки было резонным и, кажется, продуманным. Тем неожиданней было ее заключение:

— Я уверена,— продолжала Зада,— что Маулен и Инеш сразу разойдутся, лишь только поймут друг друга. Пока что они испытывают чисто эмоциональное влечение друг к другу, влюбленность. А вот у Инеш с Бельгигуловым много общего в самой жизни, устремлениях, они в конце концов найдут друг друга. Пожалуй, уже «нашли».

Гульшат озадаченно смотрела на подругу, не веря, что это она сама умом дошла до подобного вывода.

— Откуда тебе это известно?

Зада совершенно спокойно пожала плечами и обрезала с поразительной убедительностью:

— Подходящая пара.

Гульшат чувствовала себя безоружной перед житейской логикой Зады и поэтому все сильнее и сильнее волновалась.

— Все это не то и не так. Здесь кроется другой смысл. Ты не права, Зада. Не может быть такого. Я не согласна.

Ерен с глубокомысленным видом расхаживал по комнате, заложив руки в карманы.

— Бельгигулов сколачивает группировку против Бозжанова. Оказывается, перед защитой диссертации он собрал нескольких студентов и советовал им выступить на заседании против Бозжанова и выдвинутых им научных положений. Вот ведь что получается. На удочку попался и Балгабаев.

— Видите! — восторжествовала Зада. — Подождите, еще не то будет!

Даиров рассмеялся:

— Балгабаев кается теперь. Он сам мне обо всем рассказал.

Гульшат рада была новому повороту разговора, хотя и не получила ответа на мучивший ее вопрос, заговорила о Бельгигулове деловым тоном:

— Я не могу понять Бельгигулова. И как человека и как ученого. Не поймешь, какого направления в биологии он придерживается. Совсем как флюгер — куда ветер дует, туда и поворачивается. Лекции его всегда туманны, расплывчаты. Называет себя дарвинистом. Превозносит учение Минчурина. И то и другое отделяет от Лысенко, вдруг ополчается против Ламарка. И наконец, берет всех троих и ставит лицом к лицу с дарвинизмом. Как противников.

— Прагматизм. Теория плавающих возможностей, — заметил Ерен. — По форме. А иногда и по существу. Профессор Добров прав — прагматизм.

Зада поддержала его:

— Бельгигулов пытается создать собственное направление биологической научной мысли. Что-нибудь свежее со старым «измом»: скажем, бельгигулизм.

Студенты рассмеялись.

— А пока мало кто вообще понимает его, — сказала Гульшат. — И хуже всего то, что он сам прекрасно понимает это. Бельгигулов себе на уме. Помнишь, Ерен, на одной из научных конференций Бозжанов бросил реплику: «Говорите яснее, товарищ Бельгигулов, а то получается и богу свечка и черту кочерга». Бозжанова тогда поддерживали многие. Бельгигулов же не спасовал, он ищет приверженцев

и последователей среди нас: Манапа опутал. В сети к нему, кажется, попалась и Инеш.

— Бельгигулов знает, что Инеш талантливая студентка, поэтому пытается привлечь ее на свою сторону, сделать из нее еще одного Бельгигулова. Вот в чем причина,— сказал Ерен.

— Потому-то ее реферат и имел успех. А разве он лучше нашего? Поскорей бы пришел ответ из Москвы. Мы бы ткнули его прямо в глаза ей,—сказала Зада.

Гульшат не понравилось это пренебрежительное «ткнули в глаза» и она холодно сказала:

— Все говорят так. Божанов был одним из членов жюри. Он тоже хвалил реферат Инеш. Но за последнее время Бельгигулов заставил начисто переделать его.

— Может быть, потому, что реферат Инеш шел вразрез с «бельгигулизмом»,— усмехнулся Ерен.

— Вы говорите — мнение... Хотите, я выскажу свое мнение?— сказала Зада.

— Ну, говори, слушаем.

— Надо обсудить Инеш на общем собрании.

— Обсудить нетрудно. Но в чем ты ее намерена обвинить?

— Достаточно и того, что она индивидуалистка, откололась от коллектива.

Слова Зады были справедливы. «Надо Инеш хотя бы раз обсудить на общем собрании. Но какие у нее проступки?— на этот вопрос Гульшат не смогла ответить.— Инеш не лгала, не отставала в учебе. Правда, она сторонилась общественной работы, не имела никакой определенной цели. Но все это присуще многим студентам. Все это преходяще — пройдет с возрастом. Но разве за молодость следует привлекать к ответственности?..»

Беседа эта крепко засела в сердце Гульшат. Беспокойство ее за Инеш увеличивалось с каждым днем. И первым искусителем и совратителем Инеш Гульшат все увереннее считала Бельгигулова. Против него-то и решила она повести борьбу. «Надо вырвать подругу из когтей этого сапсана»,— подумала Гульшат. Но как это сделать, она пока не знала.

Маулен основательно занялся изучением основ марксизма-ленинизма. Он поставил перед собой цель не просто

вызубрить науку о строительстве коммунизма, а изучить и понять ее во всей глубине и сложности. «Кратким курсом» истории партии, он, конечно, не ограничился — читал и конспектировал первоисточники.

К семинару Маулен готовился по теме: «Русские махисты и борьба Ленина с ними». Тема эта была трудна для него. Но именно потому он выбрал ее и принялся упорно работать.

Все свое свободное время Маулен просиживал в публичной библиотеке имени Пушкина. Здесь ему никто не мешал, и он работал самозабвенно.

Однажды ему удалось заглянуть в приоткрытую дверь книгохранилища, и он оторопел. Долго в немом изумлении оглядывал высокие полки книг, похожие на крутые обрывы берегов могучей реки. Ряды полок тянулись в глубь помещения и терялись в сумраке.

У Маулена родилась дерзкая мысль: одолеть пирамиды книг, курганы рукописей! Сколько знаний сокрыто в их недрах!

Забыв обо всем на свете, Маулен вошел в книгохранилище и долго бродил по лабиринту стеллажей. Библиотекари, как муравьи, взбирались по стремянкам под потолок, искали и находили нужные книги.

На него не обращали внимания — все были заняты работой. Быть может, его приняли за одного из столяров, прилаживающих ящики для каталога.

И только тогда, когда на Маулена наткнулся Ерен, парень очнулся.

— Ты что здесь делаешь? — хлопнул Ерен его по плечу и тихо засмеялся, заглянув в растерянное лицо. — Что читаешь?

Маулен не сразу ответил. Ерен взял у него из рук том, посмотрел, кивнул одобрительно и глазами пригласил выйти в коридор, сделать перерыв. Секретарь пошел впереди, Маулен последовал за ним на цыпочках. Они вышли в вестибюль. Тут можно было разговаривать погромче. Даиров достал папиросы, протянул товарищу.

— Перекур — знатное дело. Табак подбадривает, рассасывает усталость, — сказал Ерен, но тотчас же вспомнил, что Маулен не курит, и добавил: — Ты вот не курящий — хорошо. И не начинай. Привыкнешь, втянешься, потом трудно, ой, как тяжело, отвыкать. Два раза пробовал — не получилось.

Маулен с любопытством смотрел на него. Обычно не

большой охотник до пустых разговоров, Даиров сегодня болтал без умолку. Казалось, он собрался выговориться за целый год. И ни слова о делах, все — о житейских мелочах, забавных историях, даже анекдот какой-то выложил по секрету. Маулен чувствовал: с Ереном что-то стряслось. Он очень возбужден. Вот даже в одежде перемена. Просторный черный пиджак он сменил на суженную в талии короткую и легкую вельветку. Правда, все так же при галстукe, но куртка придавала ему вид спортивный, мальчишеский.

Наконец он не выдержал, потянулся к уху Маулена, горячо ликующе прошептал:

— Плюхнулся! Понял?

— Ничего не понял.

— Женюсь. Вот!

— На ком?

— На Касымовой. Понятно тебе? Был разговор с Задой — согласилась. Раньше отказывала, ссылаясь на учебу. А теперь-то мы заканчиваем университет — согласилась. Как только закончит учебу, сыграем свадьбу! Все это я тебе по секрету. Как другу. Больше никому не сказал. И не скажу. И ты помалкивай. Договорились?

— Договорились. Поздравляю тебя от души. Будь счастлив. Зада — хорошая девушка.

— Самая лучшая, — поправил Ерен. — Каждый из нас любит самую лучшую из девушек. Никто не любит самых худших.

— Это правильно, — радостно согласился Маулен.

— Откровенно скажу, не хочется даже уезжать в колхоз.

— В какой колхоз? Когда? — нахмурился Маулен.

— Сегодня вечером. Делать доклад в колхоз имени Калинина. Обком комсомола посылает. Помнишь, я делал доклад: «О коммунистическом воспитании. Любовь и вера?»

— А-а. Хороший доклад. Сколько он вызвал споров, раздумий!..

— Вот так. Если хочешь, можешь присоединиться ко мне, завяжем связь с колхозниками, а?

Маулен замаялся:

— Это бы не плохо. Но... Я сегодня иду на фабрику... К рабочим. Есть у меня знакомая среди них, Айшан Сатарова.

— Вон оно что...

Маулен подробно рассказал Даирову о девушке, о том, как подружился с ней, о записке, которую получил на заседании литературного кружка и вначале долго не мог понять, кто ее написал.

— Один пойдешь?

Маулен помедлил с ответом. Он вдруг вспомнил о словах Айшан: «Приходи с кем-нибудь. Если у тебя есть товарищ или любимая девушка...» — «А что, приглашу Инеш. Может, они подружатся. Это пойдет только на пользу Инеш».

Выйдя из библиотеки, Ерен и Маулен заспешили каждый по своим делам: Даиров собираться в колхоз, Маулен — прямо в дом Инеш.

Как он и предполагал, девушка была дома. Мадина почему-то холодно встретила его, поздоровалась без обычного радушия, сказала, что болеет со вчерашнего дня и кивнула на дверь комнаты: «Инеш у себя».

— Сидит, не выходит из дома. Очень переживает что-то. Печальна и грустна. Но ничего не говорит, не жалуется. Узнай, что у нее стряслось, может, тебе расскажет. Матери уже не доверяет — совсем большая. Иди, иди к ней.

Маулен постучался, но ответа не услышал. Постучался еще, подождал и, поощряемый Мاديной, приоткрыл дверь, спросил громко:

— Можно к тебе, Инеш?

Никто ничего не ответил. Маулен шагнул вперед и увидел Инеш у окна. Навалившись плечом на косяк, девушка неподвижно смотрела куда-то. Взгляд ее был рассеян и сиротлив, лицо печально. Она не сразу узнала Маулена, посмотрела выше него отчужденным взглядом, уронила ресницы. Но вдруг встрепенулась, лицо ее мгновенно ожило и посветлело.

— Ой, а я тебя не узнала...

И все раздражение, и злость, и тоска исчезли, уступив место робкому, почти отчаянному ликованию. Она чувствовала нежность и волнение Маулена и сразу похорошела, посвежела. Правдивость и искренность взяли в ней верх, она забыла обо всем и стала такой, какая есть.

— Хорошо, что ты пришел. Я так ждала тебя... Мама больна, и без конца гнетет какая-то тоска. Ты редко заходишь, Маулен, если бы ты только знал, как я жду тебя. Особенно сейчас, в эти дни, мне нужна твоя поддержка...

На лице ее снова появилось жалкое и беспомощное выражение, какого Маулен никогда раньше не видел.

— Маулен, иногда я считаю себя несчастной, одинокой... Не всегда, но в иные дни...

— Что ты говоришь, Инеш.— Маулен испуганно схватил ее за руку.— Ты понимаешь, что говоришь?

— Ах, это должно быть потому, что мама болеет. Кроме того я очень обиделась на Гульшат...

— Почему? Как можно обижаться на Гульшат?

Инеш не ответила. Она сжала руку Маулена и тихо спросила:

— Ты меня любишь? Скажи.

— Люблю.

— Искренне?

— Да, конечно. Я люблю тебя.

Маулен не находил слов и чувствовал, что сердце готово лопнуть от невысказанного. Блаженная, счастливая улыбка расплылась по его лицу. Он качнулся к Инеш и остановился, увидев умоляющее лицо девушки, почувствовал прикосновение ее подвижных пальцев.

— Маулен, если вправду любишь, то давай поженимся, а? Почему молчишь? Я буду работать, а ты будешь учиться. Жить можно у нас. Не будем мучиться, искать квартиру...

Маулен так растерялся, что не мог вымолвить и слова. Он не ожидал, что все случится так скоро. У него были свои планы на будущее. Он считал, что до окончания его учебы Инеш должна несколько лет поработать в аule, заранее решил, где встретятся они в летние каникулы и куда поедут. А теперь...

— Инеш, ты так скоро... Я думаю, что ты не все обдумала. Если бы я работал... А сейчас и твои родители...

— Они не будут против.

— Но все-таки... пока я студент. Лучше, если ты немного поработаешь в аule? А когда я кончу учебу...

— Ехать в аул?— Инеш покраснела, потом щеки ее стали белыми. Она уже без прежней нежности посмотрела на Маулена и отвернулась.

— Не обижайся, Инеш. Мы еще поговорим с тобой об этом. А теперь пойдем погуляем, съездим в одно место.

— А именно?

— Тебе не хочется идти со мной?

Лицо Инеш на миг прояснилось.

— В театр? Правильно! Сегодня «Фауст».

— Нет, не в театр.

— А куда же? Мне никуда больше не хочется.

Маулен рассказал о Саттаровой.

Инеш помолчала. Потом с легким недовольством заметила:

— Что там может быть интересного? Соберутся одни рабочие. Будут говорить о еде-питье. Разговор, наверное, будет о том, как один водку пьет, а другой, не жуя, проглатывает куски мяса. Лучше сходим на «Фауста». Отдохнем.

Маулен подробнее описал ей Айшан Саттарову, рассказал, что она работает и учится в вечерней десятилетке, в девятом классе, интересуется вопросами эстетики.

Инеш больше не возражала.

— Если она такая культурная девушка, то можно пойти.

Порывшись в гардеробе, Инеш вынула три платья.

— Какое надеть? Как ты думаешь?— Маулен в это время начал перебирать лежавшие на столе книги и ничего не ответил, заинтересовавшись книгой, которую, очевидно, читала Инеш: «Дворянское гнездо» Тургенева.

Инеш смущенно засмеялась:

— Отвернись наконец. Я ведь должна одеться.

Маулен извинился за невнимательность и, выйдя из комнаты, направился в столовую. Сидел он долго. Медленно ползла стрелка стоявших на тумбочке позолоченных часов. На стене висел большой портрет, написанный маслом. Инеш, прижимая к груди букет цветов, смотрит прямо на Маулена. Чистая, опрятная комната. Но в ней царит какая-то настороженная тишина, тяжесть и грусть.

«Если женюсь на Инеш,— подумал Маулен,— буду жить здесь». Ему стало неудобно перед самим собой. В самом деле, почему он долдонит одно и то же: «В аул, рано жениться, надо работать, учиться!» Любовь учебе не мешает. А Инеш так трудно оторваться от всего этого... Хорошего в ауле не много, там — работа, село еще нужно сделать хорошим. И нет ничего приятного в том, что они будут жить порознь: Инеш в ауле, Маулен — в университете. Без нее он в дом к ее родителям не переселится из общежития. Это точно.

Маулен улыбнулся: раз мечтался, будто уже стал мужем Инеш... Но вдруг у него мелькнула и уколола сердце дурная мысль, напугала его: «А не буду ли я выглядеть эдаким бедным родственником, иждивенцем?.. Ведь моей стипендии едва хватает мне самому. Значит, Инеш должна будет

меня одевать, кормить. А между тем, ее и самую одевает и кормит отец... Нет, я сюда не войду иждивенцем!..»

Как всегда, тяжело ступая, вошла с кофейником Мадина. Медленно заговорила:

— Дорогой, пей чай... Я все время болею. Кроме того, совсем состарили меня заботы по кухне и возня с посудой, а Инеш и старик совсем не слушают, что я им говорю. Да... Хотя бы, душа моя, присмотрел человека. Сам ведь видишь, как тяжело. Был бы мой Сабыр, он бы позаботился обо мне. Ну, а Инеш и старик совсем не слушают, что я им говорю. Да... если бы был Сабыр, я не очутилась бы в таком плачевном состоянии. Пей, дорогой. Последнее время что-то редко заглядываешь. Почему бы это? Так что поищи домработницу, зарплату я ей хорошую буду давать. Ничего особенного в этом нет!— Мадина тяжело вздохнула, на глазах ее сверкнули слезы.— Прости, дорогой, когда я вижу тебя, то вспоминаю моего Сабыра.

Вошла Инеш. На ней было пестрое платье со складками и широким поясом.

Инеш, по-детски смеясь, подошла к зеркалу и осмотрела себя со всех сторон. Поправила прическу и повернулась к матери:

— Мама, а где мое бордовое платье? Я искала его, но не нашла.

— Душенька моя, оно, верно, еще не отутюжено после стирки.

— Надо было пораньше отутюжить! Выстиранное белье месяцами лежит у тебя. Чем же ты занимаешься?

— Душа моя, не успеваю. Сама ведь видишь, едва хожу. Платье на тебе очень хорошее... Не ругай меня.

— Неудобно зимой надевать летнее платье! — сказала раздраженно Инеш.

— Тогда отутюжь платье, но не обожгись, как тогда. Или позови соседку.

Инеш немного постояла, раздумывая, потом подошла к Маулену и весело спросила:

— Идет мне?

— Очень идет.

— Как ее, кажется, Саттарова,— она хорошо одевается? — и Инеш снова поглядела на Маулена. — Впрочем, там люди все равно не разбираются в одежде? Сойдет и это платье.

...Они вышли на улицу. Сели в трамвай, затем снова

пошли пешком по грязному тротуару. Падал мокрый снег, было серо и скучно.

Инеш осторожно ступала по тротуару и то и дело спрашивала:

— Далеко еще?

Подойдя к угловому двухэтажному дому, Маулен остановился, держа Инеш под руку, и начал считать:

— Один... Два... Еще кварталов шесть. Далековато...

— Тогда давай вернемся. Я устала.

— Зайдем в этот дом, отдохнем? — подтрунил Маулен. — Возвращаться не стоит. Пойдем.

— В этот дом? А зачем?

— Это и есть дом Саттаровой.

Через широкий двор они направились к среднему подъезду и вдруг услышали детский гудок:

— Пи-и-и! Дорогу!

Не успели они оглянуться, как маленькие санки подкатили к ногам Инеш. Она подняла правую ногу и сморщилась от боли. С санок важно слез маленький мальчик.

— Что ты делаешь, хулиган? — строго прикрикнула на него Инеш. Мальчик, как бы сознавая свою вину, поморщился и сказал:

— Дорогу машине надо уступать, Я бы задавил вас, если бы не затормозил.

Он посмотрел на Маулена. Немного помолчал, вспоминая что-то.

— Дядя, я вас знаю. Мотор совсем износился. Плохо дает ток, — и показал на горку.

Действительно, «ледмотор» Сафара осел, скис. Тепло и санки источили его.

— Дядя, сделайте еще один мотор, — попросил Сафар.

— Без снега и мороза ничего не получится, ты же знаешь. Когда наступит новая зима, тогда.

Мальчик внимательно выслушал и сказал без всякой связи с разговором:

— А мы сегодня много гостей позвали.

— А кого позвали? — поинтересовалась Инеш. Мальчуган ей нравился, хотя и ушиб ногу.

— А вот его, дядю Маулена.

— А меня?

Сафар опустил голову, проговорил, помедлив:

— И других. И вы приходите, Айшан сделала манты. Много. Вот столько! — он показал руками, как много. — И вам хватит. Настряпала всем.

— Правда, много настряпала?

— Правда. Я никогда не вру. Мне Айшан задаст, если я обману кого-нибудь. Да и не хочется обманывать. Если вы не верите, идите, сами посмотрите. Думаете, обманываю? Я не обманщик.

Маулен и Инеш рассмеялись и, пропустив вперед Сафара, зашагали к дому. У входа их встретила Айшан...

39

На память все чаще и чаще приходили стихи Адама Мицкевича, которые Маулен прочитал совсем недавно:

Прочь с глаз моих!— Я покоряюсь сразу.
Из сердца прочь!— Исполнил приказанье.
Из памяти!.. Но этому приказу
Повиноваться мы не в состоянии.

Строки эти гармонировали с душевным состоянием Маулена. Обида, которую нанесла ему Инеш в гостях у Саттаровой, не рассасывалась, хотя Маулен гнал ее прочь.

Сегодня, едва придя в университет, он увидел Инеш с Бельгигуловым. Они шли навстречу Маулену, и Макан держал Инеш под руку. Оба веселые, нарядные. Кокетничая и посмеиваясь, Инеш прошла мимо, сделав вид, что не заметила Маулена. Даже голос ее не дрогнул. Беспечно болтая, скрылась за поворотом, увлекаемая счастливым Бельгигуловым.

А Маулену точно нож в сердце вонзили. Вернулся в общежитие, нашел укромное место во дворе, спрятался на скамейке в кустарнике, подернутом зеленым дымом. Почки только что лопнули, изумрудные язычки потянулись к солнцу, к теплу.

А у Маулена на сердце сумрачно, неуютно. Ничто не радует его. Обвел глазами двор, деревья, кусты, голубое небо в спящих неподвижных облаках, похожих на глыбы белого мрамора, закрыл глаза, спрятал лицо в ладони, задумался. «Почему все это произошло?»

Он вспомнил, как в сопровождении Сафара они вошли в дом Саттаровой. Айшан встретила их у порога, ласково, почтительно и сердечно, как самых близких людей...

«Нет, нет, не может быть, здесь какая-то ошибка»,— думает Маулен. Воспоминанье рвется на куски, скачет с начала на конец и обратно.

Когда они вышли из дома Айшан, было уже совсем темно. Снег и тишина. На улицах ни души. И вдруг Инеш тонко, резко, зло бросила ему в лицо:

— Не провожай меня. Я не хочу. Сама дойду.

Маулен все еще не верит ни ее гневному взгляду, ни злому голосу. Что с ней, Инеш? Брови в одну линию, губы поджаты... Если бы он не знал ее, подумал бы, что перед ним фурия. Но зачем все это? Маулен не хочет ссориться, он берет ее под руку и пытается увести. Но Инеш с неожиданной силой вырывается и отталкивает его острым локтем.

— Я же ясно сказала: уходи, не провожай. Иди своей дорогой, нам не по пути. Тебя тянут в люди, а ты...

Лучше бы Маулену дали пощечину. Молча повернулся он и зашагал прочь. Ноги будто свинцом налиты, ступают глухо, тяжело.

Ушел. А Инеш осталась одна в ночи, на безлюдной морозной улице с погашенными фонарями.

«Как же это произошло?»

Маулен вновь возвращается в мыслях к началу их визита к Айшан. Саттарова провела их в комнату, помогла раздеться, усадила. Инеш с любопытством оглядела комнату — мебель простая, опрятно и свободно, ничего лишнего. Зато стол для гостей ломится от блюд: манты, лагман, самса... Сделано все отменно, с любовью. И вино и фрукты — все отборное, лучшее. Все для гостей — широко, радушно, щедро, без оглядки.

Гостей было немного и, против предположения Инеш, говорили они вовсе не о еде и питье. Говорили, не перебивая друг друга, давая каждому высказаться полностью. Разговор шел о радиолокации и атомной энергии, собравшейся только что сессии Организации объединенных наций, танцах Улановой... Ну и житейские дела, рабочие — станки, графики... Какой-то пожилой мужчина, видимо, колхозник, рассказал о новой породе овец, выведенной у них...

И сама Айшан, несмотря на занятость хозяйки, не сторонилась беседы, вставляла слово-другое, высказывала свое мнение, шутила.

Среди этих людей Маулен почувствовал себя как дома, рассказывал, шутил, смеялся, и легко у него на душе было, отранно.

За столом гости оживились, шумно хвалили манты, лагман и бураму, провозглашали шутливые тосты и говорили решительно обо всем. Увлечшись беседой, Маулен забыл

ухаживать за Инеш. Нужно сказать, что в этой компании ей и гости и хозяйка уделяли внимания не больше, чем всем остальным. Она чувствовала себя одинокой, сидела молча и жалела, что пришла сюда. Все здесь казались ей скучными, серыми, лишенными каких-либо индивидуальных особенностей. Кроме того, они или не умели, или не хотели понять, что Инеш им не ровня.

После ужина гости начали петь и танцевать. Инеш тихонько зевнула и начала собираться домой. Айшан с удивлением посмотрела на нее.

— Уже поздно,— сказала Инеш,— а нам далеко идти.

Черноволосый парень, игравший на баяне, начал ее отговаривать.

— Ничего не поздно. А если далеко до дома, то есть ведь такси. Отвезем...

— Спасибо, мы уже много сидели... Кроме того, нет времени, нужно заканчивать дипломную работу...

— Разве для работы нет других дней? Сегодня ведь праздник.

— Нет, простите, мы пойдем.

Все сразу перестали ее уговаривать и с удивлением переглянулись.

Маулен, однако, не торопился. Он, казалось, не разделял желания Инеш. Девушка направилась к двери, а он ни с места. Инеш бросила через плечо:

— Ты что же, Маулен? Если тебе так весело, оставайся.

Черноволосый парень насмешливо процедил:

— Иные из шибко культурных вдруг ни с того ни с сего начинают задирать нос выше самих себя. Глупо.

Инеш побледнела и отпарировала:

— Вы просто хам! Грубый бурбон, не уважающий ни женщин, ни себя. Научитесь сперва вести себя в обществе, невежа.

И вышла... Маулену пришлось последовать за ней. Айшан, потупившаяся, проводила их до порога!

— Спасибо, что зашли,— сказала она. В ее голосе звучала обида.

Выйдя на улицу, Инеш некоторое время молчала, потом капризно заговорила:

— Иногда я тебя не понимаю, Маулен.

— А что меня понимать? Я такой, как все.

— Нет, правда, не понимаю.

Он хотел было взять ее под руку, но она отстранилась и отошла к краю тротуара, с обидой сказала:

— На факультете ты один из лучших студентов, и в то же время у тебя какая-то худосочная этика.

Маулен вспыхнул:

— А ты из-за своей отменной этики весь вечер сидела, как замороженная, и считала, что разговаривать с этими людьми ниже твоего достоинства.

— Чтобы не скучать, окружающее общество должно быть интересным.

— Что ты нашла плохого в этом обществе? Разве плохо нас приняли?

— Простецкий ты человек, Маулен. Много ли тебе надо!

— Ты просто не понимаешь, что говоришь, Инеш. У Айшан тебе надо еще многому поучиться.

— Ну и ступай к своей Айшан, если она лучше меня.

— Не знаю, лучше или нет, но во всяком случае выдержаннее, внутренне культурнее.

— Ах, вот что! Да тебе просто, несмотря на университет, никогда не стать человеком... Можешь меня не провожать.

...Вот это Маулен вспомнил сейчас, сидя на скамейке возле общежития. «А может быть, Инеш говорит правду, может быть, я действительно не стал культурным человеком?»

Маулен пошел в общежитие. На третьем этаже на фанерной двери одной из комнат увидел картину: холмистая желтая степь; берега извилистой речушки, уходящей вдаль, заросли молодым тростником, склонившимся под натиском степного ветра. На правом берегу речушки источенная ветрами, похожая на каменный столб скала; на вершине ее вечный страж степей — беркут. Неподвижными глазами обшаривает он степь, высматривая добычу. На левом берегу речушки — зеленая низина; из густой травы виднеются гривы лошадей. Маулен прочитал надпись в левом нижнем углу картины: «Берега реки Баканас во времена Абая. Бакшаев». А чуть повыше дарственная: «Сымбату А. — поэту, от души».

Сымбат сидел за столом, заваленным книгами, и что-то торопливо писал. Увидев гостя, он вскочил, протянул Маулену руку.

— Хорошо, что ты пришел. Послушай, что я решил написать: царящая над облаками вершина, закованная в вечные льды. И на вершине — девушка; в ее руках голубое знамя мира. Оно реет на ветру в лучах рассвета. Разве не чудесно!

Выпалив это, Сымбат заметил, что Маулен безразличным взглядом смотрит куда-то мимо, с тревогой спросил:

— Что с тобой? Случилось что-нибудь?

— Скажи, можно меня принять за порядочного человека, культурного, так сказать?

Сымбат опешил, ухмыльнулся, но тотчас с величайшей серьезностью ответил:

— Если оденешься поприличнее, то, пожалуй, можно. Вместо гимнастерки наденешь сорочку, прицепишь галстук. Постой, какой у тебя размер обуви? Сорок первый? Значит, брюки, туфли и галстук... Тогда ты вполне можешь сойти за культурного.

— Значит, культурность по одежке,— усмехнулся Маулен.

— Не-ет... я говорю только о недостающих вещах. Остальное у тебя есть. Но и одеждой не стоит пренебрегать.

Маулен засмеялся.

— Убедил. Идем ко мне.— Он потащил Сымбата в свою комнату. Когда открыл дверь, увидел на своей кровати газеты и письма.

— О, корреспонденция!

Он порылся в письмах. Одно было адресовано ему. Писал фронтовой друг — хакасец. По обыкновению, в начале письма он сообщил, что жив и здоров. Затем следовали более свежие новости: «Женился, работаю монтером на колхозной гидроэлектростанции, которая скоро начнет давать ток. Приезжай отдыхать».

Маулен вспомнил свою фронтовую жизнь: все-таки тогда хоть и в опасности, но жилось несравненно легче и проще. В мирной жизни все не так, как мечталось о ней на войне.

Думая о своем, он машинально перелистал свежие газеты. Вот университетская многотиражка... На третьей странице он заметил карикатуру и взгляделся в нее не без интереса. Девушка, придавленная причудливой прической, высилась надменной глыбой над ползающим тараканом у ее ног юношей. Парень, изнемогая от собственной галантности, шарил длинными руками по земле, поднимая нечаянно оброненную девушкой книгу. Подпись под карикатурой гласила: «Старые обычаи в новом обществе или нравы наизнанку».

Маулен смеялся и с тревогой вглядывался в лицо девушки: что-то знакомое было в очертаниях губ и подбород-

ка, в манере держать руки, в характере прически. Он похолодел: «Да это же Инеш! Точно. Она! Ну и ну!»

Маулен задумался, протянул Сымбату многотиражку, ткнул в карикатуру. Сымбат тотчас же захохотал:

— Поддели гордячку. Видишь ли, равноправие мужчины и женщины иные из последних поняли шиворот-навыворот. И находятся дураки, ползают на коленях. Мужчина должен при любых обстоятельствах быть мужчиной.

— В рыцарские времена за право поднять оброненный дамой платок дрались насмерть. Но в этой галантности, показной, игровой, таилась фальшь, ибо женщина все равно не имела никаких прав. Во всяком случае, она не могла, скажем, вместе с мужчиной учиться в том же университете.

— Ну, по шариату женщина-мусульманка вообще не имела никаких прав — одни обязанности, — вставил Сымбат.

— Вот именно. А теперь вот, — Маулен ткнул в карикатуру, — иногда получается наоборот.

Сымбат не понял мысль товарища:

— Что же получается? Выходит, не надо уважать женщин?

— Уважение уважению рознь. Правдивость, искренность, достоинство не должно быть потеряно в человеке, выражающем уважение ближнему. И женщине также.

Сымбат тупо уставился на Маулена, снова с прямолинейной откровенностью спросил:

— Выходит, не стоило поднимать оброненную книгу, да? По-твоему, не поднимать? Это же грубо, невоспитанно.

— Хороший стиль поведения, думаю, не сводится к перечню внешних приемов и действий и механическому их усвоению. Красив, достоин, прост в своем поведении будет тот из нас, кто в первую голову подумает о человеческом достоинстве другого человека. Надо, чтобы твое поведение приносило радость, доставляло удовольствие окружающим... И тогда только можно сказать, что ты ведешь себя правильно, культурно. О человеколюбии нельзя забывать. А тут...

— Да ты как по написанному шпаришь! — восхитился Сымбат. — Наверное, обдумал все раньше, да? Или дуешь экспромтом?

— Пришлось вот подумать, — и Маулен снова посмотрел на карикатуру, так здорово смахивающую на Инеш.

— Философ ты! — проговорил Сымбат. — А почему бы тебе не попытаться выразить свои мысли обо всем этом в

статье, специальной работе. А то ведь, черт его знает что к чему. Грубости, хамства, высокомерия у нас хоть отбавляй.

— Да-а,— протянул неопределенно Маулен. Он вытащил из-под кровати чемодан, нашел на дне тетрадь в красной поблекшей обложке. С первой пожелтевшей страницы на него повеяло родным, волнующим запахом детства, запахом школы, близким и далеким одновременно... Кажется, вчера все это было, а между тем столько пережито, пройдено!..

На этой странице были выписаны стихи Абая в рамке акварельных цветов:

Найди свое место в подлунном мире —
Надолго и крепко трудом утвердись!

Далее шли мысли и мечты самого Маулена. В каждой строчке, написанной детским почерком, чувствовалось биение чистого доверчивого сердца, ребяческая романтика.

Чаше всего мысли свой маленький Маулен выражал стихами. Теперь, перечитывая их, он блаженно улыбался, его сердце стучало чисто и громко, в виски била горячая кровь. И он почувствовал себя так, будто в один миг обернулся ребенком, увидел себя, большого, со стороны и пожалел о многом. И ветер апрельского детства подхватил его мечты, понес по свету над полями и холмами...

Маулен присел к столу, положил тетрадь перед собой, раскрыв на чистой странице, вывел: «Человек и культура», подумал и мелким быстрым почерком записал: «Вежливость взаимно облагораживает людей. Чудодейственное это свойство заключается в том, что тот, кто вежлив, получает при этом такое же удовольствие, как и тот, на кого она направлена. Взаимная вежливость способствует еще большему сплочению коллектива, укрепляет дружбу, поддерживает прекрасное, доброе настроение членов общества. А это как раз то, что необходимо для успеха больших и малых дел. Таким образом — вежливость — общественная сила».

Сымбат заглянул через плечо в тетрадь, прочел записанное, выпятил губы и тихонько вышел из комнаты, оставив Маулена наедине с самим собой.

Маулен, однако, не удовлетворился написанным, подчеркнул и принялся за новую страницу. Он решил выразить свои мысли о человеке и его культуре в стихах.

Углубившись в работу, он не заметил того, как пришли студенты, соседи, пропустил ужин...

Несколько дней с того вечера он ходил сам не свой. Стихи не удавались. Он писал их много на одну и ту же тему, каждый раз затрагивая какую-то одну сторону поведения человека в обществе. Но какое из стихотворений самое лучшее — этого Маулен не мог решить. И он решил посоветоваться с Сымбатом, но не называть автора стихов, а сказать, что они присланы на обсуждение в литературный кружок.

Сымбат выслушал стихотворение о труде и спросил:

— Кто это написал?

— Фамилия пока не имеет значения — один из наших студентов. Я хотел знать твое мнение: стоит ли выносить это на обсуждение в кружке.

— Трудно оценивать стихи, не зная автора.

Маулен засмеялся:

— Если автор хороший человек, то и стихи прекрасные?

— Нет. В данном случае наоборот: если автор стоящий человек, то ему надо бы сказать откровенно — стихи никому дышные.

У Маулена сжалось сердце от обиды, он подумал: «Плохой я, значит», — и спросил вслух:

— Интересно. А если подробнее?

— Можно и подробнее, — согласился Сымбат, откидывая со лба черные волосы и расправляя широкие бугристые плечи. — Я мыслю так. Если бы данное стихотворение написал человек с большим талантом, то оно для него не удалось, очень плохое. Если же писал их просто талантливый, то для него они соответственно — просто плохие. По степени талантливости, одаренности, способности данные стихи — плохи, посредственные и наконец — ничего себе. Понял? Для посредственного поэта эти стихи совсем не плохие.

Маулен расхохотался.

— Однако оригинальный табель. Значит, существуют ступени поэтической иерархии. Но в таком случае даже вот это жалкое стихотворение может быть оценено несколько раз и каждый раз иначе?

— А ты как думал?! — засмеялся Сымбат. — Работа каждого человека оценивается по его способностям и возможностям. К примеру, с моей комплекцией нельзя пробежать сто метров за тринадцать секунд. Найдется ли такой дурак, который поставит мне двойку по физкультуре, если я на стометровке покажу двадцать секунд? Нет. Именно мне за мои двадцать секунд на сто метров поставят очень

хорошо, а тебе, к примеру, обязательно «неуд». Вот эти стихи для меня вполне подходящи, для меня их можно считать хорошими.

— С чего это ты считаешь их хорошими для себя? Самоуничтожение что ли?

— Эти стихи написал я. Не похвалы от тебя жаждал. Просто хотел взглянуть на недостатки со стороны. А ты целую теорию развел.

— Ты? Стихи?

— Да.

Сымбат ошеломленно уставился на Маулена.

— Авторская близорукость — дело известное... Для того и существует критика. Кроме всего прочего, конечно. Часто поэт не может найти недостатков в написанном им самим. Это объясняется тем, что творение его рождено в муках. Какая мать ненавидит свое дитя? Все дети одной матери ненаглядны для нее. Быть может, позже мать узнает своих птенцов по делам, поступкам. Но именно поэтому ни мать не имеет права плохо воспитывать своих детей, ни поэт предлагать читателям заведомо пустое произведение. Плохая книга писателя хуже воровства. Это слова одного из героев Алексея Толстого. Правильные слова.

Сымбат слушал Маулена с интересом и волнением.

— Мне нужен критик. Суровый критик, а не специалист по табели о рангах. — Маулен зашагал по комнате, свернув красную тетрадь трубочкой, потряс ею над головой. — Нет, это пока не стихи — стишата. В них есть все кроме поэзии. Я не поэт, это ясно. И не стоит мне заниматься рифмоплетством. Впрочем, все это мне поможет написать добротную статью — «Человек и культура». Пора нам осмыслить нашу этику, новые ее формы, соответствующие новому содержанию.

С этими словами Маулен вырвал из тетради исписанные стихами страницы, скомкал и бросил на стол. Сымбат схватил комок и бережно зажал в широких ладонях.

— Не годится так. Надо бы сохранить. Здесь мысли. Очень хорошие и дельные мысли. Стихи неудачны, зато статья у тебя получится. Я верю в это.

Сымбат влюбленно смотрел на Маулена. Он был восхищен его откровенностью, прямотой. Сам того не замечая, в этой беседе с товарищем он вдруг посмотрел на себя самого другими глазами.

Гульшат припоздала; зал уже был набит доотказа. Свободные места остались лишь кое-где в середине.

Совсем недавно этот же зал казался Гульшат огромным и величественным. Что же произошло с ним, вернее, с Гульшат, если огромный студенческий зал сократился в размерах, становился невзрачнее по мере перехода девушки с курса на курс?..

Гульшат, конечно, знала, в чем корень подобной метаморфозы, но в сознании укладывалось это не без сопротивления.

Она окинула взглядом знакомый зал. За длинным столом, покрытым кумачом и уставленным цветами в горшках, графинами и стаканами, сидели профессора, доценты и преподаватели, члены правления студенческого научного общества. Рядом с Сарыбековым, председателем, возвышалась массивная голова Доброва. Худой и тощий, Сарыбеков торчал за столом колом, на самой верхушке которого бог ведает на чем держались внушительные очки. Он то и дело поправлял их не лишенным изящества движением руки, победоносно оглядывал зал и неодобрительно покачивал из-за шума головой.

В сторонке, поодаль от стола, сидел Бельгигулов. Он был виден залу весь, с головы до пят, и производил отрадное впечатление: модный костюм, ослепительно белый воротник рубашки, притушенный огонек галстука, литые черные туфли, из-под манжет брюк чуть-чуть видны диковинного рисунка носки.

В окна зала пробиваются лучи заходящего солнца, веселые зайчики сигают по стенам и головам собравшихся.

Вертя головой направо и налево, Гульшат прошла вперед.

Зал мало-помалу утихал. Сарыбеков, сердито сдвинув очки, открыл собрание и предоставил слово для доклада.

Собрание пошло в бодром оживленном темпе, доклады были коротки и ясны, зал реагировал на сообщения преподавателей и студентов с откровенной доброжелательностью, дискуссия протекала деловито, без мелочных препирательств.

Добров с явным удовольствием выслушал доклады, речи, реплики и справки, поворачиваясь грузным телом к говорящему и пошевеливая бровями.

Профессор всегда одевался со вкусом, но одежда на нем сидела несколько мешковато, воротнички топорщились, лац-

каны загибались, галстук сбивался набок. Едва ли Добров придавал какое-то значение одежде. Небрежность, с которой он обращался со своим костюмом, подчеркивала его бережность в обращении с людьми.

Студенты поглядывали на Доброва так, как дети смотрят на своего отца — влюбленно и чуть-чуть со смешинкой. Простота Доброва впечатляла. Задумчивый, серьезный и веселый, он, как сама природа, был всегда непосредственен, обычен и в то же время оригинален. Иные из студентов пытались подражать Доброву в манере держать себя, одеваться и разговаривать. Но подражание никогда не делало чести и не прибавляло значительности и ума подражающему.

Собственно, Добров и был организатором и душой этой научной конференции. Вместе с Бозжановым он выбрал темы и распределил среди преподавателей и студентов, утвердил на партбюро докладчиков.

Тщательная подготовка конференции и была причиной того, что она протекала сейчас энергично, с толком, без затяжных пауз и путаницы. Во всем чувствовалась направляющая рука партийного бюро, самого секретаря.

Добров был из тех людей, которые делают дело ради дела, а не ради должностной выгоды. И диссертацию Бозжанова он поддержал не только в университете, но вынес за пределы его, предложил обсудить на бюро городского комитета партии с целью введения спецкурса для студентов других вузов — сельскохозяйственного, зооветеринарного.

У Доброва было развито особое чутье на полезные обществу научные работы, открытия и исследования. И предложение Гульшат Амановой и ее подруг заинтересовало Доброва своей очевидной практической перспективностью. Задержка с ответом на письмо Амановой в Академию Наук СССР и Московский завод граммофонных пластинок тревожила секретаря партбюро не меньше самих девушек. Посылал телеграмму за телеграммой, связался с Москвой по телефону. Выяснилось, что предложение рассматривается и скоро специальная комиссия вынесет свое заключение.

Перед началом конференции Добров получил этот ответ. Телеграмма гласила: «Предложение студенток Амановой, Касымовой и Артыгалиевой принято. Скоро вышлем авторские права. Академия Наук СССР направит в Казахстан специальную экспедицию для всестороннего изучения шайыра и составления карты мест его распространения, условий произрастания».

О телеграмме Добров успел лишь сообщить по телефону Бозжанову. На конференцию он взял ее с собой и теперь нет-нет да и перечитывал, оглядывал зал, выискивая среди студентов Гульшат. С трудом нашел ее и улыбнулся. Девушка конечно ничего не подозревает, сидит не шелохнувшись, слушает выступающих сосредоточенно и серьезно.

В перерыве Гульшат добралась до своих подруг Зады и Аллочки; оказывается, они попрдержали место для нее поближе к трибуне, но проморгали ее приход.

После перерыва девушки уселись вместе, — конференция потекла веселее для них — перешептывались, писали что-то в тетрадях, передавали друг другу, не забывая вникать в речи ораторов. Гульшат сидела несколько скованной, ожидая вызова на трибуну.

Наконец Сарыбеков назвал ее фамилию, Гульшат вздрогнула, собралась в кулачок и тут же успокоилась.

Она легко вбежала на трибуну, оглядев притихший зал, негромко начала читать свой доклад. Ей не раз уже пришлось выступать перед многолюдной аудиторией, и сейчас она легко справлялась с волнением. Хотя сердце стучало торопливо и гулко, она говорила ровным, слегка взволнованным голосом. Вот она снова взглянула в зал и увидела Инеш. Она сидела в самом последнем ряду и, опершись подбородком на ладонь, с участием смотрела на нее.

Гульшат отвела взгляд и увидела Маулена. Он так же оперся на ладонь подбородком. Его суховатое энергичное лицо было озабоченно. Он с непонятным испугом пристально смотрел на Гульшат. Чего он боится? Гульшат с еще большим напором, с подчеркнутой убежденностью заговорила о спорном. Коротко и ясно охарактеризовав значение и роль мичуринской науки для сельского хозяйства, она перешла к определению его творческих достижений. Особенно подробно остановилась на вегетативном скрещивании.

В это время возле трибуны упала брошенная из зала бумажка. Сделав короткую паузу, Гульшат подняла ее и торопливо прочла.

Бельгигулов, равнодушно смотревший в окно, повернулся к трибуне и высокомерно взглянул на Гульшат, как бы удивляясь: «А это что за чудо?»

— Здесь, в зале, сидит Инеш Даулеткереева. Все мы знаем, что она написала сначала реферат, а потом статью, опубликованную в «Ученых записках». Можно только порадоваться тому, что наши студенты пишут научные статьи.

Но меня удивляет попытка Даулеткереевой в ее работе свести на нет закон вегетативной гибридизации. Ее статья, в сущности, направлена против мичуринского учения. Руководил ее работой доцент Бельгигулов, видимо, он и направил ее по этому пути, весьма сомнительному, даже вредному.

Макан двинулся на стуле, нервным движением поправил галстук и не выдержал, сказал, как можно спокойнее, с поучающими нотками в голосе:

— Товарищ Аманова,— и сделал внушительную паузу, как бы извиняясь за свое вынужденное вторжение. Весь зал повернул лица в сторону доцента.

— Товарищ Аманова,— повторил мягче Бельгигулов.— Вы пытаетесь громить статью Даулеткереевой, не вникнув в нее должным образом. Иначе вы не смогли бы не заметить, что в названной статье речь идет именно об изменении наследственности. Кроме того...

Гульшат порывисто, с жаром возразила:

— Даулеткереева действительно пишет об изменении наследственности, но она, как и вы сами, защищает мысль, будто наследственность можно изменить сразу посредством сильно действующих препаратов. Такая теория не дает ключ к природе. Настоящее изменение можно получить только в том случае, если оно проникает весь цикл роста и развития растения. Мичуринская наука защищает именно такое изменение.

Бельгигулов спокойно выслушал возражение и ответил с тем же мягким снисхождением:

— Вегетативное скрещивание, которое вы так горячо защищаете, это же метод Грелля. А ведь известно, что Мичурин долгое время не мог ничего добиться, пользуясь этим методом. Разве сам Мичурин не писал: «Не мучайтесь зря, ожидая чего-нибудь от этого метода. Вы потратите даром время и труд». Что вы можете возразить на это?— Бельгигулов пристально посмотрел на Гульшат и равнодушно закончил:— В сущности, все, что мы называем вегетативной гибридизацией, является половым скрещиванием. Вам никто и ничто не мешает быть мичуринцами. Только не будьте, ради бога, плохими мичуринцами.

Гульшат на миг растерялась, затем ответила резко, но уже без прежней уверенности.

— Мне кажется, всякий человек, разбирающийся в биологии, знает разницу между половым скрещиванием и вегетативным. Я не понимаю, почему вы восстаете против метода, давно уже считающегося бесплодным.

Добров хотел было что-то вставить, но воздержался и посмотрел на Бозжанова.

Бозжанов, молча слушавший этот спор, сказал что-то на ухо Сарыбекову и, когда Гульшат кончила свой доклад, пошел к трибуне. Зал встретил его дружными аплодисментами.

Глядя на Бельгигулова, он спокойно продекламировал:

Как сложно все в подлунном мире:
У человека две ноги, а не четыре,
У птицы крылья есть, а у собаки хвост...
Как сложен мир и в то же время прост.

Зал содрогнулся от хохота, казалось, что потолок вот-вот обрушится наземь. Бозжанов не смеялся, он нетерпеливо переждал взрыв веселья. Когда смех утих, он продолжил:

— В подобную смехотворную систему мышления впадают иногда люди даже с учеными степенями. То, что сказал Макан Бельгигулович, можно свести к примитивной логической системе, и тогда неизбежно получается вот что: коль «все птицы имеют по две ноги», значит «все двуногие — птицы». Куда же в таком случае деть человека? Словом, товарищи, не к лицу нам заниматься софистикой. Слава богу, мы вооружены знаниями диалектического материализма, и нам вовсе не так уж трудно положить софистику на обе лопатки.

Бозжанов сделал паузу, как бы собираясь с мыслями, затем решительно махнул рукой и продолжил:

— Придется повторить азы, ничего не поделаешь. Макан Бельгигулович утверждает, что Мичурин был против теории Грелля. Совершенно верно. Но ведь теория Грелля далека от метода вегетативной гибридизации. Вот в чем ваша уловка, ваш, как может показаться на первый взгляд, спасительный софизм. Но у нас такая хитрость не пройдет безнаказанно.

— Правильно! — закричали в зале.

Грелль говорит, что растения юга можно легко приучить к условиям севера. Но как приучить? Этот вопрос Грелля не тревожит. Он считает, что для этого достаточно ветку южного растения привить к стволу северного; новый сорт, благодаря привою, будет сладким, а благодаря подвою — выносливым к холоду. Теория Грелля представляет благое намерение изменить природу. Но беда в том, что

она не может ответить на вопрос, как изменить ее. Именно поэтому Мичурин разочаровался в теории Грелля и отверг ее.

Грелль не учел закона наследственности. Наследственность — это жизненные признаки растения, оформившиеся и развившиеся во многих его поколениях под воздействием окружающей среды. Если изменить внешнюю среду, то соответственно начнут изменяться и наследственные свойства.

Тем не менее процесс изменения не проходит механически, как это утверждает Грелль. Хотя растение попадает в новую среду, — и в изменившихся условиях оно стремится к состоянию, которое было выработано в нем прежней жизнью. Растение в этом случае напоминает крепко защищенную крепость. И, не сдаваясь врагу, оно гибнет в том же состоянии. Мичурин, раскрывший эту тайну, понял бесплодность и ошибочность теории Грелля. Иван Владимирович пришел к выводу, что, прежде чем приучать какое-нибудь растение к новой среде, надо сначала воспитать его наследственные признаки. Каждый из нас прекрасно знает, что гораздо легче воспитывать молодую поросль, чем перевоспитывать и исправлять старого упряма.

В зале задвигались и засмеялись.

— Это хорошо понял Иван Владимирович. Разочаровавшись в теории Грелля и поняв, что ничего не выйдет из перевоспитания старых упрямов, он приступил к воспитанию молодняка... Иван Владимирович хорошо знал, что молодые растения, не плодоносившие и не имеющие еще наследственных признаков, вернее, слабо их проявляющие, быстро свыкаются с любой обстановкой. По этой причине, для того, чтобы не «разбаловывать» их, он продал свой участок плодородного чернозема и купил другой, неплодородный и бедный участок. Это мы знаем хорошо. Молодые растения, воспитанные на таком неплодородном участке, образно говоря, «закалялись».

И что же сделал Мичурин потом? — немного помолчав, сказал Карим. — Он начал скрещивать растения различных географических широт. Сам Мичурин называл это «лестницей множественной гибридизации». Таким путем он скрещивал растения-«иностранны» с растениями родной России. И опять победа! Мичурин достиг намеченной цели. Великий ученый создал новым методом, методом вегетативного скрещивания, десятки чудесных сортов различных плодов растений. Прекрасная яблоня кандиль-китайка и

бельфлер-китайка, новый сорт груши, названный «северным сиянием»... И многое другое.

Вы замечаете, уважаемый товарищ Бельгигулов! Хотя все птицы имеют две ноги, но не все двуногие являются птицами? Да, сложно все в подлунном мире: у человека две ноги, а не четыре!..

Все снова захлопали в ладоши. Бельгигулов сидел, будто изваяние,— ни жеста, ни вдоха, ни звука.

Следующим на трибуну поднялся смуглый парень с длинной худой шеей. Спокойным, насмешливым взглядом он оглядел сидящих в президиуме.

«Где я видел этого парня?— пытался вспомнить Бозжанов.— Видимо, он с четвертого курса».

— У меня есть вопрос к товарищу Бельгигулову,— сказал студент.— Он называет себя дарвинистом-мичуринцем, а на деле занимается бесплодными мудрствованиями. Почему он не последует примеру Бозжанова — не обнародует свои собственные исследования, не опубликует труды?

В зале поднялся шум, затем смех.

Сарыбеков нахмурившись схватил звонок, потряс им и прикрикнул на оратора:

— Говори по существу, по поводу доклада. Твой вопрос не к месту.

— Одну минутку,— Бельгигулов величественно встал и, чуть запрокинув голову, посмотрел на выступавшего парня.— Прежде чем задавать мне подобные вопросы, вы хотя бы окончили университет, молодой человек. Но глупость вашего вопроса вы поймете не ранее, чем окончив аспирантуру и защитив диссертацию. В чем, однако, я глубоко сомневаюсь. Но даже и в самом лучшем варианте, вам, молодой человек, конечно же, не догнать меня: я ведь не топчусь на месте, иду вперед.

К удивлению всего зала парень не растерялся. Он извлек из кармана сложенный вчетверо листок бумаги и сказал:

— Вы, конечно, ученый человек. Никто в этом не сомневается. И, по-видимому, по причине ваших обильных знаний вы плохо читаете лекции. Нужны факты? Пожалуйста.— Парень поднес к глазам бумажку.— Касимова на вашей лекции чистила ногти. Сиражиев и Биназаров читали какие-то книги. Муратов составлял список студентов на субботник, Амина затыкала уши ватой... Все эти записи одного натуралиста, сделанные на вашей лекции.

В зале задвигались. Кто-то спросил:

— Ну, а Даулеткереева что делала?

Оратор некоторое время смотрел на бумажку, потом свернул ее и заключил:

— О ней здесь ничего не написано. Видимо, она не присутствовала на лекции. Это бывает часто.

Бельгигулов встал. По его лицу было видно, что он старается сохранить спокойствие, но губы его вздрагивали, желваки под кожей перекатывались шарами.

— Клевета!— с угрозой проговорил он.— Клевета на ученого. Прошу засвидетельствовать.

В зале зашумели, многие повскакивали с мест. Сарыбеков отчаянно звонил, призывая к порядку.

— А кто вам дал право извращать мичуринскую науку?— раздался звонкий мальчишеский голос.— Студенты не могут позволить топтать учение Мичурина ученому.

— Это уже безобразие,— сказал Бельгигулов.— Хулиганство...

Он направился к выходу. Зал проводил его молчанием. Когда дверь закрылась, студенты повернули лица к столу президиума. Поднялся Добров. Он очень спокойно, с напряженной деловитостью заговорил о принципиальности и справедливости в решении сложных вопросов. Затем сообщил о полученной телеграмме и прочел ее вслух. Аманову, Касымову и Артыгалиеву он попросил завтра зайти в партбюро.

Зал долго рукоплескал трем студенткам. Едва председательствующий объявил об окончании заседания, как Гульшат, Заду и Ажар окружили студенты. Посыпались со всех сторон поздравления.

— Быть вам лауреатами,— сказал Балгабаев.

В общежитие возвращались шумной толпой. Теплая, тихая ночь. Сырой асфальт блестит в свете уличных фонарей. В межоблачных просветах мерцают трепетно и ясно теплые звезды. Все в природе говорит о приближении лета: влажный неровный ветерок, тополя и сирень с пламенеющими языками почек.

Девушки все еще были под впечатлением телеграммы, возбужденно переговаривались, умолкали, прислушиваясь к весенней мелодии, и вновь счастливо и бездумно смеялись, обнимали друг друга.

Зада вдруг спохватилась:

— Гуля, ты почему скрываешь от нас записку? Прочла и спрятала. Даже ответ не дала. И нам не показала. Секрет?

— Да нет, девочки, милые вы мои. Я ее и не поняла. Не до записки было. Сейчас и прочтем. Она у меня в папке.

Приблизившись к столбу с белым фонарем, Гульшат порылась в бумагах и нашла записку, развернула, прочитала вслух: «Дорогая подруга Гульшат! Прости меня. Я очень переживаю случившуюся ссору. Зачем так ругаться по пустякам?.. Просто мы издергались с этими экзаменами, рефератами... Очень прошу тебя, будь осторожна в спорах с Бельгигуловым. Макан Бельгигулович все-таки наш учитель, нельзя так охаивать его самого и его труды. Я на тебя не обижаюсь. По-прежнему преданная тебе всем сердцем, Инеш».

Гульшат примолкла, погрузилась. Зада фыркнула с неодобрением:

— Почему она так печется о Бельгигулове? Не понимаю Инеш. Абсолютно!

41

Нападки на Бельгигулова Инеш восприняла как покушение на ее личные достижения в науке. Ведь если будут скомпрометированы взгляды доцента, то и статья Инеш в «Ученых записках» окажется невесомой, никчемной.

Когда Бельгигулов покинул зал, где проходила конференция, Инеш из солидарности, горечи и еще чего-то невысказанного, но глубоко обидного, также ушла с собрания. Ей показалось, что она летит в пропасть. Испуганная, терзаемая сомнениями, она бесцельно бродила в ночи по тихим и темным улицам, ничего не замечая вокруг. На сердце была безысходная тоска, и все же где-то... еще теплился луч надежды, вспыхивая ярко, как молния, и освещая на миг крошечную тьму неизвестности.

Но чувство одиночества накрывало вспышки надежды душным покрывалом. Не с кем было поделиться своим несчастьем. Дома отцу вечно некогда, а мать не оценит, не поймет всей глубины ее переживаний. Друзья? Где же они, друзья?

Никогда еще Инеш не чувствовала себя такой одинокой, заброшенной и покинутой всеми. Хотя бы какая-нибудь живая душа пожалела ее, утешила. Маулен? Боже ты мой, и Маулена она оттолкнула от себя, он теперь и духу ее не вытерпит. Неужто это так? Безжалостные, бессердечные люди...

Спотыкаясь, покачиваясь от боли душевной, шла Инеш

сквозь прошитую тусклым светом фонарей душную неподвижную ночь, шла и не знала, куда и зачем.

У дверей своего дома она стояла долго, готовая разрыдаться, упасть на порог. Но не сделала ни того, ни другого, повернулась и, влекомая неясным желанием, потащилась прочь. Она почти бежала и остановилась, удивленная, только тогда, когда натолкнулась на столбы света, падающие из окон конференц-зала.

Чья-то тень шарахнулась от окна. У Инеш екнуло сердце, душа ушла в пятки. Но перед ней вырос Бельгигулов, и она обрадовалась ему, безотчетно шагнула навстречу, проговорила что-то сочувственное, ободряющее. Не столько для него, сколько для себя. Бельгигулов был зол. И жалок в бессильной своей злобе. Инеш ничем не могла ему помочь, хотя и чувствовала себя обязанной утешить бесконечно доброжелательного учителя, друга погибшего брата Сабыра, наконец, просто мужчину, который, по всему видно, очень и очень любит ее, боготворит, но держится мужественно, не выказывает своих чувств...

Ничего не сказала Инеш Бельгигулову, просто зашагала рядом, жалея такого видного и такого беззащитного и одинокого в этот миг мужчину. К утраченной силе его она не хотела добавлять свою женскую слабость. Они уравнились в правах и положении, в чувствах и помыслах — на какой-то короткий срок, но уравнились. Инеш перестала быть ученицей, а Бельгигулов не был больше для нее учителем.

Они пошли рядом невольными сообщниками, чувствуя друг к другу одновременно и тягу и неприязнь. Но противоречивое состояние духа лишь еще больше сближало их в столь горькой ситуации.

— Зачем же ты ушла? — спросил он у Инеш так, как спросил бы у нее об этом самый близкий друг, давний товарищ и единомышленник. — Беспокоишься за меня? Не тревожься, душа моя. Ничего не потеряно. Я ручаюсь. Я об этом побеспокоюсь, дорогая, — и положил руку на покатое мягкое плечо девушки. В душе у Инеш что-то перевернулось, в сердце произошло непонятное движение. Жалость к самой себе захлестнула ее, в горле застрял вздох, не стало сил вытолкнуть его. Инеш подняла голову и посмотрела на Бельгигулова большими чистыми глазами. Признательность и нежность выражал ее долгий взгляд.

Чтобы не выдать своего яростного желания, Бельгигулов опустил глаза, задумался. Через минуту проговорил глухо, с мудрой значительностью:

— Жизнь — не тротуар, по которому мы ступаем. Далеко не тротуар. На жизненном пути неминуемо тут и там разбросаны капканы и петли, ямы и колдобины. Враги иногда оборачиваются друзьями, а вчерашние друзья оказываются отъявленными недругами. Мир полон исканий людских: одни ищут моря, другие — жемчуга в нем. Но что бы ни случилось в жизни, надо научиться оставаться самим собой, не падать духом. Жизнь организуется по законам красоты, но красоту эту надо еще уметь искать и находить. И добывать, как золото добывают в непроходимых горах и болотистых глухих лесах. Без трудностей и преград жизнь становится бесцветной и бездушной. Безжизненной. Жизнь трудна, и надо иметь друга, чтобы всегда было на чье плечо опереться в движении по ямам и колдобинам.

Улица, по которой они шли, была стиснута густо насаженными тополями. Шпалерами стояли они, бросая плотную тень на асфальт. Чуть дальше улица обрывалась, будто уходила в черную стену или кончалась у бездны.

Инеш стало зябко. Испуганная робость вползла в сердце, как в недавнее отрочество, когда она девчонкой задумывалась о смерти и о бесконечности...

Девушка прижалась к Бельгигулову, подумала: «Куда я иду?» Она посмотрела на Макана, он шел уверенно и сосредоточенно, погруженный в мрачное раздумье, и, казалось, не обращал внимания на спутницу.

Она вдруг подумала с горделивой нежностью, что в ее силах развеять горе этого человека, потому что она понимает и разделяет его думы. И тут же захотелось ей приласкать его.

Словно угадав мысли девушки, Макан взял ее под руку, вдавив ее локоть в свой податливый бок. Инеш не воспротивилась. И Бельгигулов приободрился, засмеялся тихо, беспечно. В ответ на вопросительный взгляд Инеш начал рассказывать смешную историю с одним знакомым, известным ученым, которого вот так же однажды чуть не называли публично круглым дураком. Затем он поведал Инеш о разных происшествиях в бытность его студентом и аспирантом, когда они вместе с Сабыром частенько бродили белыми ночами по Ленинграду.

Инеш стало весело и легко, она смеялась и благодарно прижималась к Макану.

Внезапно они остановились у подъезда дома, где жил Бельгигулов. Макан вздохнул:

— А теперь я готов проводить тебя до твоего дома.

Я благодарен тебе бесконечно. Ты помогла мне развеять тяжелую минуту в жизни. С тобой рядом я будто напился живой воды и вновь укрепился духом. Спасибо, дорогая. Сабыр как-то просил меня помогать тебе в беде. А вот получается наоборот: ты приходишь мне на выручку.

— Ой, Макан-ага! — воскликнула довольно Инеш. — Возвысили меня до небес, а за что? Это я вас должна благодарить.

Бельгигулов улыбнулся:

— Значит, взаимно.

Хотя он и вызвался проводить Инеш до дому, но не сделал и шага от своего подъезда, стоял и лихорадочно выискивал приличную причину для приглашения девушки в гости.

— Я бродила по улицам одинокой и обиженной, — призналась Инеш. — А поговорив с вами, оттаяла. Я уже была у своего дома, но не смогла войти, хотя меня и ждут давно.

Бельгигулов уцепился за слово.

— Это хорошо, что тебя ждут, — сказал он печально и сокрушенно вздохнул. — А мне каково одному в квартире... Матушка недавно уехала в колхоз, я сам себя кормлю. Ресторан не люблю. Ты умеешь варить какао?

— Не очень умею...

— Может, зайдем, сварим вместе? Нет, лучше я сварю и угощу тебя. Подходит?

Бельгигулов старался говорить небрежно и беспечно, но голос его вздрагивал и рот пересыхал.

Инеш не сразу ответила. Макан, сделав вид, что понял ее молчание как знак согласия, провел девушку вперед, распахнул дверь подъезда.

Лишь слабая искорка сомнения в разумности своего поведения вспыхнула в голове Инеш. Вспыхнула и погасла. Она опять не воспротивилась.

Макан пропустил Инеш в прихожую квартиры, сам, топясь, шагнул через порог, и тотчас же закрыл дверь. Замок отрадно щелкнул, и Бельгигулов, унимая дрожь в коленях, постоял в темноте, собираясь с духом.

— Темно как, — протянула Инеш, и слова ее вывели Макана из томительно-сладостного оцепенения. Он кинулся к выключателю, щелкнул и торопливо принялся раздевать Инеш, все время не сводя глаз с ее груди, бедер, шеи...

В своем кабинете он усадил девушку в мягкое кресло, оживленно потер руки: «Выпьем какао сейчас!» и с молодецкой легкостью пружинистым шагом бросился на кухню.

— Не надо,— протянула Инеш устало и томно.— Посидим так... Я сейчас пойду.

Какая-то вязкость поселилась в ней помимо ее воли, удобное кресло взяло в свои объятия. Взглянув на Макана, послушно усевшегося в кресло напротив, она вдруг ощутила то знакомое чувство страха и неги, которое так пугало ее и одновременно влекло к Бельгигулову. Она тут же подумала, что пора уж и идти, но тело не послушалось ее, не шелохнулось.

Бельгигулов сидел, откинув голову, смотрел в потолок и думал о чем-то. Выждав приличествующую минуту, сказал не без грусти:

— Видимо, родился я под несчастной звездой. Злой мой рок, мое предназначенье — путеводная моя звезда.

Он был хорош, мил и чуточку беспомощен в этот миг. Взглянув на притихшую Инеш с ласковой властью, добавил:

— Было бы счастье пасть в бою, как Сабыр мой. И твой. Но на фронт меня не взяли, сказали: такие люди очень нужны в тылу. Не надо было мне клевать на эту удочку. Вот и живу...

— Не говорите так,— пожалела его Инеш.— По-моему, вы счастливейший человек на свете.

— Ах, Инезилия!.. В этой вот большой и пустой квартире я совсем одинок. Если бы рядом...

Он не договорил. Но взгляд его был красноречивее любых слов. Инеш все поняла, похолодела, но выдавила из себя беспечную фразу:

— Почему одинок?— смех ее был тяжел и туг, она сама ощущала неуместность шутки, но ничего другого сейчас не могла придумать.—Ведь я с вами рядом.

Макан качнулся к ней, но не покинул кресла.

— Инезилия, как ты чутка! Как тонко ты улавливаешь душевный настрой ближнего. Твой дар души не имеет цены. Ты — сама красота, само совершенство.

Инеш обмерла, ожидая какого-то действия Бельгигулова. Но Макан удобно уложил затылок на спинке кресла и закрыл глаза.

В комнате наступила вязкая тишина. Инеш, благодарная, разнеженная, по достоинству оценила искренность признания и поведения Макана. Другой бы в подобной обстановке полез обниматься и целоваться...

И Инеш самой захотелось приласкать Макана, сделать ему приятное. Очень захотелось. И она не могла воспроти-

виться своему желанию, поднялась с кресла, подошла к Бельгигулову и посмотрела на его запрокинутое лицо. Напряженная бледность его поразила Инеш. Маленькие капельки пота блестели на открытом лбу, точно драгоценные камушки. Две болезненные складки, словно черные искры, прорезали лоб.

— Макан-ага,— окликнула его Инеш шепотом, склоняясь и прикрывая ладонью лоб.— Может, у вас голова болит? Поставить компресс?

Бельгигулов небрежным и томным движением прикрыл руку девушки, сжал в своей внезапно вспотевшей ладони. И открыл глаза. И заглянул, казалось, в самую душу девушки. Инеш растерялась, ослабла, боясь упасть, привалилась грудью к валику кресла. В глазах ее возникло и застыло недоумение пойманной стрекозы.

Скользким, даже чуть ленивым движением Бельгигулов обнял девушку за талию, привлек к себе и поцеловал в затылок, долго и крепко.

Инеш задохнулась и перестала что-либо соображать.

— Не надо, Макан-ага,— шептала она, делая вялые попытки освободиться; желание неведомого и таинственного поглотило ее.— Не надо, Макан-ага.

Бельгигулов поднялся с неожиданной силой и проворством. Инеш повисла в его напружинившихся руках, закрыла глаза. Теплая волна обдала сердце, утопила, подняла и, захлебнувшееся, обморочное, понесла куда-то, понесла...

— Не надо, Макан-ага, не надо...

Но Бельгигулов знал, что делать. Он долго ждал этого момента. Он заработал свое терпением, выдержкой. И трудом.

До широкого дивана всего два шага — и Бельгигулов сделал их, четко и неотвратно.

42

Пробило двенадцать часов, а Инеш все не было. Так долго дочь еще никогда не задерживалась. Мадина всполошилась. Она позвонила в университет, ей ответили: конференция давно кончилась. Так и сказали: кончилась.

Тяжелое предчувствие закралось в душу матери. Мадина до сих пор считала Инеш ребенком, и опоздание ее лишь усугублялось этим обстоятельством. «Где же она? Что случилось? Может, лежит сейчас где-нибудь бездыханная? Под машину попала, в арык упала...»

Мадина выглянула на улицу. Внезапный свет далекой молнии поверг ее в ужас: «Буря надвигается! Будет буря!» Она закрыла глаза, схватилась за сердце, навалилась на косяк. Новая вспышка заставила ее прийти в себя. В свете молнии она увидела четкую гряду белых вершин горного хребта, напоминающих надмогильные камни мазара. «О, аллах! Буря! Надвигается беда!»

Мадина кинулась в спальню мужа и почти стацила старика с кровати. Даулеткерей открыл глаза и, увидев лицо жены, перепугался не на шутку.

— Что случилось?

И в ответ за окном стало мертвенно-бледно, через мгновение прогрохотал гром.

— Душа моя, свет мой, моя Инеш пропала!— завопила Мадина.

— А-а-а,— протянул старик,— не пропала. На конференции же она, ты говорила...

— Собрание уже кончилось, я звонила. На улице буря начинается. Видишь что творится? Где же Инеш?

— Разве у нее нет друзей? У подружки засиделась, наверно. Может и заночевать. Разве раньше этого не бывало?

— Что ты, что ты! О, аллах, сверкают молнии, надвигается гроза. Если пошла пешком, ее убило...

— Не болтай чепухи! Она уже не маленькая, ничего не случится. Перестань вопить.

— Ой, бай-я-яй, почему тебе не дорога единственная дочь? Ты же знаешь: никогда с ней такого не бывало.

Мадина, не слушая возражений Даулеткерей, заставила его одеться и вытолкала на улицу.

Переступив порог, он сразу же попал в круговерт. Ветры в Алма-Ате бывают редко, но зато они с корнями вырывают деревья, сносят крыши. Сейчас был именно такой ураган. Не видно ни зги. Над горами беспрерывно полыхал огонь, как будто там рвались бомбы. На короткое мгновение молния осветила все вокруг зеленоватым светом, а затем наступила непроглядная темнота.

Даулеткерей, подняв воротник пальто, осторожно зашагал во тьму. Не пройдя квартала, остановился.

«Куда идти в такую непогоду? Стучать в окна и спрашивать: здесь ли моя дочь? Глупость».

Сверкнула молния, крупные капли дождя застучали по асфальту. И вдруг хлынул ливень.

Старик вернулся домой и решил переждать ливень на крыльце под козырьком. Стоял он долго. Дождь ослабил

ветер, быстро пошел на убыль и вскоре исчез. Ветер утих. Заря медленно, будто нехотя поползла по небосводу.

Даулеткерей давненько не бодрствовал по ночам под открытым небом, и был рад случаю взглянуть в лицо природы. А вот и Инеш... Да, это она. Старик спросил без тени неудовольствия:

— Ты одна? А твой друг Маулен? Ну и парень... Почему не проводил?

Инеш промолчала.

Не показывая своего недоумения и стыдясь отца, она молча прошла в свою комнату. Разделась, бросилась в постель. И неожиданно зарыдала, уткнувшись лицом в подушку. В сердце было пусто, как в нераскрывшемся, опаленном солнцем бутоне цветка.

В комнату вошла Мадина. Некоторое время она стояла в оцепенении. Затем в тревоге подбежала к кровати.

— Что случилось, душа моя, свет мой?!— Она закудала, как курица, растерявшая цыплят. Большое лицо ее сморщилось в жалкой гримасе.— Что случилось, моя дорогая? Кто-нибудь обидел? Оскорбил? Ты отвечай, отвечай...

Инеш отвечала плачем. Поток безудержных рыданий, бессвязных бормотаний. Казалось, вся душа изошла слезами. Опустошенная, она умолкла.

Мать в безысходном горе плакала у ног дочери. Но едва Инеш успокоилась, она поднялась, прочитала про себя молитву и принялась готовить еду.

Инеш молча покачала головой. Буря в ее душе утихла. Наступила сонливая, нереальная тишь. Ее клонило ко сну. Теплая постель баюкала. Инеш провалилась куда-то, перед закрытыми глазами возникли бесформенные навязчивые видения.

Она пытается подняться, чтобы убежать от них. Делает нечеловеческие усилия, но руки и ноги будто увязли в раскаленном сыпучем песке...

Инеш проснулась от собственного душераздирающего крика, села в постели, потная, дрожащая, задыхающаяся. Сердце в груди колотилось, будто бабочка на стекле окна.

Сидела долго и неподвижно, уставившись в одну точку на белой стене. И опять... Из самой стены вышел Маулен, стал перед ней. Раздвоился. Два Маулена смотрят на Инеш и смеются.

Девушка тряхнула головой: на стене висела знакомая фотография Маулена. Встала и сняла ее, взгляделась.

Но смех так и прет из него, хотя губы сложены подковами, чуть-чуть сжаты.

— Смеешься?— спросила Инеш вслух, не отрываясь от фотографии. Ей вдруг пришло в голову, что всю эту кошмарную, стыдную ночь он следил за ней со снисходительной улыбкой, жалея и презирая.

— Даже над слезами моими, муками ты смеялся?— спросила она серьезно и строго.— Почему ты не пришел ко мне на выручку в минуту беспамятного падения? Где ты был? Дразнился, издевался, насмеялся?..

По лицу Инеш пробежала судорога. Она вспомнила прошедшую ночь. Бельгигулова... Маулен был с ней рядом и там, на квартире доцента. Она это отчетливо помнит. Был. И не был. В душе был, а на самом деле отсутствовал. И его место занял другой.

Сожалея, скорбя и проклиная себя, Инеш опустилась на ковер и заплакала тихими, облегчающими душу слезами. Светлые горошины беспрерывно катились из-под черных ресниц, будто ключики выбивались на свет из подземного мрака.

43

Тщательно, с необычной даже для нее привередливостью, Инеш оделась в лучшее платье и вышла из дома. Не хотелось ей ехать в университет, но сегодня должны объявить о порядке распределения выпускников на работу.

Во дворе стоял «Москвич», поблескивая на солнце никелем и стеклами.

В глаза Инеш ударило солнце, она блаженно сощурилась и осмотрелась. Весна взяла свое. Белые шапки на горных пиках сбились набекрень, уменьшились: снег, отступая, поднимался все выше и выше по крутым склонам дымчатых гор. Подножья зеленели и розовели.

Прямо у калитки дома буйно расцвела сирень. Сад, клумбы, ограда окутались в сочную зелень, ласкающую глаз. Казалось, что все это произошло в один миг: Инеш из-за университетских забот просто не замечала ранее перемен в природе. «Как много в природе удивительных явлений, которых мы не замечаем»,— вспомнила она слова Маулена. «Маулен прав. Вот получу диплом, буду работать в Академии или школе, тогда...» Она подошла к кусту сирени, сорвала тяжелую пахучую ветку и долго нюхала ее.

«Как жестоко мы иногда поступаем с прекрасными

вещами. Если бы у сирени не было этого благоухания,— подумала она,— никто бы ее не срывал. Ее прекрасные качества становятся губительными для нее самой. Кто скажет, что и в жизни нет таких явлений?»

Она рассмеялась — странная мысль... Потом сорвала еще несколько веток сирени и села в «Москвич». Машина с легким шумом помчалась вниз по асфальту. Инеш встала одну крошечную ветку сирени в маленький, как наперсток, кармашек на груди.

...Члены комиссии совещались в кабинете ректора. В просторной приемной сидело около пятидесяти студентов, заканчивающих в этом году биологический факультет. Все они возбуждены, все смотрят на коричневую, обитую кожей дверь. Она кажется студентам порогом, через который они шагнут в жизнь. Каждый думает: «Куда направят?» Этот вопрос в последние дни повторяется везде и всеми. «Куда направят?» Каждый сейчас, волнуясь, думает о своем будущем. По всей стране, от Балтики до Тихого океана, от Кольского полуострова до Тянь-Шаня, студенты-выпускники всех вузов ждут ответа на этот вопрос. Кажется, что будущее начинается за порогом помещения, где заседают комиссии по распределению. Распахнутся двери, назовут твою фамилию...

...Дверь распахнулась. Все вошли гурьбою в кабинет ректора и стали рассаживаться. За длинным столом сидело множество людей. Среди них были представители областей и районов. Председательствовал Бозжанов. Он начал спрашивать у каждого по очереди: «Куда желаете ехать?».

Слышались разные ответы. Комиссия, конечно, заранее составила план назначений. Спрашивая, Бозжанов одновременно и предлагает различные области и районы. Подошла очередь Гульшат. Бозжанов надел пенсне, как будто хотел ее получше разглядеть.

— Гульшат Аманова, куда вы думаете поехать? Где вас привлекает работа?

Гульшат встала и ответила без раздумья:

— Туда, где я буду нужна...

Бозжанов некоторое время молча смотрел на нее, потом улыбнулся:

— А если университет оставит тебя?

— Я уже сказала, Карим Бозжанович. Если я гожусь работать в университете, то это для меня большая радость.

— Ректорат предлагает оставить тебя в аспирантуре. Гульшат ничего не ответила.

Инеш от волнения не могла спокойно сидеть на стуле, беспрестанно вытирала мокрые ладони. Когда она услышала, что Гульшат предлагают аспирантуру, ее охватило щемящее чувство зависти: «Какое счастье!»

Касимова попросила направить ее в Караганду, Манапу предложили ехать в Омскую область в казахское училище.

Наконец очередь дошла до Инеш.

— Вас, Даулеткереева, мы думаем направить в сельхозтехникум в Южно-Казахстанской области,— сказал Бозжанов.— Это хорошо уже потому, что техникум находится не в самом городе, а в одном из крупных сел области.

— В ближайшие годы этот техникум будет преобразован в институт,— заметил один из членов комиссии, молодой человек с выпуклыми глазами.

Сердце Инеш забилося, она проговорила непослушным, дрожащим голосом:

— Нет, я... Не могу, нет...

— Тогда поезжайте в среднюю школу города Арыси. Будете преподавать биологию. Арысь — крупная узловая станция, город с большим будущим,— предложил один из сидевших за столом. Он, видимо, приехал из Арыси.

На этот раз Инеш справилась с волнением и твердо ответила:

— Я не могу поехать в Арысь.

Бозжанов удивленно и растерянно оглянулся.

— Куда же вы хотите поехать?

Сразу посыпались предложения:

— Семипалатинск.

— Гурьевский институт.

— Можно послать в РСФСР.

Инеш молчала. Ею вдруг овладела апатия, ни о чем она уже не тревожилась.

— Выбирайте любую область.

— Но куда же все-таки хотите ехать?— повторил свой вопрос Бозжанов.

— Я хочу... Я должна остаться в Алма-Ате...

— Но здесь нет мест. А на периферии не хватает кадров. Надо ехать в аул,— сказал представитель Министерства просвещения республики.

— Как я могу поехать, оставив родителей, дом?

— У каждого студента есть родители, никто из них не бездомен. А потом... неизвестно, как обернется ваша жизнь и будете ли вы работать, если останетесь в Алма-Ате,— со скрытой иронией заметил один из сидевших за столом.

Инеш покраснела и промолчала.

— Видимо, у вас есть какая-то другая причина, но вы не решаетесь нам об этом сказать?— участливо поинтересовался Божжанов.

— Причина? Да, у меня есть причина, Карим Божжанович,— наклонив голову, сказала Инеш.— Здесь... мой друг... мой будущий муж.— Сказала, и сразу потемнело ее белое изнеженное лицо. Она не знала кого назвать — Маулена или Бельгигулова. И умолчала имя будущего мужа. Ей стало страшно от этого. Но отступать было некуда. Стыд пронял ее до мозга костей. Стыдно ей стало потому, что она сказала неправду. Это было хуже лжи. В следующую минуту она выпрямилась, глаза ее засверкали. «Нет, только не Бельгигулов». Лучше — аул. А там...

— Неправда! Я сказала неправду...

Она почувствовала, как вспыхнула вся, будто на ней загорелось платье.

«Боже, что я делаю?»— с ужасом и стыдом подумала она.

— Неправда? Зачем же говорить неправду?— смеясь заметил представитель Министерства просвещения.— Вот товарищ Аманова очень хорошо здесь сказала: «Поеду туда, где нужна». Так вот и вам следует.

Добров, все время грустно сидевший у края стола (ему жалко было расставаться с питомцами), сказал со вздохом:

— Не ожидал от вас этого, Даулеткереева. Вот Гульшат Аманова... Она понимает свою ответственность перед народом и перед партией. А вы... Не ожидал, не ожидал...

Инеш молча и виновато вышла из кабинета, сбежала с лестницы, села в «Москвич» и покатила по улице Советской. Затем повернула на Пролетарскую и поехала под уклон. Мимо слева — парк 28 гвардейцев-панфиловцев. Высокие, раскидистые деревья оделись в клейкие листья.

Инеш поехала медленнее, разглядывая парк, гуляющих по дорожкам.

«Маулен любит заниматься здесь,— вспомнила Инеш.— И сейчас... Может, он в библиотеке?»

Она остановила машину и вошла в парк через боковую калитку. И сразу же за стеклом читального зала увидела Маулена, склонившегося над столом. Он был погружен в книги, не двигался и не оглядывался. «О чем он думает?»— мелькнуло у Инеш. Она испугалась встречи с ним, остановилась в нерешительности.

На секунду он оторвался от книг и откинулся на спинку стула, запрокинул голову. Какие только мысли не приходят в голову студенту, когда он, отдыхая, отрывает взгляд от книг и тетрадей!..

Совсем недавно Инеш так же вот сидела за столом над книгами, не замечая, не слыша ничего. Только в краткие мгновения перерыва мысль ее стремительно улетала вдаль, за горы и леса, равнины и моря... Сладко кружилась голова, душа трепетала в радостной тревоге...

Инеш глубоко вздохнула и направилась к окну, где сидел Маулен. «Оглянется и увидит. Я сделаю вид, что прохожу мимо. Окликнет ли? Выбежит ли? Догонит ли?»

Она вплотную приблизилась к окну и вдруг... О, это был не Маулен! Те же густые волосы, высокий лоб, нос с горбинкой... Как она могла обознаться?.. Нехорошее предчувствие обдало сердце холодом. Инеш резко повернулась и пошла к машине.

Нотут грянул над головой соловей. Инеш замедлила шаг. Соловей зашелся трелью. И, уже не веря себе, пугаясь наваждения, Инеш услышала справа голос Маулена:

— Вон он, вон!— сдерживая крик радости, говорил он.

— Видишь? Да вон же, на ветке слева.

Инеш остановилась как вкопанная. По высокому росту и голосу она сразу узнала Маулена. Он стоял к ней спиной и показывал рукой вверх. Рядом с ним широкоплечий и приземистый Сымбат.

— Вот поет! Вот дает!— сказал восхищенно Сымбат.— Когда он поет вот так, самозабвенно, можно подойти к нему и взять его в руки. В песне своей он забывает обо всем на свете. Вот истинный поэт!

— Поет хорошо,— согласился Маулен.— Но, Сымбат, откровенно говоря, я ничего особенного в его голосе не вижу. Не пойму, почему многие приходят в восторг от соловьиного пения. Приятный на слух свист, ну и что...

— Э-э,— протянул Сымбат.— Тут дело в эстетике...

— В эстетике,— перебил его иронически Маулен.— В жизни много певцов куда как прекраснее соловья. Бывают певцы, которых не устанешь слушать никогда. И не слушаешься всю жизнь!

— Что-то я не знаю такого,— задумался Сымбат.— Кто же может петь лучше соловья? Канарейка, что ли? Куда ей до соловушки. Или — лебедь? Нет, лебедь поет однообразно. Только соловей может как-то и в чем-то подражать человеку.

— Вот-вот!— сказал Маулен.— О том и толкую. Сам дошел. Человек — вот первейший певец в природе. В голосе его — сама жизнь: смысл и поэзия.

— Да, пожалуй,— согласился Сымбат не очень охотно,— если, конечно, так подходить, с этой стороны...

Маулен хлопнул товарища по плечу и зашагал по дорожке. Сымбат засеменил рядом, слегка покачивая плечами.

Инеш устремилась было за ними. Но тотчас же остановилась. Попыталась окликнуть Маулена. Но звук застрял где-то в горле. Схватившись за грудь, Инеш шагнула раз другой... Ноги будто стали ватными. Она обреченно прислонилась к дереву, на котором неистово, яро заливался соловей.

44

В жизни Бельгигулова надвигались большие перемены. Он не желал их, они приходили без зова, ломали устойчивый и добротный уклад, разрушали привычный ритм повседневности.

Веря в свою звезду, считая себя большим ученым, Бельгигулов твердо уверовал в успех сегодня и в будущем. Спокойная и обеспеченная жизнь его вполне устраивала, он чувствовал себя как рыба в воде. И, действительно, однообразная, небогатая событиями жизнь его походила на тихое озерко, затаившееся в глубине дремучего леса. И вот над озерком неожиданно пронесся ураган, взбаламутил и взволновал застоявшуюся воду.

«Как случилось, что все пошло кувырком? Почему я оказался козлом отпущения?»— сердито нахмурившись, размышлял Макан. Он взвешивал в уме события минувших месяцев, все, что было сделано им и другими, и пришел к неутешительному выводу: в то время, как Божанов публиковал одну за другой свои работы, он вовсе забросил диссертацию. Читал лекции, возвращаясь домой, надевал мягкую пижаму, садился в глубокое уютное кресло и просматривал журналы или просто размышлял о вещах далеких от биологии. Часто приглашал к себе гостей и сам ходил в гости. Вот и все.

Макан испугался. Нет, если он ученый, то должен написать еще хотя бы одну-две работы.

Он встал, открыл шкаф и начал рыться в книжных полках, но не нашел того, что искал, потом порывлся в дру-

гом шкафу, отошел к столу и схватился за голову: «Фу, в какой шкаф я положил ее?». Наконец с верхней полки одного из шкафов он извлек запыленную, пожелтевшую от времени папку. Прищурившись, долго смотрел на надпись: «Бельгигулов М. Материалы к докторской диссертации». Затем открыл окно и, перегнувшись через подоконник, начал выбивать из папки пыль. После этого он аккуратно обрезал ножницами истрепавшиеся края. Ему вспомнились годы учебы в Тимирязевской академии. Там осталось много друзей. Они, конечно, помогут защитить диссертацию. Улыбнулся, ободренный.

«Нужно взять командировку, съездить в Москву»,— решил он.

В комнату вошла пожилая, очень похожая на Макана женщина. Это была его сестра, она часто приходила к брату.

— К тебе пришел какой-то студент,— сказала она.

— Студент? А... Это, наверное, Балгабаев. Что ты ему ответила?

— Сказала, что не знаю, дома ли ты.

— Очень хорошо. Меня нет дома.

— И не стыдно тебе?

— Ну, скажи, что я уснул. Пусть зайдет через час.— Макан взглянул на часы и углубился в свою диссертацию. Через час он собрался и отправился в университет.

Кабинет ректора университета Аубакира Жабаева был обставлен просто, без малейшей вычурности: большой стол, диван, шкаф с книгами и стулья составляли всю мебель.

Ему было немногим больше сорока лет, однако, высокий, худой, сутулый, с изрезанным морщинами лицом, он выглядел старше своего возраста. Но глаза, острые, блестящие, говорили о скрытой под этой, на первый взгляд, неказистой внешностью, энергии мыслителя и огромной духовной силе.

Когда вошел Бельгигулов, ректор приветливо улыбнулся, встал и предложил стул.

«Быть удаче»,— удовлетворенно подумал Бельгигулов и сказал:

— Абеке, вы знаете, что я пишу докторскую диссертацию...

Жабаев молча утвердительно кивнул.

— Но сейчас мне нужны кое-какие материалы и книги, которых невозможно достать здесь.— Бельгигулов сделал

продолжительную паузу, ожидая, что скажет ректор, но тот молчал.— Пока я дорабатывал диссертацию, к сожалению, прошло много времени...

— Да, времени прошло много,— согласился Жабаев.

— Но и то следует сказать, что поспешность часто приводит к ошибкам,— Бельгигулов натянуто улыбнулся.— Как говорят русские: поспешишь — людей насмешишь.

Ректор снова кивнул.

— Поэтому я решил просить вас предоставить мне творческую командировку...

Ректор, в упор глядя на Макана, прервал его:

— Времени для защиты диссертации у вас, товарищ Бельгигулов, было более чем достаточно. Командировку мы, разумеется, предоставим, поможем закончить работу. Народ ждет от нас, ученых, полезных дел...

Макан хотел что-то сказать, но ректор продолжил:

— Мне хотелось обратить ваше внимание на творческий путь нашего молодого ученого Карима Бозжанова. Дело-вой, беспокойный человек! Он отличный преподаватель, но, главное, за короткий срок сколько полезного он сделал для сельского хозяйства своими исследованиями, сколько открыл нового! Новый сорт пшеницы! Новый сорт проса! Новый способ борьбы с сорняками! Метод гнездовой посадки... Просто удивительно. Вам надо брать с него пример.

Зазвонил телефон. Жабаев взял трубку.

— Викентий Викентьевич! Да, слушаю. Ах, вот как! О-о! Очень хорошо, очень рад. Да ведь этого и следовало ожидать. Хорошо, хорошо, пожалуйста... Захвати его с собой.

Спустя несколько минут, когда Бельгигулов уже собрался уходить, в кабинет вошли Добров и Бозжанов. Оба они были чем-то возбуждены, откровенно радостны.

Жабаев встал, улыбаясь, подошел к Бозжанову, стиснул ему руку и крепко обнял.

— С докторским званием, Карим.

Добров заговорил бестолково:

— Телеграмма попала прямо в партбюро... Вот только что... Ну, мы и давай искать Карима... и давай искать. Теперь он должен устроить пир горой. Разве не так, Карим Бозжанович.

— Разумеется!— рассмеялся Карим.

Бельгигулов понял, что докторская диссертация, которую защищал в конце зимы Бозжанов, была рассмотрена Высшей аттестационной комиссией и утверждена, и что те-

перь Кариму присвоено звание доктора наук. В нем все запылало от зависти. «Люди менее одаренные становятся докторами,— с горечью подумал Макан,— а я со своей светлой головой плетусь в хвосте. За работу!»— решил он и незаметно вышел из кабинета.

Добров подошел к столу и уже обычным неторопливым голосом сказал:

— Мы можем с удовлетворением отметить, что мичуринская биология с каждым днем уходит вперед, с каждым днем она находит все больше приверженцев в широких массах...

Бозжанов оглянулся на Бельгигулова, но Макана уже и след простыл. Ректор перехватил его взгляд и заметил:

— Некоторые наши ученые оторвались от практики и студентов начинают голый теорией. Это нужно изжить. Разве вас не беспокоит тот факт, что студентка Даулеткереева отказалась ехать в аул?

— Если Даулеткереева отказалась ехать, то это вовсе не должно бросать тень на других наших выпускников,— заметил Бозжанов.

— В данном случае вы оба правы,— сказал Добров.— Нельзя судить о большинстве по меньшинству. Но если с умилением любоваться хорошим большинством и забывать о плохом меньшинстве, это будет грубой ошибкой. На всех факультетах есть даулеткереевы. Эти «больные», чтобы увильнуть от назначения, выискивают необыкновенные причины. А откуда берутся микробы этой болезни? Оказывается, мы обращаем внимание либо только на хорошее, либо — на плохое. Видимо, мы допускаем в воспитании студентов однобокость, ошибки. До сего дня на головы студентов ведрами лили теорию, а о практике пеклись очень мало. А ведь теория и практика это, так сказать, два крыла одной птицы. Значит, мы многим нашим птенцам давали лишь по одному крылу и выпускали их на волю.

Долго еще Жабаев, Добров и Бозжанов обсуждали дела университетские. Их думы и устремления сходились, как три ручья в одно русло. Мысли, как могучая река, текли в одном направлении: как работать дальше, чтобы университет не только готовил отличных специалистов своего дела, но и разворачивал все шире, глубже и активнее научную работу, направленную на пользу народному хозяйству, прогрессу.

Маулен сдавал экзамены ровно и спокойно, ни разу не «срезался». «Звезда» его, по мнению Муздарапова, горела в «миллион свечей».

А вот на логике он неожиданно потерпел фиаско. Как всегда, сокурсники послали его сдавать экзамен первым: каков зачин, таков и конец.

А он взял да и получил посредственную оценку. И надо же такому случится под занавес: логика — последний экзамен года.

Из аудитории Маулен вышел обескураженный. Он не взваливал вину ни на профессора, принимавшего экзамен, ни на свою «звезду». Он винил только себя.

К логике он готовился с той же усидчивостью и с тем же прилежанием, что и раньше. Просто разлад с Инеш выбил Маулена из колеи. Далеко за городом у реки Алматинки вдруг вспомнил он по ходу своих размышлений: сегодня состоится свадьба Ерена и Зады и он приглашен на торжество вместе с Инеш.

Не хотелось бы Маулену появляться среди людей в таком настроении, но и не пойти на свадьбу нельзя. Никак нельзя. Что же касается Инеш...

Он повернул обратно и быстро зашагал в общежитие.

У дверей комнаты девушек он остановился: кажется, еще не началось, поторопился, перепутал часы...

Из открытых дверей, занавешенных белым тюлем, доносятся звон посуды, бьют в нос запахи жареного лука и мяса. Гульшат и Зада (Маулен их различил по голосам) заранее распределяли места для гостей. Очередь дошла и до него: Маулен задержался послушать.

— А эти два стула для Маулена и Инеш,— звонким голосом проговорила Аллочка.

Зада откликнулась сразу же:

— Только для Маулена стул. Второй не нужен.

— А что?— удивилась Аллочка.— Разве Инеш не придет, Зада?

— Думаю, что нет. И не вижу ничего в этом удивительного.

— Как это удивительного?— вмешалась Гульшат.— Разве ее не приглашали.

— Приглашали. Но я уверена, что она не придет. У нее с Мауленом размолвка. Крепкий разрыв. Не сядут друг с другом.

Гульшат не любила заглазных разговоров о людях, не терпела сплетен, поэтому сердито и недоверчиво проговорила:

— Откуда ты это успела узнать?

— Узнала!— сказала Зада уверенно.— Я давно знала, что Инеш и Маулен разойдутся. В один прекрасный день мы услышим, что Инеш вышла замуж за Бельгигулова.

Сердце Маулена тревожно забилося. Он не мог слушать дальше этого разговора. Сморщившись, словно от боли, он потихоньку стал отступать от двери. Но голос Зады, такой же бесстрастный, преследовал его.

— Откуда ты это взяла?— спросила Гульшат.

— Откуда? Инеш — мещанка. Она написала под диктовку Бельгигулова статью, где на нет сводит роль Мичурина. Ты думаешь, это простое знакомство? Они поддерживают друг друга. Вот — доказательство! А Бельгигулов — космополит в науке.

Аллочка пожалела:

— Но ведь Маулен хороший парень. И если так, то лучше, что он с ней расстался.

Маулен продолжал отступать. Вдруг он споткнулся о стоящую у других дверей койку и, едва не опрокинувшись навзничь, с трудом удержал равновесие. «Мещанка. Космополит». К чему эти ярлыки? Но это... Неужели? Пожалуй, Зада права».

Маулен вышел на улицу и побрел среди зеленых кустов, окаймляющих общежитие. Вдруг ему послышался звонкий смех. Он прислушался. Нет, это не смех, а плеск арыка. Маулен долго смотрел на короткие вспышки струй, слушал спокойный прозрачный лепет воды. Растущий над арыком высокий карагач вознес свою листву над крышей общежития. Листья шуршат и словно заглядывают в окно. Маулен подошел к дереву. В комнате говорили уже о другом. До него донесся голос Гульшат.

— Трудновато будет одной. Соскучишься...

Маулен сразу понял, что речь шла об отъезде Зады в Караганду. Ерен оставался здесь.

В это время к общежитию с набитой банками и бутылками сеткой подошел Даиров. Увидев Маулена, он остановился.

— Ты что здесь делаешь?

— Так, отдыхаю...

Ерен подошел ближе к Маулену. На нем был новый костюм. В глазах ликование, счастье.

— Разве так отдыхают? Это не отдых, а прозябание. Идем, сегодня ты не должен ни о чем думать,— он схватил Маулена и потащил за собой.

— Даже не спросишь, о чем я думал?— усмехнулся Маулен.— И думал ли я?

— О чем ты думал?— дурашливо спросил Ерен.

— О том, что сегодня Ерен справит свадьбу, а завтра проводит Заду. Сразу же разлука?

— Ну и что? Один год — это не много.

Они вошли в комнату. Ерен демонстративно ахнул, осматривая накрытые столы, пестрые от виногрета, банок с консервами и непечатых винных бутылок.

Зада в белом воздушном платье, с еще более высокой, чем обычно, прической. Увидев Ерена, она покраснела. На лице ее отразились радость и девичья застенчивость.

Гости собирались группами. Просторная комната сразу стала тесной. Не утихал радостный, возбужденный гул. Ерен и Зада сидели рядом. Стесняясь множества гостей, они украдкой поглядывали друг на друга и улыбались. Маулену показалось, что они связаны каким-то невидимым лучом, трепетным и светлым.

Вот над столом подняли первую рюмку. Маулен замешкался и встал одним из последних. Заметившая это Гульшат, закричала:

— Пусть первое слово скажет Маулен!

Она чувствовала настроение Маулена и пыталась как-то повернуть его мысли в другом направлении,— пусть оживится, сбросит тоску.

Гульшат негласно была признана всеми тамадой на свадьбе, и ее слово — закон.

Маулен встал, помолчал, собираясь с мыслями, заговорил сбивчиво, потом увереннее.

— В таких случаях... Из таких... Да что там, друзья! У меня не очень радостное настроение. Но глядя на наших... Словом, этот радостный час должен даже из льда раздуть пламя. Надо бы сказать теплую и светлую речь. Но коль она не подготовлена, хочется, не подбирая красивых слов, не нанизывая их на ниточку логики, просто выпить за Ерена и Заду. Пусть у них в совместной жизни будет все хорошо. Не рюмку эту,— сердце поднимаю за счастье Зады и Ерена.

Восторженный шум собравшихся заглушал звон рюмок и стаканов.

Маулен воодушевился, налил сразу две рюмки вина (место рядом с ним все-таки оставили свободным, поставили прибор на всякий случай), поднял их над столом и свел вместе.

— Две рюмки, как два сердца. Пьем за единение двух сердец во всех делах человеческих на протяжении всего жизненного пути их, — и одну за другой опрокинул их в рот.

Гости одобрительно поддержали тост. Кто-то закричал по-русски «горько». Ерен повернулся к невесте, обнял ее за плечи. Зада вспыхнула и спрятала лицо в ладонях. «Горько! Горько!» — настойчиво требовали гости. Ерен что-то зашептал Заде на ухо.

Невеста не отнимая рук от лица, качнулась к жениху. Ерен, смущаясь, поцеловал подругу в щеку, в растопыренные пальцы рук.

Вновь налили и подняли рюмки и стаканы, шумно выпили. И сразу задвигали стульями. Едва слышались первые аккорды вальса, Маулен подошел к Гульшат, поклонился, девушка охотно шагнула навстречу парню, приподнимаясь на носках, вытягиваясь всей своей стройной литой фигурой. Пропустив два-три такта, они разом включились в зазывный ритм вальса, закружились самозабвенно, свободно, широко. Нахлынуло щемящее удивительное чувство полета. Казалось, что судьба Маулена и смысл его жизни — все тут, в этих притягательных, как магнит, глазах девушки.

— Маулен, — сказала смеясь Гульшат, — о чем ты задумался? Мы все время сбиваемся с такта.

Он постарался войти в ритм, но у него все разладилось окончательно. Виновато усмехаясь, парень подвел девушку к столу.

— Почему не пришла Инеш? — неожиданно спросила Гульшат...

Маулен помолчал и сокрушенно ответил:

— Гульшат, тебе приходилось когда-нибудь идти по трудной тропе с человеком, который все время норовит свернуть в сторону? Нет, не приходилось. Всякое дело лишено смысла, если нет понимания его. Различия во взглядах людей — не пустой звук. Я только теперь начинаю это понимать. С Инеш мы поругались, определились наши позиции. Я, не боясь громких слов, скажу: в борьбе за общее счастье мало мужества — надо иметь еще и убеждения, веру. Сознательности у Инеш как раз и нет. У нее совсем иные интересы, иные помыслы. И я не могу с ней согласиться.

Как и она не примет моих позиций. Противоречия не книжные, как видишь. Очень серьезно все это...

Гости вновь сгрудились у стола, наполнили рюмки, выпили. Гульшат возвратилась к своим обязанностям тамады.

У Маулена закружилась голова от вина, веселья, душевной близости с девушкой. Гульшат все больше ему нравилась. С откровенной и хорошей завистью смотрел Маулен на жениха и невесту. Не вытерпел, подошел к ним, обнял Ерена за плечи.

Даиров запрокинул голову.

— Что-то мне не очень нравится твое настроение, дружок. Случилось что-нибудь?

Не ожидая ответа, Ерен встал, кивнул заговорщицки Заде и увлек Маулена на балкон. Тот попытался показать веселость, двинул Ерена в бок кулаком, нарочито захохотал.

— Откуда ты взял, что я плох! Это с вершины своего счастья видишь ты мир тусклым, а людей мрачноватыми. Ерен понимающе улыбнулся:

— Брось! В нашей жизни некогда быть несчастным.

— Да, это так. Слушай, Ерен, я только что решил перейти на философский факультет. Летом сдам разницу.

Ерен поднял брови:

— Кто подтолкнул тебя на это?

— Жизнь, Ерен, жизнь. Не литератор я, не в ту область попер. Понимаешь, я люблю копаться в высоких материях, порассуждать люблю. Не умею мыслить образами. Понятия и категории меня одолевают. Тянет к афоризмам. Высокая патетика влечет. Манят глубины наук риторических...

— Брось! — снова с дружеской суровостью перебил его Ерен. Он решил, что не место здесь разговору об этом: человек выпил и ударился в краснобайство. — Ты лучше ответь мне, где Инеш? Почему не привел с собой?

Маулен сразу потух.

— Мы распрощались.

— Да? Тогда надо начинать сначала. Начинать так, чтобы больше не ошибаться. Инеш не могла тебе быть товарищем.

— Это интересно!

— Интересно! Ну, тогда возьми ее на руки, как куклу, приколи на грудь, как цветок. Если считаешь ее подругой в борьбе за будущее, то ты ошибаешься!

К ним подскочил Сымбат и бесцеремонно прервал разгоревшегося Маулена, — дернул за руку к себе так, что тот

повалился. Сымбат подхватил его, поставил вертикально, заорал, перекрывая музыку и веселье торжества:

— Маулен! Я такое придумал! Я сделал то, что надо. И-эх!

Маулен без труда переключился на Сымбата, будто и не было серьезного разговора с Ереном.

— Объявился! А я тебя искал целый день! Где пропал?

— Я чуть свет ушел в горы. О том и толкую: закончил стихи о нашем зимнем походе на Алмалы. Вот,— и потряс листками бумаги в руке.— Ты что, клюкнул?

Ерен подхватил Сымбата и Маулена под руки, потянул в комнату.

— Идемте! Сымбат, ты сейчас прочтешь свои стихи. Да погромче. Я прошу тебя, посвети что-нибудь Заде. На память. Такой день! Очень дорого будет. Незабываемо!

— А я так и сделал. Голова — два уха, не считаешь ли ты меня чурбаком бездушным.

Дурачась, смеясь, все трое ввалились в комнату и закричали в один голос, перекрывая только что начатую песню:

— Прекратить безобразие! Тишина! Будем слушать стихи!

Инеш точно подменили. С лица ее исчезла жизнерадостность. Сосредоточенная, она всем своим видом являла суровую непреклонность, отчаянную решимость. А между тем совсем ординарная мысль поглотила ее полностью: «Как бы остаться в городе? Назло всем устроиться на хорошее место в видном научном учреждении. В Академии!»

Упрямое желание это стало для нее родом недуга, нападением. Ей казалось, что ее будущее, престиж и слава, любовь и счастье — все зависит от этого. В то время, как ее товарищи со счастливыми улыбками прикрепляли к пиджакам университетские значки, она сунула свой значок на дно ридикюля. И там спокойно лежал он у нее в сумке...

Мысли ее заняты одним: «Как остаться в городе?» Вот самый трудный, неразрешимый вопрос. Инеш ходила в Академию (отец находился в летней экспедиции. Раньше чем через два — три месяца не вернется), ходила в институты и школы. Везде у нее, точно сговорившись, спрашивали, ку-

да она получила назначение. Наконец, измученная бесконечными поисками, Инеш поняла, что в городе не получит работы, и решила пойти к министру.

Она надела желтое платье с черными цветами, подойдя к зеркалу, критически осмотрела наряд. Торопливо выбрала другое шелковое платье с зелеными цветами по белому полю. «Вот это будет лучше,— подумала она.— Белое и зеленое как раз по сезону». Не зная, какие надеть туфли, она некоторое время сидела в раздумье. Снова подойдя к зеркалу, она осторожно, боясь помять прическу, водрузила на голову белую с широкими полями шляпу. Осмотрела маленькую черную сумку и отправилась в Министерство просвещения. Министра не было, Инеш вошла в приемную его заместителя. Там тоже никого не оказалось. На письменном столе лежала груда газет. Искоса поглядывая на них, Инеш некоторое время покорно ждала.

Вскоре из кабинета заместителя вышла беленькая веселая девушка-секретарь.

— Принимает замминистра?— спросила Инеш.

— Откуда вы?

— Из университета.

— Из университета?— удивилась девушка.

— Да, из университета. Я хотела бы к министру. Но его нет. Я думаю, что мое дело может решить заместитель.

Помощница не обратила на эти слова никакого внимания. Она выбрала из газет университетскую многотиражку и взглянула на первую страницу, улыбнулась.

— Какая острая карикатура!— сказала она, обернувшись к Инеш. Раздался звонок из кабинета.

— Одну минутку...— Она поспешно ушла.

Инеш принялась рассматривать карикатуру. Изображенная на рисунке студентка скорее удивила, чем насмешила ее отсутствием глаз и ушей. Их заменяли книги. В руках у студентки была тоже книга. А вокруг кипела работа. Желтели посевы. Строились дома. Над карикатурой надпись: «Сверхообразованность».

Вернулась девушка-секретарь с кипой бумаг, кивнула на газету в руках Инеш:

— Я думаю, в университете не много таких студентов, которые знают жизнь только по учебникам. Заучились. А вернее, не доучились. Там, в газете, в статье секретаря комитета комсомола названы и некоторые фамилии. Случайно, не знакомы ли они вам? Очень правильно критикуется какая-то Инезилия. Видимо, вообразила: диковинное

имя дает ей право считать себя выше и умнее всех. И карикатура, очевидно, на нее.

Инеш покраснела, закусила губу.

— Я хотела бы попасть к замминистра...

— Простите, что задержала вас посторонними разговорами... сейчас.— Секретарь вошла в кабинет, но тотчас вернулась.— Кстати, как вас зовут?

Инеш уклонилась от ответа.

— Может быть, заместитель очень занят?

— Нет, почему же? Как назвать ему вас?

— Дау... леткереева...

У секретаря округлились глаза.

— Даулеткереева? Та самая Даулеткереева? Инезилия? Как там... Вы? Это просто невероятно!

— Нет, мое имя Инеш. У нас много Даулеткереевых.

Помощница, с сомнением поглядев на нее, прошла в кабинет и тотчас же вернулась.

— Войдите.

Инеш решила держаться непринужденно. Она быстро открыла дверь, но, увидев в глубине кабинета замминистра, остановилась, как вкопанная, узнав в нем представителя министерства в комиссии по распределению студентов.

— Входите, Даулеткереева,— замминистра приветливо кивнул Инеш, встал. Он узнал ее.

— Ну как, едете в аул?— начал он дружески, непринужденно.— Надо ехать. Аулы быстро растут. Теперь сближение культуры аула и города — одна из насущных и неотложных наших задач. Работы — непочатый край. Благоприятной, полезной работы.

Замминистра разговорился. Но в удобный момент Инеш успела вставить, что она пришла не за советом.

Замминистра замолчал и удивленно посмотрел на Инеш.

«Так зачем же ты пришла?» — как бы спрашивал его взгляд.

— Я к вам... я думала, не найдется ли мне какое-нибудь место в городских школах...

Замминистра сразу охладел, сел за стол.

— Сейчас уже все укомплектовано. Разве вы не знали, что устраиваться на работу надо было в мае. Но почему вы не желаете ехать в аул? Мне трудно понять вашу позицию. Есть причина — скажите откровенно. Бывают веские обстоятельства, мы — не бюрократы, поймем.

Инеш сидела, будто каменная, ответила упрямо, с вызовом:

— Сколько бы ни хвалили аул, он от этого не станет городом. Стоило столько учиться, чтобы жить в ауле!

Замминистра встал, спросил глухо:

— От одной хвалы, конечно, не станет. Поработать надо над тем, чтобы аул поднялся на уровень города во всем. С какими же целями вы учились в университете?

— С какими целями? Если бы не училась, это было бы просто... бескультурьем. Все учатся же...

— И то правда,— сказал замминистра, и в голосе его послышались нотки иронии:— «Все учатся же...» Чтобы культуры набраться, значит...

Он прошелся по кабинету, и лицо его стало озабоченным, задумчивым.

— Это тяжелая болезнь,— вздохнул он наконец.— Послушаешь вас, так культура выглядит чем-то вроде дополнительного пайка, чем-то вроде украшения, чем-то вроде,— замминистра посмотрел в окно на кусты сирени в соседнем дворике,— ветки сирени, которую можно сорвать и взять с собой... а можно, выходит, и не брать?..

Инеш вздрогнула и огляделась, будто пойманная врасплох за нехорошим занятием. Замминистра продолжал с силой:

— Но такого рода «культура» предполагает в человеке не творца, а потребителя. Безличие — вот коренная фальшь подобных воззрений на культуру. «Как все...» Это философия человека... Никакого! Никакой вы человек, Даулеткереева. Вас можно и так и эдак повернуть. Вот мы вас и поворачиваем лицом к жизни. В вас нет главного — веры. А она,— вера, сознательность борца,— должна предшествовать любым деловым, производственным, логическим ситуациям. Она абсолютна и значительна — эта вера.

— Я понимаю,— тихо согласилась Инеш, чтобы поскорее прекратить муки, которые испытывала она, слушая замминистра. Но какое-то упрямство толкало ее на возражения. Она цеплялась за любой довод, как утопающий хватается даже за соломинку.— Но ведь...

— Вам дают прекрасную возможность перековаться в настоящем деле. Ступайте и подумайте о своем будущем, о своем месте в жизни. Назначение получите в университете.

Он холодно поклонился Инеш, сел за стол и склонился над бумагами.

Инеш вышла из здания министерства и остановилась на тротуаре, не зная, что делать, куда идти. Думая о сво-

ем, побрела вниз по проспекту Ленина к трамвайной остановке. Ей вдруг вспомнилось, как зимой она и Маулен поджидали здесь трамвай. Сколько было сказано тогда ласковых хороших слов!.. Потом... Да, она после сразу же пошла к Бельгигулову. «Бельгигулов! Он же живет неподалеку!»

Инеш заторопилась к трехэтажному угловому зданию. Она шла к нему так быстро, словно надеялась найти в нем спасение от всех бед и напастей. Одним духом поднялась по лестнице, уперлась в знакомую дверь, нажала кнопку звонка. Никто не выходил, не откликнулся. И тогда Инеш застучала в дверь кулачком. Нервы ее были натянуты словно струны кобызы, в ушах звенело.

На стук за дверью послышался шорох, звякнула цепочка, щелкнул замок. В щель выглянула сердитая заспанная женщина, похожая на Макана.

— Вам кого?— спросила она с явным неудовольствием.

— Мне... Я к Макану... Бельгигуловичу...

— Он уехал в Москву.

Инеш оторопела.

— Когда он придет?— помимо своей воли спросила она.

Женщина ответила с издевкой:

— Я не знаю, дорогая, когда вернется Бельгигулович. Но когда-нибудь, верно, придет.

Инеш так и не поняла, на кого и почему сердится эта женщина. Она постояла в нерешительности, чувствуя, что теряет самообладание и не зная, как выйти из нелепого положения.

Женщина смотрела на нее с явной неприязнью, точно делая уступку, ждала с молчаливым прищуром: «Ну, что еще скажешь?»

Через пропасть безнадежности, отчаяния Инеш перекинула последний мостик:

— Может, он оставил мне какую-нибудь записку, что-нибудь просил передать на словах?...

— Ничего не оставлял никому. Не просил передавать что-либо кому-либо,— отчеканила женщина.— А вы кто же будете?

Инеш беззвучно ахнула, повернулась и сбежала вниз. Оскорбление, унижение, стыд позора — все сразу испытала она в одно мгновение. Все прежние горести и обиды отступили перед новым неожиданным беспощадным ударом.

Она оглянулась на дом Бельгигулова. Он показался ей похожим на катафалк. «Как я пала!»— немо прокричала

Инеш.— Боже мой, как же я могла?.. Как все это случилось?»

Задыхаясь, прижимая руки к груди, она бежала домой, точно в укрытие, спасаясь от стервятников. Закусив, втянув в себя губы, чтобы не разреветься в голос на улице, Инеш неслась домой, будто падала с обрыва.

Мадина встретила дочь на крыльце, ахнула, всплеснула руками.

Едва переступив порог, Инеш пала на колени, уткнулась головой в ковер и затихла. Слез уже не было...

На следующее утро она спокойно и твердо объявила матери, что уезжает в аул работать, пора собирать ее в дорогу. И поправилась с тоской:

— Не в дорогу даже, а в... новую жизнь.

— Жеребеночек мой! Зрачок моих глаз! Бусинка моей души!— возопила Мадина.

Инеш не тронули причитания матери.

— Ты бы сходила, душа моя, к друзьям отца по академии. Сам он, непутевый...

— Никуда я не пойду больше,— резко оборвала ее Инеш.— Хватит унижаться! Собирай меня. Еду.

Мадина обреченно поплелась в кладовку за чемоданами.

Инеш рассеивала себя в деятельных, неистовых сборах. Казалось, она решила уехать из дома родителей навсегда, забирала с собой все свои вещи. Даже школьные тетрадки, сохраненные на память и те уложила в чемоданы.

В сборах обида утихла, ослепло оскорбленное чувство, как бы погрузилось в дремоту. И сама Инеш все эти дни пребывала в иступленном забытии, будто укутанная с головы до пят черной ватой.

Собраны чемоданы, куплен билет на поезд. Вот и день отъезда наступил. Никто не пришел к ней проститься, проводить. Хоть она и не сообщила товарищам, когда уезжает, но все же надеялась, что кто-нибудь придет. Ей кажется, что она с ними больше не встретится. Среди этой сумятицы она вдруг вспомнила о Маулене. «Если не ради меня, то хотя бы ради Сабыра, ради мамы и папы он должен был прийти»,— подумала она и подошла к телефону. Некоторое время она, нахмурившись, вспоминала номер, затем стала торопливо набирать его. Нахлынули воспоминания, и Инеш, едва сдерживая слезы, положила трубку. Отошла от телефона. Затем вернулась, набрала прежний номер.

— Алло, позовите, пожалуйста... Муздарапова.

Спустя минуту раздался голос незнакомого студента: — Муздарапов уже давно уехал. Он теперь играет на кларнете. Из университета исключен за неуспеваемость.

Инеш хотела спросить, где Маулен, но, подумав немного, положила трубку.

Она вошла в свою комнату. Открыла окно.

Легкие одинокие тучки висели над городом. Подножья гор были затянуты молочной дымкой, подвижной, текучей, и казалось, что горы, как и тучки, плывут, гонимые ветром. «Тучки небесные, вечные странники...»

Инеш обвела взглядом сад. Под раскидистым карагачем приютилась ее любимая беседка. В ней Инеш играла в куклы, затем взахлеб читала книги, мечтала о любви, счастье... Много книг прочла, о многом прогрезила.

О чем еще могла вспомнить Инеш в минуту расставания с родным очагом, с гнездышком своим?.. Все ее интересы были ограничены забором вот этого особняка, построенного в начале ее жизни по последней архитектурной моде. Беспечное детство, беззаботная юность... Даже война прошла где-то стороной, как гроза летняя. Только Сабыра унесла...

Теперь предстояло покинуть все, что было дорого. В последний раз она окинула грустным взглядом цветущие и притихшие, словно тоже переживающие разлуку, яблоньки.

Тут в комнату вошел шофер отца и сказал, что до отхода поезда осталось мало времени.

Мадина безудержно плакала.

Инеш решительно подошла к матери.

— Перестань! — резко сказала она. — Я действительно, слабенькая, но не такая уж беззащитная. Я многое передунала за последнее время. Пережила еще больше. Но видишь — со мной ничего не случилось. Твоя дочь стала кое-что понимать. Жизнь, мама, не похожа на наш сад, на наш дом. Прости, пожалуйста.

Мадина не слышала слов дочери. Она судорожно обняла ее и, обжигая ее шею горячим, неровным дыханием, заплакала еще горше. И Инеш поняла, как больна, как одинока ее мать. Погладив гладкие седеющие волосы, поцеловав мокрые щеки матери, она торопливо вышла из дому.

Мадина проводила дочь долгим отсутствующим взглядом: горе застлало свет.

На вокзале толкотня. Инеш с трудом пробиравась в суматошной толпе. За ней следовал шофер, навьюченный узлами

и чемоданами. Инеш то и дело натыкалась на людей, хотя и старалась обходить их. Больше всего она боялась встретить кого-либо из знакомых.

Наконец она остановилась. «Кажется, здесь остановится мой вагон»,— подумала она и вдруг вздрогнула. Кто-то взял ее за локоть. Инеш испуганно обернулась. Лицо ее было бледно, под глазами темнели тени. На Инеш улыбаясь смотрела Гульшат. Инеш приняла ее за фею-спасительницу. Она была так рада подруге, что сразу и начисто забыла о всех обидах. Чувство благодарности, безграничной признательности пронзило все ее существо. Ее лицо, ее глаза сказали сразу обо всем, и Гульшат вздохнула с радостным облегчением.

— Ну, вот... Инеш... Значит, в путь... Ты никому не сообщила о своем отъезде... Гордяхка неисправимая... А я пришла проводить.

— Гулим!— только и смогла выдохнуть Инеш.— Гуля моя.

Она прижалась к подруге и, как котенок, потерлась щекой о щеку ее. Ей вспомнилась вдруг прошлогодняя летняя практика, когда за ней, больной, ухаживала Гульшат, тряслась над ней, словно над родным дитем. Не в силах сдержатъ нежного, всепрощающего чувства, как половодье, затопившего ее сердце, Инеш заплакала счастливыми слезами. И слезы эти доставили ей невыразимое наслаждение, будто обмыли и обновили душу, сняли с глаз тусклую пелену.

— Гулим!.. Гуля моя!..— и захлестнула шею подруги в горячее кольцо белых рук.

— Инеш! Что с тобой?— чтобы хоть как-нибудь утешить подругу, нетребовательно, ненастойчиво проговорила Гульшат.— Почему ты плачешь? Жалко прощаться с городом? Ах, Инеш, не стоит об этом плакать.

— Ах, Гулим,— сквозь слезы ответила Инеш.— Плачу я не потому, не оттого... Мне хорошо, что я наконец поняла многое. Ты даже не знаешь, как помогла мне сейчас. Вообще помогла. Душа моя, Гулим! Прости меня за все. Это я во всем виновата. Клянусь себя. Я не буду, не буду больше такой. Это правда, Гуля моя.

— Перестань,— ласково потребовала Гульшат.— Возьми себя в руки. И, пожалуйста, не терзай себя раскаянием. Я на тебя совсем не обижаюсь. Оттого и приехала... провожать. В жизни бывает все. Не стоит частные разногласия возводить в ранг всеобщих. Инеш, я в тебя верю.

— Гулим! Признаюсь тебе: какая я мелкая, завистливая! Я же ничегошеньки не знаю, кроме книг. Ты справедливо упрекнула меня в этом на конференции. Помнишь? Боже мой, как зла была я на тебя! Прямо исцарапала бы, искусала! Представляешь, какая я злюка. Нехорошая, дурная!

Подали поезд к платформе.

— У тебя какой вагон?— спросила Гульшат,

— Мягкий,— виновато ответила Инеш.

— Номер?

— Пятый.

— Пойдем.

Прижавшись друг к другу, подруги постояли в очереди у вагона, вошли в купе и помогли шоферу разложить узлы и чемоданы. Закончив свое дело, шофер раскланялся и, пожелав счастливого пути, исчез.

В купе сел еще один пассажир, он сунул свой чемоданчик под столик и деликатно вышел в коридор. Инеш и Гульшат остались вдвоем, сели друг против друга на высокие и податливые пружинные матрацы, помолчали.

— Ну вот,— сказала Гульшат.

Минуты вокзальных расставаний всегда непомерно длинные.

— Знаешь, Инеш, откровенно скажу: завидую я тебе. По-дружески. Поверь мне — сердце тянется к работе на земле. Не очень мне хочется корпеть в университете. Ей богу, долго не выдержу. Осталась для пробы. И еще: потому что оставили. При первой возможности переберусь на родину, в родной аул. Ты не думай, будто ты виновата одна и во всем. Кто прав, а кто виноват, рассудит жизнь. Тебе, конечно, надо поработать в ауле, побыть среди хлеборобов и скотоводов, людей от земли. Они — крепкие и верные. Они — правдивые, Инеш. Будь равной им, и они тебя уважат, вознесут высоко, одарят дружбой и теплом сердечным.

Инеш вспомнила разговор с замминистра и сказала:

— Я буду работать на людей. Стараться быть полезной, Гулим. И я... люблю тебя по-настоящему, Гуля.

— Я тоже тебя считаю одной из лучших подруг. И буду твоей всегда. В случае чего, пиши. Тебе нелегко будет сначала. Не отчаивайся. Все обойдется, привыкнешь к новой жизни, найдешь радость и счастье. Помнишь, Пьер Безухов у Льва Толстого говорит, что не следует думать, будто

все пропало, если ты сбился с пути. На деле же новое и хорошее начинается именно с этого места. Помнишь?

— Спасибо тебе, Гулим. Ты меня просто возродила.

Ударил станционный колокол и ему ответил гулким гудком паровоз. Подруги обнялись. Гульшат выпрыгнула на платформу, поезд медленно, будто нехотя, сдвинулся с места.

Инеш почти вывалилась из открытого окна. Гульшат поцеловала ее.

— Будь счастлива, Инеш.

— Спасибо, Гуля спасибо, дорогая,— говорила Инеш, повышая голос, чтобы услышать себя в шуме провожающей толпы.— Гуля, я прошу тебя... Мама остается одна... Навещай ее хотя бы изредка... Ведь она больна... А отец, ты знаешь... Прощай, милая моя.

— До свидания, Инеш. Все исполню. Жду весточки с нового места. Пиши.

— Гуля, я буду писать тебе каждый день...

Поезд набрал ход. Платформа оборвалась внезапно, и люди на перроне стремительно попятились назад, стали уменьшаться на глазах.

Колеса застучали бойчее. Инеш схватилась за грудь. Чего-то главного, самого сокровенного и самого дорогого она так и не успела высказать подруге. Поздно, поздно... А может быть, рано? Все еще впереди...

И перед глазами Инеш чередой пронеслись — беседка в саду, плачущая мать, Маулен... Поздно, поздно... Поезд набирает ход, стучит все громче и чаще. Маулен! Он шагает куда-то уверенно и широко...

Столбы, беленькие домики на окраине города, элеватор — все осталось позади, растворилось в зелени, стерлось. И вдруг из мешанины крыш и крон вымахнула к небу громада горного хребта с гордыми седыми вершинами. И движение поезда, казалось, оборвалось. Горы стояли крепко, ясно и высоко. В их вечном покое растворялась суетность подножного мира. «Надо идти в гору,— подумала Инеш,— как Маулен. Вперед и выше».

Поезд бежал от гор в равнины. Но горы, чем дальше, тем величественнее поднимались в небо, неторопливой бесшумной поступью настигая пыhtящий и гукающий паровоз.

«Вселенная не храм, а мастерская, и человек в ней работник!»— вспомнила Инеш где-то вычитанную фразу. Тогда она показалась ей вычурной. Но теперь прозвучала по-иному. И ликующее победоносное чувство охватило де-

вуху: «Как здорово можно жить и работать под этим просторным и величественным небом!..»

Все еще впереди... с этого самого места,

* * *

Солнечные лучи клубящимся столбом ворвались в маленькую комнатенку и словно раздвинули ее белые стены. На желтый пол легли квадраты окон.

Легкая тень колыхающейся занавески пробежала по лицу спящей Инеш. Она открыла глаза и тотчас же зажмурилась. Сквозь густые ресницы она вгляделась в потолок. Белый, в тонких трещинах, он нависал над головой. Он был таким же, как дома, только значительно ниже и меньше.

Солнечные зайчики рассыпались по стенам, выписывая замысловатые узоры. За окном прогремела телега. Залаяла собака, но строгий голос оборвал лай: «Цыц! Пошел вон!» Пропел петух, замычала корова.

Инеш лежала в дреме, веря и не веря звукам и запахам, окружившим ее. Загадочная, неизвестная ранее ей жизнь разворачивалась вокруг нее, как незнакомый кинофильм на экране.

Стараясь не спугнуть дремоту, Инеш приподняла голову с подушки. И разом очутилась в действительности.

Она вспомнила вчерашнее путешествие из районного центра в аул Тауагаш и ее пробрал озноб. Чего только не натерпелась в пути!

И никто не посочувствовал ей, никто не вник в ее жалкое положение. Даже в областном отделе народного образования не оценили по достоинству ее великую жертвенность. Оставить столицу, бросить дом и забраться в эту глушь и непролазную грязь! А для заведующего облоно она лишь очередная малоопытная учительница, у которой, кроме диплома, нет за плечами ничего. Сухарь сухарем. Он даже как следует не рассмотрел Инеш, больше интересовался дипломом и направлением, затем вызвал помощника и продиктовал приказ. Вручил листок, пожал руку и буркнул: «Желаю успеха на благородном поприще. Будет трудно, дайте знать. Поможем».

И все. Через два часа она уже катила в грузовике пыльной и жаркой дорогой в райцентр. В районо Инеш приняли с той же суховатой и бесстрастной деловитостью: «Здравствуйте, мы вас ожидали. Очень рады. В Тауагаш есть оказия. Вот и замечательно. Будете на месте без задержки».

Не поинтересовавшись ее настроением и самочувствием, тут же познакомили Инеш с погонщиком верблюдов. Ехать на верблюдах!

Неужели и в облоно и в районо считают легким, простым и обычным делом то, что совершала у них на глазах Инеш? Ведь это же подлинный героизм — преодолеть живой и здоровой две тысячи километров пути по железной дороге, по проселкам на грузовике и верблюдах. Ужас!

Курносый и коренастый, почти черный от ветра и солнца джигит-погонщик всю дорогу посмеивался над страхами Инеш. В пути у него поломалась телега, он бросил ее и предложил Инеш взобраться на верблюда. Ехидный и быстрый, джигит, сверкая глазами, перебросил вещи Инеш на лохматого, свирепого с виду верблюда, приторочил по бокам. Бура презрительно смотрел на Инеш и двигал отвислыми губами-подушками, будто собирался плюнуть от отвращения.

Сердце Инеш упало. В жизни своей она не только на верблюде — на смирном ишаке не ездила. Как же сидеть на такой высоте? А если упадешь...

— Сядешь на двугорбого, — с хитрой, как показалось Инеш, даже с издевательской улыбки сказал джигит. — Этот посмирнее. А может, хочешь на буру? Вот смехота, когда он начнет показывать свой характер!.. Ну, ладно, садись на двугорбого, он кастрированный, не баламутит в пути. Держись крепче за горбы, чтобы не брякнуться. Ну, давай ножку, подсажу. Прыгай! — и, нагнувшись, вытянул руку, словно намереваясь подцепить Инеш и забросить на верблюда.

Инеш испуганно отступила.

— Я не могу... Как же подняться туда?! — и вскинула умоляющие глаза вверх.

Джигит цыркнул сквозь зубы и покачал головой.

— Может, для тебя подъемный кран выписать из Алматы, а? Если стесняешься, я отвернусь. Лезь, — и, отвернувшись, добавил: — Надо шаровары надевать.

Инеш не двинулась с места. Джигит дождал и снова обернулся к ней лицом, искаженным гримасой крайнего недовольства.

— Стоять будем? Так, что ли?

Инеш робко попросила:

— А нельзя ли... положить его. Я читала, что они ложатся.

— Ха! — засмеялся джигит. — Она читала! Вот это я по-

нимаю! Правильно. Раз читала, значит, ложатся. Сейчас попробуем.

С этими словами он хлестнул бичом по ногам верблюда раз за разом и остервенело закричал что-то неразборчивое, повелительное.

Инеш вздрогнула и, оцепенев, заворуженно смотрела на то, как громадное животное, оглушительно проревев, послушно улеглось на подобранные ноги.

— Садись,— все еще жестким голосом крикнул Инеш джигит.— Да осторожнее, смотри, чтобы не укусил. Голову оторвет и проглотит запросто. Ну же, садись!

Инеш боялась приблизиться к верблюду. Но еще больше пугал ее джигит со своим неуравновешенным характером. Из двух зол надо было выбрать одно. Инеш шагнула к верблюду и взобралась на кошму между горбами, как на курган, крепко вцепилась в клочья шерсти.

Джигит снова заорал, верблюд ответил ему еще более мощным ревом и поднялся. Инеш припала к переднему горбу, обняла его. Голова закружилась, и она еле удержалась.

Краем глаза успела заметить, что джигит опять стал обычным, насмешливым и веселым. Расплывшись в довольной улыбке, сказал удовлетворенно:

— Ну вот, порядок. Теперь поедем. Домчим до аула с ветерком. А вообще, лучше бы ты попросила в райисполкоме «виллис». Есть у них такая машинка, похожая на паршивого щенка.

Верблюды не собирались «мчать с ветерком». Медленно и степенно выбрались они из райцентра и поплыли мимо кудрявой рощи, мимо садов и глинобитных приземистых домиков в оправе зелени. Край оказался не таким уж заброшенным и диким, как думалось Инеш. Хотя солнце стояло высоко, зноя не ощущалось, оно грело мягко и тихо, по-осеннему прозрачно. Куртины сочно зеленели, поляны и лужайки словно звали, отдохнуть, побегать по разноцветному травяному ковру. Вся окружающая природа была полна покоя, гармонии и довольства. Невдалеке сверкал серебрянный слиток обширного озера, обрамленного тростником. Вода кипела гусями и утками. Целые стаи их мирно щипали ряску, со свистом перелетали с места на место...

А на самом горизонте зыбились, текли, появлялись и исчезали сказочные миражи — молочные реки, тропические джунгли, бескрайние моря...

Мало-помалу Инеш успокаивалась. Рыжий верблюд идет валко, ритмично, словно задался целью сосчитать количество шагов до конечного пункта пути. Горбы, чуть накренившись набок, подрагивают, покачиваются беспрерывно и неумолимо.

Инеш погружается в странное состояние нереальности, ей кажется, что она не едет, а стоит на месте, раскачиваясь, как на качелях. Торопя невозмутимого верблюда, она то и дело бьет его кулачком по горбу. Но «корабль пустыни» никак не реагирует на жалкие потуги всадницы.

Настырный джигит-погонщик, шмыгая расплюснутым носом и циркая сквозь зубы, пытался несколько раз заговорить с учительницей, но та была настолько погружена в думы, что парень каждый раз отступался. Инеш нравилась ему, и тем грубее и занозистее хотелось ему обращаться с ней.

Помахивая плетью, зычно покрикивая на своего буру, он ехал то сбоку, то впереди, то позади Инеш. Наконец джигит решил и с вызовом спросил у Инеш совсем не то, что намеревался:

— Эй, ты не спишь? Скажи мне, в жизни своей ты когда-нибудь встречала человека, похожего на меня?

Инеш встрепенулась, не зная, что ответить, решила: лучше отнекиваться.

— Нет,— сказала она холодно, не одобряя докучливость и назойливость парня.

Но джигита ответ вполне удовлетворил.

— Ага! Тогда хорошо. Совсем хорошо. Говорят: поднявший фату невесты становится ей близким человеком. А я первый из аульных увидел твое лицо. Вот! Не зарекайся, может, и я стану тебе близким. Давай-ка познакомимся на всякий случай. Я — Тайлак,— и дротянул корявую, почти черную руку. Плоское лицо его стало совсем круглым, по всему лицу разбежались мелкие морщинки.

Инеш не назвала себя, она решила держаться строго и официально.

— Значит, вы подумали, что я невеста одного из джигитов вашего аула и еду туда к суженому?

— Ха! Мне в районо сказали, с кем дело придется иметь. Но подумать я могу и о невесте, потому что есть тропка до нашего аула, но нет дороги из него. Джигиты у нас хвагкие — станешь женой одного из них. Лучшее всего — моей.

Тайлак с клекотом расхохотался. Инеш промолчала. Но джигит не отставал, снова принялся за свое:

— Напрасно себя не называешь. Я же назвался — Тайлак. У нас говорят: лучше знать по имени одного человека, чем тьму безымянных.

Инеш покачала головой, улыбнулась:

— Меня зовут Инеш. Но я не навязываю вам свое имя. Тайлак?¹ Что в имени? Так можно звать и верблюда и человека. Но воля ваша.

Джигит не обиделся и ухмыльнулся.

— А тебе кто приятнее — верблюд или я? Кто нужнее?

Инеш не ответила, подумала:

«Прилипчив, за словом в карман не лезет, лучше помолчать, а то потом не отвяжешься». Она сделала вид, будто что-то попало ей в глаз, отвернулась.

Тайлак больше не настаивал. Солнце опустилось к горизонту, степь рассекли длинные тени.

Ехали долго. Солнце скрылось, степь сразу же погрузилась в сумрак, пала темень, потянуло холодом, и бесконечная печаль равнины сменилась мрачной жутию близкого и тяжелого неба, усеянного слепыми звездами.

Тайлак свернул с дороги к черному стогу сена, неистовыми криками уложил буру на живот.

— Эй, слезай. До аула далеко. Переночуем здесь.

Инеш замерла. Она очень устала, все тело ломило с не привычки, хорошо бы пройтись по земле, отдохнуть... Но глаза Тайлака угрожающе поблескивали в темноте фиолетовым волчьим светом. Этот джигит способен на все, его ничуть не заботит страх и беспомощность Инеш, он из тех людей, которым сам черт не брат, которые не верят ни в чох, ни в нечистую силу.

— Эй, ты что там, примерзла? Слезай и зарывайся в сено!

В голосе Тайлака оскорбленное достоинство. Кажется, он понял мысли Инеш и осерчал.

— Слезай! Или будешь сидеть всю ночь? Смотри, окочуришься. Верблюд возьмет и сбросит. Слезай.

Ничего не оставалось делать; будто на казнь, соскользнула вниз, цепляясь окоченевшими от страха и холода руками за длинную шерсть.

— Стой! Сейчас положу верблюда. А то брякнешься — мокрое место останется.

Плеть описала невидимую в темноте дугу и щелкнула где-то под ногами Инеш. Верблюд нехотя улегся. Инеш

¹ Тайлак — верблюжонок.

скатилась на землю и, еле двигая онемевшими ногами, юркнула к стогу, проворно, точно крот, влезла в нишу, свернулась калачиком. По телу разлилась давящая истома. Изнутри накатило что-то теплое, и Инеш погрузилась в пряную духовитость необычной постели. Но поспать ей не удалось, кто-то грубо толкнул ее в бок. Она мгновенно проснулась, цепenea от предчувствия опасности, дернулась крупной дрожью.

— Ага,— воскликнул торжествующе Тайлак,— замерзла!

Инеш готова была умереть, но не дать в руки. Голоса не было, да и бесполезно кричать в голой степи. Одна надежда — ногти и зубы.

Что-то вонючее и жесткое ткнулось ей в лицо. Инеш вцепилась во что-то податливое ногтями и зубами.

— Ха, схватилась! Значит, замерзла. Укройся, укройся чекменем. Будет тепло.

И сразу Инеш охватила слабость, опалило огнем, стало жарко. Охрипшим, размягченным голосом ответила:

— Нет, спасибо, мне жарко.

Прошуршало и затихло. Тайлак, казалось, куда-то уполз. Покой охватил Инеш. Она даже не успела обдумать случившееся, лишь острое чувство стыда чуть кольнуло в сердце. «Что же это я? Надо бы верить...» И, не додумав думу, опять поплыла над степью. Лес и степь, кругом ни души, а Инеш одна. Совсем одна. Но вот, нацелив на нее, точно двустольное ружье, огромный вздернутый, как у носорога, нос, к ней устремился какой-то космач. Ближе и ближе. Чудовище почти рядом. Инеш видит уже только огромные ноздри, которые тут же оборачиваются пещерами, темными, таящими смерть...

Инеш проснулась и увидела в отдушину кусочек голубого неба. Соломинки прозрачно золотились у самых ее глаз. Было тепло и отрадно. Инеш потянулась. Тело ее было прикрыто чекменем, заботливо обложено сеном. Конечно, это Тайлак сделал. Посмеявшись над своим вчерашним страхом, Инеш расширила отверстие и выглянула наружу. Огромный ясный и чистый мир начинался прямо у стога. Девушка с благодарностью посмотрела на верблюдов, неподвижно стоящих неподалеку; они, как и вчера, были презрительно спокойны и величественны. Но сегодня Инеш уловила в них что-то иное, знакомое и доброе, чему она не могла бы пока дать имени, определения.

Из-за стога к верблюдам подошел Тайлак. Он был свеж и деловит, словно и не спал.

— Тайлак,— окликнула его Инеш.— Доброе утро. Спасибо вам за заботу.

Джигит даже не обернулся, занимаясь своим делом, с насмешливой иронией отозвался как ни в чем не бывало:

— А проснулась! Хорошо выспалась, Инеш?

— Хорошо,— ответила Инеш, улыбаясь, и подумала с тревожной поспешностью: «Откуда он знает мое имя?» Она совсем забыла о том, что вчера назвала себя.

Обернувшись, Тайлак стрельнул в Инеш мгновенными морщинками насмешливого лица:

— Вся степь слышала, как ты спала без задних ног. Храпела так, что сено клочьями летело по сторонам. Видишь, сама себя завалила.

Инеш заливисто, по-детски беззаботно рассмеялась, отмахнулась кокетливо:

— Оставьте, пожалуйста, не смешите.

Тайлак несколько удивленно покосился на девушку и неожиданно рубанул воздух плетью.

— Пора. Солнце давно уже полное. Поехали.

Инеш и не подумала о еде, не спросила ни о чем, послушно взобралась на прилегшего верблюда и поудобнее уселась между горбами.

Ехали почти целый день. Только к вечеру показался на пологом взгорке белоснежный аул. Издали он напоминал стадо лебедей на зеленой текучей воде.

— Вот и конец пути. Ух!— вздохнул весело, с какой-то невысказанной мыслью Тайлак.— Куда тебя доставить?— и сам же предложил ехать к нему в дом, рассказал о своем отце, матери, маленькой сестренке.

Но Инеш отказалась, сообразив про себя, что будет неудобным останавливаться в доме холостого джигита, подумают люди: «Тайлак привез из райцентра жену». Попробуй потом, разубеди!..

— Прошу, Тайлак, подвезите меня прямо к школе.

Джигит пожал плечами и исполнил просьбу, остановил верблюдов у длинного одноэтажного дома с широкими окнами и палисадником. Школа была совсем новенькой, золотилась свежими боками толстых бревен, цвела ярко-красной крышей.

На дверях школы висел внушительного размера замок. Инеш озадаченно посмотрела на Тайлака. Джигит наро-

чито уставился в небо, почесывая затылок,— он ждал отступления учительки.

Выручила Инеш благообразная, чистая и опрятная старушка в национальном платье. На голове ее синел платок, поверх которого на самой макушке сидел не без щегольства легкий головной убор — шаршы,— тоже синий-синий, отливающий холодной чистотой. Шаршы был красив, удобен и очень выгодно отличался от головных уборов замужних женщин-казашек Семиречья с его угловатостью и складками, напоминающими рога горного барана.

Отметив это, Инеш посмотрела на подходившую старушку с ласковой надеждой. Лицо женщины даже и в старости не утратило былой правильности и ясной открытости. Полную, но все еще прямую фигуру старушки облегалo широкое ситцевое платье приглушенной мягкой расцветки и поношенный, но опрятный, хорошо скроенный и сшитый, будто вылитый, фиолетовый камзол.

Круглое лицо старушки отражало ее душу: добрую и строгую, мужественную. Ее широкие руки были сильны и изобличали человека много потрудившегося, привыкшего к невзгодам, терпеливого и стойкого. Широкий и выпуклый лоб с задумчивыми складками сиял над живыми и чуть-чуть скорбными глазами в оправе четко очерченных тонких век.

Инеш сразу потянулась сердцем к этой старушке, как осиротевший ягненок тянется к матке. Пусть даже чужой, но всегда доброй.

Тайлак почтительно приветствовал старушку и с неизменной иронией в голосе добавил:

— Бабушка Асем, к нам в аул прилетел ангел. Как и положено, у него нет ни кола ни двора. Не смогли бы вы приютить этого ангела? Найдется у вас местечко?

Асем ответила с напускной строгостью, не сводя доброжелательного взгляда с девушки:

— Что ты мелешь, сын мой. Слыхано ли, видано ли на нашей земле — отказать гостю в гостеприимстве?— и обратилась к Инеш:— Свет мой, здорова ли ты? Благополучно ли доехала? Какая ты... тоненькая и хрупкая! Совсем пташечка. Но хороша, и вижу, умна, хотя и изнеженна, как многие горожане. Как раз сын у меня в армию ушел служить, а дочь в Крым поехала отдыхать. Я одна сейчас в доме. Пойдем в мой дом, и он станет твоим, свет мой. Тайлак, тащи вещи ко мне.

— Слушаюсь,— совсем по-военному ответил джигит и

сильными руками сгреб в охапку чемоданы и узлы, снятые с верблюдов.

Бабушка Асем широким шагом направилась к своему дому. За ней почтительно засемила на носочках Инеш. Высокие тонкие каблуки туфель вонзались в мягкую землю, Инеш боялась ступить на пятки, не шла — порхала трясогузкой.

Вошли в домик из двух комнат. Тайлак оставил вещи на полу и исчез. Инеш даже не успела его поблагодарить.

Дом был приятен. Маленькие оконца разбросаны по белым стенам. Везде порядок, чистота. В углу горницы за белой занавесью, точно трон, возвышается железная кровать с никелированными ажурными спинками и блестящими шарами. Пирамиды подушек добираются почти до потолка.

У противоположной стены стоит широкий сундук, обитый крест-накрест разноцветной жестью. На нем, будто блины, блестящие шелковые одеяла, одно на другом, радужной горкой.

По стенам висели в определенном порядке фотографии. Их много.

Бабушка Асем сочла нужным сразу же познакомить гостью с обитателями дома, пусть хоть и по фотографиям только. Очевидно, для старухи они не были просто портретами. Начала она с бравого парня в солдатской форме.

— Это Бакыт, ненаглядный мой, в армии служит сынок.

Знакома заочно с домочадцами, бабушка Асем хлопотала по дому. Поставила чай. В казан опустила конскую колбасу, оговорив между прочим: «Для Бакыта храню, жду каждую минуту — вдруг заявится, ненаглядный мой». Выкатила на середину комнаты круглый низенький стол, в красном углу напротив соорудила из одеял ложе для сиденья.

На столе появились баурсаки, припудренные сахаром, топленое масло, — янтарное на белом блюде, нарезанный крупными ломтями хлеб...

У Инеш потекли слюнки. Пища простая, но такая аппетитная. И бабушкин голос чем-то напоминает голос ее матери.

— В дороге-то намаялась, проголодалась, милая. Ешь, пей, душа моя, не стесняйся.

Инеш расслабилась. Ласковые слова размягчили сердце. Ехала, думала угодить в ад крошечный, а попала в рай, в

дом почти родной. К горлу подступили слезы благодарности. Захотелось приласкаться к бабушке Асем, как к матери, обнять за шею, расцеловать, отойти душой на теплой и мягкой груди. Но сдержалась. Не заплакала. Радую бабушку Асем, ела конскую колбасу Бакыта, пила душистый чай с баурсаками, пряча дрожащие губы в глубокой расписной пиале.

Асем сама и убрала со стола после еды, не позволила Инеш помыть посуду.

— Ход у верблюда тяжелый, утомил тебя, проклятый, качкой. С непривычки у иных кружится голова, тошнит. Отдыхай, душа моя, отдыхай.

Она разобрала кровать, постелила белую простыню из плотного полотна, взбила пуховую подушку, снова подчеркнула:

— Постель Бакыта моего,— и добавила с легким и чистым смешком:— Может, и тебе посчастливится. Ложись и отдыхай.

Инеш улеглась и вытянулась во весь рост. По телу пробежал приятный озноб. Свежая постель холодила и убаюкивала. Закрыла глаза и закачалась в зеленых, синих и оранжевых люльках.

Бабушка мыла посуду с таким старанием, что пиалы и тарелки попискивали в ее руках. Серебряное кольцо на руке то и дело скользило по фаянсу, издавая звуки, напоминающие стрекотание степных кузнечиков: редко и робко, а затем все увереннее и сильнее... И вот уже гудящий колокол накрыл всю землю. И вместе с ней — Инеш. Девушка заснула под стрекот кузнечиков в постели, предназначенной солдату Бакыту, сыну бабушки Асем.

...И вот теперь, проснувшись в комнате, набитой солнечными зайчиками, с волнением прислушивалась к незнакомым шорохам, звукам. Тело ломило, ныло в пояснице — наломало-таки в пути. Но Инеш выпалась хорошо, на душе было покойно и уверенно. Лежала, вникая в разноголосую тишину. Ее тонкий слух уловил разговор в прихожей. Разговаривала бабушка Асем с какой-то женщиной, голос которой Инеш сразу же не понравился своей заносчивостью и еще чем-то.

Асем с гордостью, что еще больше расположило Инеш к старушке, сказала собеседнице:

— Пригожая лицом и телом. Вся как есть упитанная козочка, ладная, гладкая. Учительницей будет нашим детям. Из самой Алма-Аты приехала.

— Фи, Алма-Ата! Говорят, там даже собакидохнут от голода и тоски. Как же она — гладкая и упитанная?..

— Асия! — оборвала соседку бабушка. — Не язви. И говори, пожалуйста, потише. Она проделала большой путь, устала на верблюде, пусть выспится хорошенько.

— Настоящая казашка? — перешла на громкий шепот Асия. — Может, у нее в роду приبلудки, а?

— Боже мой! — отвечала Асем. — Ты всюду ищешь изъян. Ай, Асия, несчастная ты, горемычная. Господь бог уродил тебя такой в наказание. Сколько раз говорила тебе: не ищи в людях плохое — сама себя чернишь. Конечно, она — казашка. Чистокровная!

Асия, казалось, не обратила внимания на упреки и выговор бабушки, сказала с заговорщицкой хрипотцой:

— Счастливый случай! Если так, сам господь бог послал ее к тебе в дом. Для Бакыта. А?

Бабушка Асем ничего не ответила. Инеш с интересом прислушалась, даже поднялась на локте, напряглась в веселом любопытстве.

Асия, поощренная молчанием хозяйки, с напором продолжала:

— Хозяйственная? Корову доить наверняка не умеет. У них, в Алма-Ате этой, коров нету. И ни баранов, ни верблюдов, ни кизяка. Как только живут люди?! Чему учатся?! Вот встанет, ты понаблюдай за ней, поручи чай разливать. Посмотрим, какая у нее хватка, есть ли навык. Проконтролируем.

Инеш рассмеялась в подушку. Асия, не дождавшись ответа бабушки, сокрушенно цокнула языком и совершенно иным голосом проговорила:

— Только не верю я нынешним молодухам. Говоришь, ей лет двадцать-двадцать три? Ой-бай, поди уже успела обзавестись муженьком. Оставила его дома, а сама упорхнула. Такие они, нынешние. Увидишь, не пройдет и месяца, заявятся...

— Перестань молоть чепуху! — оборвала ее бабушка Асем. Предположение Асии ей пришлось явно не по вкусу. — Сама не знаешь, что болтаешь.

Мысли Инеш сразу же перенесли ее в Алма-Ату. «Оставила его дома, а сама упорхнула». Если бы так... Инеш вспомнила последнее свидание с Мауленом. Она тогда еще была уверена, что все будет хорошо, после получения диплома останется в столице рядом с ним...

Они сидели под желтой цветущей акацией. Инеш поло-

жила голову на крепкую грудь Маулена. Он молчал и нежно гладил ее по отливающим синью, будто вороненым волосам. Потрепал, словно маленькую, за щеку, прикоснулся губами ко лбу. И сказал:

— В аул уедешь работать, я к тебе в каникулы приезжать буду...

Слова эти мгновенно отрезвили Инеш. Только что сомлевшая от любви и ласки, чувствовавшая себя ягненочком, она вскочила разъяренной тигрицей. Даже упоминание об ауле было ей ненавистным. Сказала с неприязнью:

— Ты до сих пор не избавился от навязчивой мысли? Я же ясно сказала: никуда не поеду из Алма-Аты! И ты заодно с ними, с этими? Не хочу!

И ушла оскорбленная, даже не оглянувшись на зов Маулена: «Инеш, вернись!».

Не вернулась. Почему не вернулась тогда? Кто бы мог знать, что ей действительно придется жить в ауле, лежать в постели незнакомого Бакыта и слушать доверительный женский разговор. Ах, Маулен, Маулен!..

«Может, написать ему письмо, сообщить о благополучном приезде в аул?»

Но Инеш тут же осудила себя. Если любит, найдет на краю света, придет, обнимет. А она, Инеш, не унижится до попрошайничества в любви, не растопчет девичьей гордости, не поступится честью...

Скрипнув кроватью, она поднялась.

Асия воскликнула с жадным любопытством.

— Ой-бай, кажется разбудила! Вот ведь беда какая. Дура я языкая.

Одевшись, Инеш вышла в прихожую, поздоровалась с бабушкой Асем и ее собеседницей.

Бабушка перебирала шерсть. Асия сидела рядом. Немолодая уже женщина, косоглазая, остроносая. Лицо у нее было плоским и темным, будто обрызганное грязью. Нос торчал подобно клюву хищной птицы. Грязный передник прикрывал большие сапоги, видимо, мужнины. На сапогах заметны следы молока — брызги высохли, оставив полосы, пятна и крапинки. Неприглядный вид Асии в особенности бросался в глаза рядом с бабушкой Асем, к которой, казалось, и волосок не пристанет, так опрятно держала она себя.

— А-а,— протянула Асия, ощупывая Инеш разбегающимися по сторонам глазами.— Вот ты какая?! Здорова ли? Как поживаешь?

Бабушка прервала Асию, спросила певуче и ласково: — Должно быть, разбудили тебя глупыми разговорами! Полежала бы еще, душа моя, ведь, рано.

— Спасибо, я хорошо выспалась.

Немного спустя Асия ушла. Бабушка заботливо хлопотала с чаем. Выпив чаю, Инеш выбежала наружу. Вчера она и не заметила — аул стоял на краю синего леса, он тянулся до самого края земли, густея и темнея вдаль. А в самом ауле голо, ни кустика. Три озера точно блюдца с молоком, сверкали матово справа и слева; аульные домики прижились на гриве, разделявшей озера. С возвышенности виделось далеко вокруг.

Холмы задумчиво брели от озера к лесу. Инеш пошла вслед за ними, шурша нежной отавой в низинах и жухлыми стебельками ковыля на увалах: осень подступила к природе исподволь, тихо и неотвратимо. В воздухе проносились паутинки, вились серебряные нити. Осень! Золотая, ясная, печальная...

Какие-то новые чувства зарождались в Инеш, питая серьезные мысли и устремления. Добрые чувства всегда рождают добрые мысли. Но Инеш по-прежнему была одинока, и от этого чуть-чуть растерянна. Как хорошо, что в незнакомом, далеком от родины месте, в глухом ауле, она в первый же день натолкнулась на человека, который чем-то напоминает мать, оставшуюся в большом и пустом родном доме!..

И при мысли о чужой бабушке, ставшей ей родной в один день, Инеш охватило еще большее чувство одиночества. Она вздрогнула, остановилась и огляделась.

Равнины, озера, лес, небо — мир вокруг был велик и жутко таинственен. Инеш почувствовала свою мизерность в этом огромном, вечно постоянном и вечно меняющемся мире. Пространство пугало ее своей безлюдностью. Она оглянулась на аул и тотчас же заспешила обратно в дом Асем.

Она удивилась своей безмерной радости и счастливому успокоению при виде бабушки, занятой своими простыми делами по дому.

Стыдась и страхась своих внезапных чувств к чужому человеку и чужому дому, Инеш прошла в горницу. И не узнала ее. Исчез сундук с одеялами, исчез занавес. Кровать стояла ближе к двери. Посредине комнаты утвердился высокий стол с белой скатертью. На красном ковре в глубине комнаты, почти у изголовья кровати, в большой раме

висел поясной портрет Бакыта. Парень смотрел на Инеш с вопросительным недоумением.

— Эта комната теперь твоя, душа моя. Живи здесь, как твоему сердцу угодно. Не гостьей будь — хозяйкой.

Инеш повернулась к старушке и порывисто обняла ее. Она простила ей даже портрет, вывешенный не без умысла. Ведь это был любимый сын Асем. А какая мать прочит своему сыну плохую жену?.. Бакыт — счастье бабушки Асем. Будет ли счастлива она, Инеш?.. И какое оно, ее счастье?.. Инеш не готова была в эту минуту уверенно ответить на тревожный вопрос, но предчувствовала прозрение и ясную веру в будущее. Впервые она задумывалась о завтрашнем дне. А пока...

В этот миг Инеш не представляла себя счастливой без бабушки Асем. И чувствуя на своих плечах твердые и ласковые руки старухи, Инеш вдруг вспомнила: «А школа? Сегодня же надо сходить в школу!»,.

1949—1959 гг.

Шаймерденов Сафуан.
ИНЕШ. Роман. Авториз. пер.
с каз. С. Никитина. Алма-Ата,
«Жазушы», 1969.
284 с.

Редактор *Ш. Алимбаев*
Художник *Е. Султалбеков*
Худож. редактор *М. Кисамединов*
Техн. редактор *С. Лепесова*
Корректор *М. Кац*

Сдано в набор 31/I-69 г. Изд. № 115.
Подписано к печати 30/V-69 г.
Бум. тип. 2. $84 \times 108^{1/32} = 8,975$ п. л. =
14,91 усл. п. л. (Уч.-изд. 16,53 л.).
Тираж 100 000 экз. Цена 58 коп.

Заказ № 205. Типография № 2
Главполиграфпрома Госкомитета
Совета Министров КазССР
по печати, г. Алма-Ата,
ул. Карла Маркса, 63.